

Г. М. ДАНИЛОВА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
У ФРАНКОВ
VI—VII вв.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1959

Ответственный редактор
проф. В. Ф. СЕМЕНОВ

ВВЕДЕНИЕ

За годы существования Советской власти советскими историками проделана огромная работа по созданию исторических трудов, освещающих историю прошлого на основе марксистской методологии.

Однако не все еще вопросы истории, в частности истории средних веков, подверглись достаточно полному анализу советских историков. Есть проблемы, недостаточно раскрытые в советской медиэвистике. К таким проблемам относится и проблема возникновения феодальных отношений у франков.

Проблема возникновения феодальных отношений у франков VI—VII вв., правда, вызвала появление отдельных статей и даже монографий советских авторов. Они посвящены различным вопросам истории раннего и более позднего франкского общества¹. Но работы о франках, обобщающей эти вопросы, нет.

Наиболее близкой к нашей работе по тематике и содержанию ее является монография А. И. Неусыхина, вышедшая в 1956 г.² Но прекрасно эрудированный автор, посвящая свою работу возникновению зависимого крестьянства в Западной Европе, в том числе и франкского крестьянства, многих признаков возникающего у франков феодализма не затрагивает, т. к. само направление указанной монографии не представляет для этого возможности.

Во всей своей совокупности проблема возникновения феодальных отношений у франков многогранна. Она включает и социально-экономическое положение народных масс в момент зарождения новых (феодальных) отношений у франков, и состояние производительных сил общества в VI—VII вв.,

¹ См. раздел «Библиография» и часть «Введения», посвященную историографии.

² А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. Изд. АН СССР. М., 1956.

и зарождение и рост феодальной собственности на землю у франков, и особенности развития феодального государства на его раннем этапе (при Меровингах).

Вопрос о возникновении феодальных отношений у франков неизбежно связан с изучением более ранних, т. е. первобытно-общинных отношений в обществе франков и проникновением в это общество отношений нового типа, которые могут быть квалифицированы как раннефеодальные отношения.

Проследить отмирание одних характерных бытовых черт у франкского народа, наличие и живучесть других, в частности, черт, характеризующих большую семью и наличие общины-марки, показать проникновение в общинный быт франков новых частнособственнических отношений, дать анализ этих отношений, как раннефеодальных — составляет задачу настоящего исследования. К числу других важных вопросов, поднятых в монографии, следует отнести вопрос о развитии у франков и раннефеодального государства как надстройки над социально-экономическим базисом.

Итак, мы стремимся на основании материала источников изучить те закономерные явления, которые происходили в период зарождения феодальных отношений у франков в процессе перехода их от первобытно-общинного строя к феодальному.

Работа содержит, кроме введения, включающего историографические данные и характеристику источников, на которых построена монография, четыре главы и заключение.

В первой главе автор анализирует картину распада первобытно-общинных отношений у франков и одновременно процесс возникновения у них новых — феодальных отношений в их раннефеодальный период. Автору хотелось отметить несомненное наличие борьбы старого с новым, которую отразили изученные документы. Вторая глава посвящена хозяйству франков VI—VII вв., росту производительных сил франкского общества, выяснению характера синтеза римского и варварского начал у франков и росту феодальной собственности на землю. В третьей главе характеризуется социальный состав франкского общества VI—VII вв.: свободные, знать, рабы, литы, вольноотпущенники, римляне и т. д. Глава строится в плане анализа взаимоотношений отдельных социальных групп общества и борьбы между этими социальными группировками. Мы стремимся проследить по источникам начало закрепощения свободных общинников и рост экономического и политического влияния феодализирующейся знати. Четвертая глава характеризует франкское раннефеодальное государство эпохи Меровингов с его своеобразными особенностями, позволяющими говорить о переходном характере политической надстройки от форм ранней военной демократии

к формам явно феодальным. Заключение обобщает материал поименованных глав.

Марксистско-ленинская наука, подчеркивающая громадную роль масс в историческом процессе, указывает в то же время и на основу самого исторического процесса, на рост производительных сил, на эволюцию экономических отношений, на смену общественно-экономических формаций в истории общества. Марксизм подчеркивает глубокое значение эпох, в которые происходила смена формаций, уделяя большое внимание элементам новой формации, возникающим еще в старом обществе, при наличии еще прежнего базиса, в недрах отживающей формации, а также глубоким следам отжившей формации, сохраняющимся в виде укладов в недрах нового общества, новой формации, при наличии новых производственных отношений (нового базиса).

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества»¹.

Это глубочайшее теоретическое положение марксистской науки об обществе ставит перед историками, занимающимися переходными историческими эпохами, задачу глубокого изучения признаков в обществе как характеризующих новые явления в старом обществе, так и черты архаики, оставшиеся в виде пережитков, укладов в новом, только что возникшем обществе. Это особенно важно помнить нам при изучении различных конкретных черт, характеризующих возникновение новой (феодальной) формации у франков в VI—VII вв. Все это также естественно связано с историей народных масс, непосредственных производителей эпохи, с их производственной деятельностью и общественными отношениями.

Величайшим достижением марксистско-ленинской науки является созданное марксизмом учение о государстве, в котором впервые в историографии вопроса прозвучали великие марксистские идеи о характере возникновения государства в результате непримиримости классовых противоречий, о классовом характере государства, о надстроечной роли государства, помогающего укреплению нового базиса и того класса, который захватил в свои руки власть (т. е. господствующего класса общества)², о функциях государства как больших, так и малых, о путях укрепления государства и его формах и т. д.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 7.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 358 и след.

Мы стремились в своей работе уделить должное внимание этой важной проблеме, раскрывая ее на конкретном материале ранней истории франкского государства. По своему содержанию данная монография связана с опубликованными ранее статьями автора¹. Они тоже посвящены раскрытию общей проблемы.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Источники, использованные в данной работе, не представляют собой большого комплекса документов, ибо немного их сохранилось от той эпохи. Но источники эти несколько своеобразны, так же как и метод работы с ними. И то и другое побуждает нас выделить во введении вопрос о характеристике использованных источников. Вопрос о методе работы с ними касается прежде всего работы с текстами народных «Правд»², которые вообще займут доминирующее место в наших наблюдениях и выводах. Остальные привлекаемые источники будут по существу дополнять и углублять то, что укажут «Правды».

«НАРОДНОЕ ПРАВО» ФРАНКОВ³

А. «Салическая Правда» («Lex Salica»)

«Салическая Правда» («Lex Salica») принадлежит к числу тех народных «Правд», которые возникли на заре истории новых народов Европы в виде записи обычного права того или другого народа в раннефеодальный период. «Салическая Правда» — судебник салических франков, составленный в конце V или начале VI в. при Хлодвиге I⁴, после перехода франков в Галлию. Особенностью «Салической Правды» как

¹ Г. М. Данилова. О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*». Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена, т. 68. Л., 1948; Об основном экономическом законе феодализма. «Вопросы истории», 1954, № 7; Сельское хозяйство у салических и рипуарских франков по их «Правдам». Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена, т. 68. Л., 1948; К вопросу о возникновении народности (на примере франкской). Уч. зап. КФ гос. ун-та, т. V. Петрозаводск, 1955; К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков). Уч. зап. КФ гос. ун-та, т. IV, вып. 1. Петрозаводск, 1954; К вопросу о генезисе феодализма у франков. Уч. зап. Петрозаводского ун-та, т. VI, вып. 1. Петрозаводск, 1956.

² И в первую очередь с «Lex Salica», которая имеет большое количество списков и компиляций.

³ Так называет его Энгельс в «Марке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 633.

⁴ См. «Прологи» «Салической Правды» и работу автора «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*».

источника является прежде всего обилие ее вариантов и разночтений. «Салическая Правда» «живет» в течение ряда веков (VI—IX вв.), постоянно переписывается и во время этих переписываний дополняется и изменяется. В рукописной традиции «Lex Salica» сохранилось до 356 различных списков и копий. К величайшему сожалению, первоначальный текст «Салической Правды» до нас не дошел, дошли только более или менее точные копии с него. Наиболее близкой к древнейшему первоначальному тексту памятника считается Парижская рукопись «Lex Salica»¹, на которую обычно и ссылаются, как на самый ранний текст «Салической Правды», противопоставляя этот текст другим памятникам, составленным позднее Парижской рукописи.

В рукописи «Paris 4404» весь текст «Правды» разделен на 65 титулов², написан на варварской латыни, но имеет много примечаний — «глосс» на салическом наречии франкского диалекта³.

Обычно во всех изданиях «Салической Правды» Парижская рукопись берется за основу. Очень близка к Парижской рукописи «Lex Salica» рукопись Вольфенбютеля⁴. Она тоже содержит 65 титулов (как вообще многие ранние рукописи «Lex Salica») и мальбергскую глоссу.

К группе Парижской рукописи относятся еще 3 рукописи «Lex Salica», имеющие с ней значительное сходство по структуре и содержанию. Разночтения тут весьма незначительны.

Группы списков «Салической Правды», близкие по времени их составления и по структуре, принято называть «семьями». Таких «семей» «Салической Правды» установлено рукописной традицией источника пять: I, II, III, IV («Heroldina»)⁵ и V («Emendata»)⁶ (в I и II «семьях» по 65 титулов, в III — 99 и 100, в IV и V — 70).

Нами обнаружена одна из рукописей «Lex Salica» (IX в.) в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. По месту обнаружения этой рукописи она наименована Ленинградской рукописью «Салической Правды» («Lex Salica Leninopolitana»); шифр ее QUV 2 № 11⁷. Данная рукопись принадлежит к «семье»

¹ «Paris 4404».

² Титулами называются главы «Салической Правды», которые в свою очередь имеют пункты. В разных изданиях «Салической Правды» разное количество титулов.

³ Так называемая мальбергская глосса.

⁴ Открытая им.

⁵ То есть открытая Герольдом в XVI в. Опубликована в 1557 г.

⁶ Что значит — исправленный текст. Эта «семья» рукописей подвергнута значительной переработке при Каролингах.

⁷ См. нашу работу «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «Lex Salica Leninopolitana».

«Эмендата». Эта V «семья» наиболее многочисленна. Она имеет наибольшее количество рукописей (свыше 50).

Печатных изданий «Салической Правды» существует несколько как иностранных, так и русских (в том числе и одно советское издание под редакцией проф. В. Ф. Семенова).

Даем краткий обзор изданий «Салической Правды».

«Салическая Правда» (русские издания)

Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права. Под ред. П. Г. Виноградова и В. Ф. Владимирского-Буданова. Выпуск 1 «Lex Salica» без перевода. Текст подготовлен к печати Д. Н. Егоровым (его же примечания и комментарии). Киев, 1906.

«Салическая Правда» (перевод Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьева). Введение Н. П. Грацианского. Казань, 1913.

«Салическая Правда» (перевод Н. П. Грацианского). Под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950 (полное издание с приложением латинского текста и капитуляриев к «Правде»).

«Салическая Правда» (иностраные издания)

J. M. Pardessus. Loi salique ou Recueil contenant les anciennes rédactions de cette loi et de texte connu sous le nom de «Lex Emendata» avec des notes et des dissertations. Paris, 1843.

G. Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken. Eine Beilage zur deutschen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1844.

«Lex Salica», hrsg. von Merkel I., mit Vorrede von Grimm, J. Berlin, 1850.

«Lex Salica», hrsg. von Behrend I., Ferd., nebst den Capitularien zur «Lex Salica», bearb. von Boretius, A. Weimar, 1897.

«Lex Salica» — The ten tests with the glosses and the «Lex Emendata» Synoptically ed. by Hessels J. H., with notes on the Frankish words in the «Lex Salica» by Kern, H. London, 1880.

«Lex Salica» — Zum akademischen Gebrauche, hrsg. von Geffcken, H. Leipzig, 1898.

Die Gesetze des Merowingerreiches, hrsg. von K. A. Eckhardt. Pactus legis Salica, Weimar, 1935¹.

Die Gesetze des Karolingerreiches, hrsg. von K. A. Eckhardt, I., «Lex Salica»: recensio pippina. Weimar, 1953.

¹ Есть издание 1953 г. См. ниже.

Научная литература по «Салической Правде» обширна¹ и носит, главным образом, формально-юридический и источниковедческий характер. Даже наиболее прогрессивные для своего времени исследователи «Салической Правды» (Ейхгорн, Бруннер, Вайц, Беренд, Зом, Гессельс, Керн и др.) интересовались главным образом ее текстуальными особенностями, временем составления, происхождением и значением отдельных терминов, размерами и видами штрафов и преступлений и т. д., мало анализируя «Салическую Правду», как источник о социально-экономической жизни франков.

Большим дискуссионным вопросом для исследователей «Lex Salica» являлся также вопрос о происхождении ее текстов и соотношении между отдельными рукописями и «семьями» «Lex Salica». Вся сложность вопроса заключалась в том, что до нас не дошел древнейший текст «Lex Salica», составленный при Хлодвиге I в конце V или в начале VI в.² До нашего времени дошел целый ряд списков «Lex Salica», имеющих прямое или косвенное отношение к этому древнейшему списку, который не сохранился. И среди исследователей «Правды» возникла продолжавшаяся десятки лет дискуссия о соотношении между этим несохранившимся древнейшим текстом «Lex Salica» и другими ее текстами и «семьями», дошедшими до нас. Были созданы даже целые схемы «генеологического древа» «Салической Правды». Эти схемы обычно называются по имени их авторов (схема Вайца, Беренда, Гессельса и т. д.)³.

Вайц⁴, например, считал, что рукописи I, II, III, IV «семей» «Lex Salica» основаны на разных неизвестных нам рукописях, имеющих в основе одну древнейшую, не дошедшую до нас рукопись. Таким образом, Вайц считал тексты I «семьи» «Lex Salica» «основой для всех остальных «семей»⁵, а II и III «семью» и «Emendata» он целиком базировал на четвертом неизвестном нам тексте (по счету a, b, c, d) из списков I «семьи», считая, что он явился первоисточником для II и III «семей» и «Emendata». IV «семья» («Heroldina») в схеме Вайца опущена.

Беренд⁶ дал несколько другую схему. Основываясь на том, что не дошедшая до нас древнейшая рукопись «Lex Salica» является основой, из которой путем авторизованной

¹ См. раздел «Библиография» (зарубежные авторы).

² Большинство новейших исследователей «Lex Salica» упоминает начало VI в. А. Д. Люблинская в своем «Источниковедении истории средних веков», изд. ЛГУ, 1955, предположительно называет даты 507—511.

³ См. нашу работу «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*».

⁴ G. Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken. Berlin, 1844.

⁵ См. нашу работу «О списках и редакциях «Салической Правды»...», стр. 107.

⁶ Behrend. Die Textentwicklung des «Lex Salica». Berlin, 1897.

переписки возник ряд вторичных текстов¹, он тем самым тоже придает большое значение текстам I «семьи». Но он считает, вопреки мнению Вайца, что два текста I «семьи» равнозначны, как авторизованные списки с первоначальной неизвестной рукописи, и они сами служат материалом для компиляции в дальнейших изданиях. Следовательно, по его мнению, тексты I «семьи» значительно ближе к древнейшему тексту «Lex Salica», который до нас не дошел. Остальные же «семьи» являются производными от них.

К схеме Беренда близок был и Д. Н. Егоров в своих исследованиях по «Салической Правде»².

Гессельс и Бруннер дали еще новую схему соотношения текстов «Lex Salica». С первого взгляда она сходна со схемами Вайца и Беренда. Тексты «Lex Salica», возникшие путем авторизованной переписки древнейшего из текстов (не дошедшего до нас), составляют I «семью» (этот вывод у всех авторов совпадает). Но дальше идет расхождение. Гессельс и Бруннер считают, что хотя четыре рукописи I «семьи» в основном сходны между собой и имеют по 65 титулов, но у них есть небольшие различия в деталях. В связи с этим, по мнению авторов, возникла потребность свести их в один общий текст, которым и являются композиции II «семьи», родственные тексту «Heroldina». По Гессельсу этот текст («Heroldina») составляет V «семью» рукописей, а по Бруннеру он занимает особое место. Далее авторы этой схемы считают, что возникшие таким образом компиляции дали основание для дальнейших переделок рукописей III «семьи». К рукописям IV «семьи» авторы относят «Эмендату», отредактированную во времена Карла Великого.

Вот некоторые суждения³ о генеологии текстов «Lex Salica». При всей разноречивости этих суждений авторы их сходятся на том, что тексты I «семьи» сходны между собой и являются наиболее ранними текстами «Салической Правды», списанными с древнейшего оригинала — не дошедшей до нас первоначальной рукописи «Lex Salica».

Поэтому мы данную «семью» и используем главным образом в своей работе, сопоставляя с нею рукописи других «семей», как более поздних. В отношении вопроса о последовательности текстов и «семей» «Салической Правды» мы принимаем в основном схему Беренда — Егорова и принятую большинством исследователей последовательную нумерацию «семей», а именно: I «семью», как наиболее раннюю, за ней II, III, IV («Heroldina») и V («Emendata»). К последней (V) «семье»

¹ Тексты: «Paris 4404», «Wolfenbüttel». München etc.

² Д. Н. Егоров. Lex Salica Изв. Киевского ун-та, 1904—1906. Предварительные замечания.

³ Подробнее о них см. в работе автора «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «Leninopolitanus».

мы относим и Ленинградскую рукопись «Салической Правды» («*Leninopolitanus*»)¹. Важно и то, что «Салическая Правда», будучи «моложе» многих «варварских правд» по времени написания ее, имеет те преимущества, что отражает сравнительно раннюю стадию развития франков — одного из германских племен, которое в хозяйственном и социальном отношении недалеко ушло от эпохи, описанной Тацитом, что особенно заметно на текстах I «семьи» «*Lex Salica*».

Ниже в основных главах работы нам придется не раз делать сопоставления между германцами эпохи Тацита и германцами (франками) начала VI в. (т. е. времени составления списков I «семьи» «*Lex Salica*»). Ценность «Салической Правды», как источника о генезисе феодализма у франков так велика, что вызывала неоднократную попытку в реакционной литературе XIX в. и в литературе недавнего времени дискредитировать «Салическую Правду» как источник. В XIX в. такие попытки пытался делать французский буржуазный историк Фюстель де Куланж — принципиальный противник марки и марковой теории. Но его метод «борьбы» с данными «Салической Правды» сводился главным образом к отрицанию этих данных. Если по титулу XLV «*Lex Salica*» явно выступало наличие марки-общины у франков, то Фюстель де Куланж просто утверждал, что этой общины не было или строил фантастическую гипотезу о временном отсутствии хозяина, в виллу которого производится вселение чужака.

С обострением борьбы на идеологическом фронте в XX в. враги марксизма и объективной науки делают попытку вообще «покончить» с «Салической Правдой» как с источником о ранней истории франков. С этой целью австро-американский историк Штейн в реакционном американском журнале «*Speculum*» в 1947 г. выступает со статьей, в которой пытается доказать «фальшивость» «*Lex Salica*», как документа по ранней истории франков, допуская ее появление только в IX в.²

Решив «уничтожить» «Салическую Правду» одной «громовой» статьей, Штейн действует по методу лобовой атаки, обрушенной на всю научную многовековую традицию о «Салической Правде», на все ее многочисленные тексты. Но характерно, что текстов «Салической Правды» он нигде не анализирует, между тем как это должно было бы быть основой всей аргументации. Домыслы Штейна сводятся к тому, что «Салическая Правда» будто бы не является записью обычного права франков, не относится ко времени Хлодвиг I, но составлена в IX в. в канцелярии Карла Лысого, внука Карла Великого, что составлена она единовременно (и якобы не имеет более ранних и более поздних текстов, наличие которых доказано всей научной традицией о «*Lex Salica*»), что монетная

¹ См. указ. выше работу автора.

² S. t. e. i. n. *Lex Salica*. «*Speculum*», 1947, apr.-jul.

система, указанная в «Салической Правде» (т. е., что 1 солид¹ равен 40 динариям), в действительности будто бы никогда не существовала, а нарочно «выдумана» составителями «Правды» в XIII в. в целях рационализации вычисления штрафов.

Но как можно отрицать составление «Салической Правды» Хлодвигом I, если во всех прологах упомянуто его имя? Как можно игнорировать монетную систему «Салической Правды», если каждый ее титул дает указание на штрафы в солидах и динариях? Как можно отрицать наличие многовековой традиции памятника, если каждая его «семья» имеет свои особенности в языке, в стиле, в наличии или отсутствии мальбергской глоссы, в наличии или отсутствии тех или других семейных или общественных отношений, выдвигаемых соответствующим временем?

Если сравнить ранние издания «Салической Правды»² с более поздними³, то бросаются в глаза не только изменения в содержании текстов «Салической Правды», но и транскрипция, изменение очертаний отдельных букв, употребление того или другого письменного знака, обусловленного более ранним или более поздним временем составления или записи текста. Особенно это можно оценить, изучая подлинник — Ленинградскую рукопись («*Leninopolitanus*») «Салической Правды». Рукописный уникальный текст Ленинградской рукописи сохранил на свих пожелтевших страницах из пергамента, в выцветших чернилах, в очертаниях унциальных или полуунциальных букв, в сокращениях слов и выражений, в разделении слов, в употреблении заглавных букв определенный колорит эпохи, ее специфику. Сопоставляя рукопись «*Leninopolitanus*», как один из наиболее поздних вариантов текста «*Lex Salica*», с самым древнейшим из дошедших до нас ее текстов, с рукописью «*Paris 4404*», мы видим как бы исходный и заключительный момент ее исследования самого общества франков VI—VIII вв. с изменениями, происшедшими в этом обществе за три века. Видим и разницу в характере записи раннего и позднего текстов. Вдумчивому исследователю, отмечающему с интересом каждый новый штрих в рукописи, новую черту, изгиб буквы, лишнюю вставку, наличие или отсутствие глосс, изменения в транскрипции и т. п., очень много наблюдений дает сравнительный анализ текстов «Салической Правды», ее многовековая традиция.

Штейн, собственно, исследования «Правды» не проделал, ничем не пытаясь доказать свою «теорию». По существу он отмахивается от вопроса о разночтениях и вариантах «Сали-

¹ С о л и д — золотая монета, равная по весу почти 5 г. За два солида во времена Меровингов можно было купить корову.

² I—II «семьи» рукописей.

³ «*Heroldina*», «*Emendata*».

в этом обществе в VI—VII—VIII вв. Характер занятий франков выявляется из ряда титулов «Салической Правды»¹, хотя эти титулы составлены с целью взимания штрафов и наложения взысканий на франков за различные преступления и проступки.

Титулы XLV, XX, XXX, XXXII, XLIV, LIV, LVIII, LIX, LXIII и другие свидетельствуют о социальных группировках франкского общества и социально-экономических отношениях между ними. По многим титулам «Правды» мы можем судить о положении в обществе рабов и свободных². Целый ряд других важнейших явлений в жизни франкского общества отражает «Салическая Правда»; уровень производительных сил, характер производственных отношений со следами пережитков первобытно-общинного строя, характер и формы собственности, своеобразие судебной процедуры и т. д. Очень важно то, что благодаря длительной жизни памятника (VI—IX вв.) и постоянным к нему добавлениям, которые производились в VI, VII, VIII и IX вв. (и отражены в разных списках и компиляциях, дошедших до нас), возможен сравнительный анализ текстов «Lex Salica» (более ранних с более поздними).

Этот сравнительный анализ текстов памятника и выявление в связи с анализом новых черт, появившихся в жизни франкского общества в тот или другой период, и составляют особенность нашего научного метода работы над текстами «Салической Правды».

Тот факт, что «Салическая Правда» составлялась и переписывалась в течение ряда веков (с VI до IX), дает нам возможность, применяя метод сравнительного анализа текстов «Правды» (более ранних с более поздними), проследить за жизнью и изменениями в жизни франков, отраженными в изменяющихся текстах «Правды». Это наблюдение за изменением текстов «Правды» и установление по этим текстам, измененным в последующих изданиях «Правды», некоторых закономерностей, происходивших в жизни франкского общества VI—VII вв., и явится основным методом нашей работы над текстами «Салической Правды». Как покажет исследование, изменения в текстах (ранних и поздних «семей» рукописей)³ довольно значительны, и они отражают изменения, происходившие в самом обществе франков.

Мы продемонстрируем это на конкретном материале III главы монографии при анализе ранних и более поздних семейных отношений у франков и на примере других глав работы. Изменяющиеся тексты памятника, взятые по разным «семьям»

¹ «Lex Salica», tit. II—IX, XXII—XXVII, XXXIII—XXXIV etc.

² «Lex Salica», tit. X—XX, XXV—XXVI, XXXII, XXXV, XXXIX—LXIII etc.

³ См. нашу работу «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*».

рукописей, показывают изменения в жизни франков, всегда происходящие в обществе в одном известном направлении (от более архаичных форм общества и семьи — к новым формам взаимоотношений). В этом случае разночтения между текстами, например, I—II, с одной стороны, и IV—V «семьями», с другой, очень значительны. За последнее время интерес к данному источнику возрос. Об этом свидетельствуют некоторые ценные работы, посвященные текстам «Lex Salica».

Нам особенно хочется отметить три работы немецкого исследователя текста «Lex Salica» Карла Августа Екгардта, вышедшие в 1953¹ и 1955 гг.² В первой работе — «Салическая Правда» (текст в 100 титулов) — автор дает последовательное изложение текстов «Салической Правды» с переводом их на немецкий язык.

Автором использован тот текст «Салической Правды», в котором число титулов (путем их дальнейшего расчленения) доведено до 100³. Нумерации титулов предпослано введение⁴. В нем автор дает некоторую классификацию текстов «Салической Правды», употребляя несколько другую терминологию (чем принятую его предшественниками), называя не «семьи» текстов I, II, III и т. д., а группы А, В, С, D и т. д. Эти буквенные обозначения употребляли и другие исследователи (Беренд, Вайц, Бруннер)⁵, но они не отказывались от деления текстов «Lex Salica» и на «семьи». Группы текстов «Lex Salica» А, В, С автор относит к меровингскому времени и именует их «Pactus legis Salica». Группы D и E, по его мнению, более позднего происхождения. С этим нельзя не согласиться. В другой работе⁶ автор делает интересную попытку расположить ранние тексты «Lex Salica» (относящиеся к меровингскому времени) под единой нумерацией, включая в этот счет и титулы, и пакты, и декреты, и капитулярии меровингских королей.

Но в отличие от первой книги автор берет здесь за основу текст А (т. е. I «семьи»).

В первой книге, используя текст «Lex Salica»⁷ в 100 титулов, автор дает указатель с обозначением нумерации титула по группе А (с левой стороны текста) и по группам D и E внизу (параллельно с новым текстом). Во второй книге систематического указателя нет, но время от времени автор, давая текст титула, дает параллельно текст из другой группы списков

¹ «Lex Salica», 100 Titel-Text. Hrsg. K. A. Eckhardt. Weimar, 1953 (есть изд. 1935 г.).

² Die Gesetze des Merowingerreiches (481—714). Hrsg. K. A. Eckhardt. Berlin—Frankfurt, 1955.

³ Один из текстов III «семьи» (по терминологии автора — «группы С»).

⁴ Einleitung (9—81 стр.).

⁵ См. выше.

⁶ K. A. Eckhardt. Die Gesetze des Merowingerreiches. Berlin, 1955.

⁷ «Lex Salica», 100 titel.

«Lex Salica»¹ и во второй книге имеется перевод текстов «Lex Salica» на немецком языке. Интерпретация текстов не дана.

Тем же автором в 1953 г. был издан текст более поздних списков «Lex Salica» — группы D и E (в терминологии автора, а в ранее принятой терминологии — «Heroldina» и «Eten-data»)². Автор относит эти списки «Lex Salica» к каролингскому времени, и сама работа автора посвящена каролингским законам. В данном издании 100 титулов (последним 100-м титулом оказывается титул о «Chrene crude», который в тексте рукописи «Paris 4404» идет под № 58).

Параллельно с текстом каролингского времени (K) дана слева нумерация титулов по «Pactus legis Salica» (в основном по «Paris 4404»).

Мы уже отметили выше с большим удовлетворением самый факт новых изданий текстов «Lex Salica». Надо сказать, что в Германии этим занимается научная организация³, которая издает последовательно ранние германские законы, начиная с «Lex Salica». Эта организация выпустила тексты «Lex Salica» в 1933—1935 гг. Настоящие, исследованные нами, издания «Салической Правды»⁴ являются уже повторными. По одному этому можно судить, что интерес к данному источнику очень велик и потребность в его издании очевидна. Кроме того, нас вполне удовлетворяет то обстоятельство, что в данном издании уже не поднимается вопрос о времени издания «Салической Правды». Тут признается совершенно обоснованно то, что первые кодексы «Lex Salica» относятся ко временам Меровингов, а последние кодексы⁵ — к каролингскому времени. На этом все время настаиваем и мы в своем исследовании. После этих, новейших исследований текстов «Lex Salica», едва ли возможны лжетолкования о времени составления памятника, которые занимали и в XIX и в XX вв. реакционных историков Запада⁶.

Кроме того, нам хотелось обратить внимание читателей на введение автора нового издания «Lex Salica», данное ко второй из упомянутых книг⁷. В этом введении автор, на основании текстов «Салической Правды» и декретов королей меровингского дома, уточняет даты появления в свет I, II, III «семей» «Lex Salica» (или, как говорит автор, A, B, C текстов)⁸. На основании этих данных автор утверждает, что тексты всех трех названных групп появились за период с 507 по 594 г., т. е. в VI в. Это совпадает с нашими наблюдениями.

¹ На стр. 77—A, C и B; на стр. 104—A, C и «Heroldina» и т. д.

² Die Gesetze des Karolingerreiches (714—911). Hrsg. K. A. Eckhardt. Weimar, 1953, Band II.

³ Historisches Institut des Werralandes.

⁴ 1953—1955 гг.

⁵ IV и V «семьи» (или группы D и E у автора).

⁶ Фюстель де Куланжа, Допша, Штейна и др. (см. выше).

⁷ Die Gesetze des Merowingerreiches (481—714).

⁸ Там же, стр. 9—10.

К «Салической Правде» обычно прилагаются также капитулярии франкских королей (Хильпериха, Хильдеберта, Карла Великого). Эти капитулярии позволяют с еще большей четкостью проследить за изменениями, происходившими в обществе франков¹.

Б. «Рипуарская Правда» («Lex Ribuaria»)

«Рипуарская Правда» составлена в области рипуарских франков. Начало составления «Рипуарской Правды» большинством исследователей относится к VI в.² Текст ее не представляет единого источника, а состоит из нескольких разрозненных частей, хотя и сведенных к общей нумерации. Можно выделить по их своеобразию 4 группы титулов или глав «Рипуарской Правды»: а) 1—31 титулы, представляющие собой оригинальный для данного закона перечень наказаний (главным образом за убийство и увечье). Здесь совсем не чувствуется влияния «Салической Правды». По-видимому, эта часть является наиболее ранним произведением рипуарского закона, записанного почти одновременно с «Салической Правдой». В этой части даже вычисление суммы штрафа дано в других единицах и не совпадает с тем, что имеется в других частях «Lex Ribuaria» и в «Lex Salica».

Что касается следующих титулов (32—64), то в них, напротив, резко чувствуется влияние «Салической Правды». Совпадают и наименование титулов, и построение статей, и в ряде случаев сумма штрафа. Так, например, и в той и в другой «Правде» имеются титулы: о вызове на суд, о похищении свободных, об изгороди, об убийстве человека животным, о свидетелях, о рахинбургах, об аллодах и т. д.

Многие исследователи (Зом, Гаупп и др.)³ относят время составления I части «Рипуарской Правды» к началу VI в., а II части — ко второй половине VI в. III часть «Рипуарской Правды», тит. 65—79 имеет опять некоторое своеобразие, и в ней почти не чувствуется влияния «Салической Правды».

Но IV часть (заключительная), по-видимому, составленная значительно позднее, показывает снова влияние «Салической Правды» на «Рипуарскую Правду». Часть титулов здесь повторяет положения, имеющие место во II части. Время составления этой части (IV) относится исследователями к VII—VIII вв. Зом склонен отнести ее происхождение к концу VII или к самому началу VIII в., а Гаупп считает, что она могла появиться только при Карле Великом. И действительно,

¹ О капитуляриях см. дальше.

² Sohm. Über die Entstehung der Lex Ribuaria. Weimar, 1875; I. Ficker. Die Heimat der Lex Ribuaria. Weimar, 1881.

³ Sohm. Указ. соч.

в последних статьях даже есть указание на дату (803 г.) и упоминание имени Карла Великого.

Наибольший интерес для исследования раннего периода варварства и перехода к цивилизации у рипуаров имеет первая часть «Рипуарской Правды». Здесь можно подметить своеобразие рипуарского народного права по сравнению с салическим правом и раскрыть некоторые причины, обусловившие это своеобразие.

В I части «Рипуарской Правды» можно наблюдать черты, характеризующие наиболее ранние взаимоотношения между рипуарами (пережитки родовых отношений и большой семьи, зарождение малой индивидуальной семьи и ее хозяйства и т. д.). Титулы, составленные позднее (в III и IV частях «Правды»), дают, наоборот, возможность проследить за появлением и укреплением в обществе новых черт, характеризующих новые взаимоотношения в обществе рипуарских франков.

«Рипуарская Правда» («*Lex Ribuaria*») не имеет такой богатой рукописной традиции, как «Салическая Правда». Рипуарские франки, обитавшие на Рейне, вошли в состав франкского государства при Хлодвиге I — основателе этого государства.

При Карле Великом была составлена новая редакция «Рипуарской Правды», с изменением самого названия «Правды». В одной из рукописей начала IX в. она уже называлась: «Рипуарский закон, обновленный во времена Карла»¹.

Таким образом, можно констатировать, что текст «Рипуарской Правды» далеко не столь однороден, как текст ранних списков «Салической Правды». Он и при составлении подвергся значительным — сторонним влияниям. Ввиду этого в «Рипуарской Правде», в самом ее тексте, встречаются положения, характеризующие и раннее общество VI в., и общество более позднее (VII—VIII вв.). Это особенно ярко бросается в глаза при сопоставлении с данными «Салической Правды» и тоже помогает нам вскрыть появление новых черт в жизни франкского общества и наблюдать борьбу нового со старым.

«Рипуарская Правда», как и «Салическая Правда», дает материал, по которому можно сделать выводы о состоянии производительных сил у франков-рипуаров, о социальных группировках и социальных отношениях рипуарского франкского общества, об общинной и частной собственности на землю, на лес, о пережитках общинно-родового строя, о растущей земельной собственности церковных феодалов и вообще о влиянии церкви, которое значительно больше выявлено в «Рипуарской Правде», чем в «Салической Правде», где, кроме повы-

¹ *Pactus legis ribuariae qui temporibus Karoli renevatus est.*

шенных штрафов за убийство духовных лиц, церковь ни в чем себя не проявляла.

Ценным в «Рипуарской Правде» является также и то, что в ней дан некоторый перевод вещественной ценности солида того времени на различные другие меновые единицы (скот, предметы вооружения и т. д.).

Печатные издания «Lex Ribuaria» тоже не столь многочисленны, как издания «Lex Salica». Из этих изданий следует отметить:

«Lex Ribuaria». Monum. Germ. Hist. Legum Sectio I in folio, T. V. ed. Sohm, T.

«Lex Ribuaria». Corpus juris Germanici Antiqui. Ed. Walter, F. Berlin, 1824.

Die Gesetze des Karolingerreiches, hrg. von K. A. Eckhardt, 1. Salische und Ribuarische Franken. Weimar, 1934.

В. «Правда» хамавов

«Правда» хамавов («Lex Hamavorum») не представляет собой такого законченного и регулируемого кодекса законов и постановлений, какими являются «Правды» рипуаров и салических франков. Краткость и некоторая хаотичность записи «Правды» хамавов дали повод некоторым исследователям называть ее даже несколько своеобразно — «Ewa Hamavorum»¹. Но мы все же именуем ее «Правдой», поскольку по своему типу она принадлежит к этому виду документов, несмотря на краткость ее записи. «Правда» хамавов — самая краткая из всех варварских «Правд». В ней всего 48 глав или титулов, а главы или титулы имеют очень краткое содержание (2—3 пункта, тогда как в «Lex Salica» есть титулы, в которых содержится до 26 пунктов)².

По форме «Lex Hamavorum» — краткая запись отдельных положений правового порядка, записанных бессистемно, без хронологического или тематического плана. При этом некоторые положения «Правды» хамавов неоднократно повторяются, а многие из положений, составлявших основу «Правд» салических и рипуарских франков, не нашли себе места в «Правде» франков-хамавов.

Исследователи³ отмечают чрезвычайную скупость и сжатость тех 48 глав, которые дошли до нас под наименованием источника «Lex Hamavorum». Бруннер⁴ указывает на надпись

¹ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906, S. 473. «Die Ewa Hamavorum».

² «Lex Salica», tit. XXVII.

³ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, S. 474; Sohm. Lex Hamavorum (Praefatio).

⁴ Ibid.

в данном законе: «Notitia vel Commemoratio de illa ewa, quae se ad Amorem habet», ставя ее в прямую связь с мнением, которое считает «Lex Hamavorum» — «Ewa Hamavorum» скорее сборником сведений или упоминаний о хамавах, чем их законом в настоящем смысле этого слова. Наше суждение по данному вопросу изложено выше.

Некоторые исследователи «Правды» хамавов подмечали влияние на нее других «Правд».

Бруннер¹, отмечая влияние на нее «Рипуарской Правды», говорит, что хамавы сами считали себя франками-рипуарами². Lacomblet³ прямо считает «Ewa Hamavorum» вторым законом рипуаров («secundum legem Ribuaria»). Однако исследователями отмечается, что «Ewa Hamavorum» имеет заимствования и из других «Правд».

Бруннер⁴ находит, что некоторые титулы (главы) «Lex Hamavorum» напоминают «Баварскую Правду»⁵. Зом⁶ отмечает, что некоторые положения «Правды» хамавов так коротки, что скорее напоминают сжатые вопросы и ответы.

Тем не менее анализ этого закона представляет для исследователя большой интерес, особенно при сравнении с более ранними и более поздними варварскими «Правдами». Такой сравнительный анализ дает здесь возможность проследить изменения живой действительности, отраженной в законе.

Время составления «Правды» хамавов относится большинством исследователей ко времени Карла Великого. Некоторые из них указывают даже точные даты — 802—803 гг., ссылаясь на одновременное составление при дворе Карла Великого «Правды» англов, саксов, хамавов⁷. Уже самое время составления «Правды» хамавов (начало IX в.) определяет характер ее титулов и отраженную в ней действительность. Варварские «Правды» возникли не на одинаковой ступени развития того или иного народа, а на разных ступенях их развития. Поэтому они имеют в своем содержании и значительное различие. Вот это различие и представляет собой «Правда» хамавов, составленная позднее и отражающая более поздние социальные отношения в обществе франков.

Эти отношения уже значительно больше свидетельствуют о возникновении феодализма у франков, чем те отношения, которые отражены в наиболее ранних кодексах Салической и Рипуарской «Правд».

¹ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte.

² Ibid, S. 474.

³ Lacomblet. Geschichte des Niederreihns. Berlin, 1896.

⁴ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, S. 475.

⁵ Ibid.

⁶ Sohm. Die Ewa Hamavorum, S. 17—20.

⁷ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, S. 473.

Г. О народных «Правдах» других народов, соприкасавшихся с франками

В нашей работе, посвященной анализу вопроса о возникновении феодальных отношений у франков, встречается порой необходимость в сравнении исторических конкретных данных, взятых из Салической или Рипуарской «Правд», с данными других народных «Правд» (аламаннов, баваров, бургундов, саксов и т. д.), т. е. «Правд» тех народов, которые соприкасались с франками, вошли в состав франкского государства.

Приводим здесь краткие сведения об этих изученных нами документах.

«Аламандская Правда» («Lex Alamannorum»). «Аламандская Правда» возникла в области верхнего Рейна, занимаемой племенем аламандов, в начале VIII в. при герцоге Лантфриде I. (Упоминание в прологе о том, что в ее составлении принимали участие 33 епископа, 34 герцога и 65 графов, достаточно ярко говорит о позднем составлении «Lex Alamannorum».) Однако возникновению более или менее регулируемого текста «Lex Alamannorum» предшествовало создание краткой записи народного права аламандов («Pactus Alamannorum»), которая большинством исследователей относится к концу VI или началу VII в. От «Pactus Alamannorum» уцелело только несколько разрозненных текстов, но «Pactus Alamannorum» безусловно имел влияние на составление «Lex Alamannorum», что сказалось в ряде титулов¹.

В «Аламандской Правде» (особенно в ее первых титулах) резко чувствуется влияние церкви и церковного землевладения. В средней части ее (в титулах XXIII—XLIII) чувствуется влияние феодальной знати — герцогов. Эта часть содержит даже такое наименование: «О герцоге и делах его». Влияние «Pactus Alamannorum» сказалось больше всего на последней части «Lex Alamannorum», где есть упоминание о народе, его делах и занятиях, о социальных отношениях и группировках. Для сравнений с данными Салической и Рипуарской «Правд» мы использовали тексты главным образом из этой последней части «Lex Alamannorum».

Прочие «Правды». Баварская, Бургундская и Саксонская «Правды» составлены позднее — при Каролингах. Но будучи все же «Правдами», т. е. записью обычного права, они содержат данные, которые относятся и к более раннему времени (т. е. могут быть сравнимы с титулами Салической и Рипуарской «Правд») и к более позднему времени. Важно также и то, что эти «Правды» отражают в большей степени возникновение феодальных отношений, чем это отражают Салическая и Рипуарская «Правды». Это важно не только для сопоставления

¹ «Lex Alamannorum», tit. XLV, LXIX, LXXX etc.

данных титулов «Правд», но и для противопоставления их друг другу. В Баварской и Бургундской «Правдах» ярко отражены церковное землевладение и алчные интересы духовных лиц. Наряду с этим показаны характерные черты зависимости когда-то свободных общинников. Например, та и другая «Правды» содержат титулы, запрещающие свободным работу на своем поле в воскресный день под угрозой лишения свободы.

В «Саксонской Правде» поражает суровость наказания. За малейший проступок (вроде кражи пчел) — смертная казнь. Но каждая из этих «Правд» в какой-то степени содержит материал и о положении свободных людей, и о возникновении у этих народов феодальных отношений. Поэтому приводимое кое-где в работе сопоставление данных «Правд» с «Правдами» франков, изучаемых нами, бывает полезно.

ЗАКОНЫ ФРАНКСКИХ КОРОЛЕЙ

Законоположения франкских королей меровингского времени или капитулярии их тесно связаны с «Правдами» народа, так как в громадном большинстве они являются дополнениями к этим «Правдам». К «Салической Правде» добавлено шесть капитуляриев времени Меровингов (начиная с короля Хлодвиг) и один капитулярий каролингского периода (VII). Ко времени Каролингов относится и добавление к «Салической Правде», именуемое «*Extravagantia B.*».

Тексты капитуляриев резко отличаются от текстов титулов «Правд» и по языку и по содержанию. Язык капитуляриев более властный и решительный, чем в титулах «Правд». Текст звучит как приказание. Даже капитулярий, который приписывается Хлодвигу I и его сыновьям (т. е. более ранний), имеет властные термины «Если кто посмеет»... «осмелится»... и т. д.¹ Это указывает на их происхождение как королевских постановлений. Содержание капитуляриев (особенно поздних) дает возможность проследить за изменениями, происходившими в самом обществе, т. к. капитулярии как в зеркале отражают и усиление власти королей, и усиление власти феодализирующейся знати, и другие перемены в обществе. В некоторых случаях капитулярии прямо являются более поздними дополнениями к титулам «Правды», внося изменения в содержание этих титулов².

Почти, как правило, эти изменения идут не в интересах народа, а в интересах господствующих социальных слоев.

¹ «*Lex Salica*», Capitul. I, 1, 3, 4 etc.

² Там же, Capitul. I, 5, 7, 11; II, 1, 3, 6 etc.

ДИПЛОМЫ

Это документы, выданные королевской канцелярией меровингских королей разным учреждениям и лицам (главным образом духовным лицам и церковным учреждениям). Древнейшим дипломом считается диплом от 625 г., написанный на папирусе. Следовательно, дипломы ведут свое происхождение с VII в. Меровингские дипломы можно подразделить на две группы: а) решения королевского суда¹, б) дарственные грамоты², которыми оформлялась передача земельных угодий (чаще всего духовным лицам и церкви), права только что возникающего иммунитета и другие акты королевской «милости». В нашей работе больше использованы дипломы второй группы, так как они дают некоторый материал по социально-экономической истории франков, которая составляет основу нашего исследования³. Многие оригиналы дипломов до нас не дошли, но тексты их дошли в копиях. Поскольку изучаемая нами эпоха так небогата документальными памятниками, то приходится дорожить и копиями, как особым видом документов.

ХРОНИКА ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

Одним из весьма ценных источников по ранней истории франков является десяти томный труд епископа города Тура Григория Турского⁴, жившего в VI в. (540—594). Труд этот не представляет собой систематического изложения истории франков, а написан несколько своеобразно, причем нет единства в книгах автора ни в форме изложения, ни в стиле. Нет даже общепринятого наименования. Иногда его называют «Десять книг историй»⁵, а в церковной литературе его называли «Церковной историей франков»⁶. Современные историки именуют его просто «Историей франков»⁷. Книги

¹ Placita.

² Praecepta.

³ Lauer et Samaran. Les diplomes originaux des Mérovingiens. Paris, 1908.

⁴ Greg. Turon. Historia Francorum.

⁵ «Decem libri historiarum».

⁶ «Historia ecclesiastica francorum».

⁷ В настоящее время в ГДР вышло новое издание этого ценного документа, составленное на двух языках (латинском и немецком). *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. Freiherr von Stein — Gedachtnisausgabe. Hrsg. von Rudolf Buchner, Bd. 1, Grigorii Episcopi Turonensis historiarum libri decem. Vol. I—II, libri I—X. Post Brunonem Krusch hoc opus iterum edendum curavit Rudolfus Buchner. Gregor von Tours. Zehn Bücher Geschichten, Bd. I—II, Buch I—III. Auf Grund der Übersetzung W. Giesbrecht neubearbeiten von Rudolf Büchner. Berlin, Rutam und Loening, 1955 (1956), S. 381.

«Истории франков» можно сгруппировать в некоторые более или менее близкие друг к другу группы.

Первые четыре книги, видимо, и самим автором воспринимались как нечто целое, единое, так как завершался труд хронологической своеобразной таблицей или схемой изложенных событий. Эта часть «Истории франков» имеет и свое единство в изложении, а по содержанию она охватывает большую эпоху — от «сотворения мира» до 575 г. н. э. (дата смерти Сигеберта). Из этих первых четырех книг в нашем исследовании используются: вторая, третья и четвертая. Первая книга по фантастичности своего содержания и отдаленности описываемых событий не нашла отражения в работе. Для первых четырех книг Григорий Турский использовал: консульские фасты V в., письма Сидония Аполлинария и Авита, хроники, церковные документы и т. д. Многие из этих источников до нас не дошли, что усугубляет наш интерес к «Истории франков», так или иначе отразившей эти источники.

Пятая книга продолжает повествование о событиях VI в. (с 575 г.). То же год за годом продолжают друг за другом остальные 5 книг, подробно останавливаясь на политических событиях и царствованиях. Доведена хроника до 591 г., когда оказывается законченным и весь труд, на составление которого автор потратил всю свою жизнь.

Труд Григория Турского весьма своеобразен. Наряду с ценными сведениями из области политической истории франков (а иногда и с данными об экономике этого народа) в нем встречаются наивные легенды из области христианской и библейской мифологии. Сам автор, являясь духовным лицом, почти все отмечаемые им события франкской истории толковал с точки зрения церковной ориентации и интересов королевской власти.

Но тем не менее труд Григория Турского до сих пор имеет огромное значение для изучения истории франков раннефеодального периода, о чем свидетельствует новое издание этого труда, предпринятое в Германской Демократической Республике и завершенное в 1956 г.

ФОРМУЛЫ

Формулами (иногда формуляриями) называются тексты типичных грамот, которые составлялись в различных канцеляриях (как светских, так и церковных феодалов) для образца написания подобных грамот в быту, в практике. Формула обычно без имени, т. к., являясь лишь образцом документа, она должна была в каждом конкретном случае заполняться особо, с обозначением имен и лиц, совершающих ту или другую сделку или заключающих тот или другой договор в то или другое

время. Хорошо то определение, которое дала формулам в своей книге А. Д. Люблинская¹: «Они являются как бы сгустком живой практики, но без ее конкретных данных». Формула обычно содержит трафаретные обозначения: «От такого-то такому-то». Дальше идет текст обязательства или распоряжения, или завещания (как в некоторых формулах Маркульфа), а заканчивается формула снова подписью (иногда с обозначением отношения лица, ставящего свою подпись, к другому лицу).

Досадно, что такой ценный документ, как формулы, не имеет конкретных данных и имен. Но при той скудости в документах, которая отличает период раннего средневековья на Западе, приходится использовать и эти документы, учитывая, что каждый из них может пролить хотя бы немного света на ту историческую обстановку, которая именуется «ранним средневековьем». Мы используем главным образом формулы сборника Маркульфа и анжерские формулы, как наиболее ранние и типичные².

Вот в основном тот документальный материал, на котором строится работа. Некоторые источники (как например, «Правды») наиболее широко использованы автором, ибо они дают много сведений по интересующим нас вопросам социально-экономического развития франкского общества.

Другие источники не в равной мере соответствуют своим материалам указанным задачам автора. Но и из них мы старались извлечь все, что можно в дополнение к основному материалу, даваемому «Правдами».

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Мы не ставим перед собой задачу дать исчерпывающую историографию по раннему средневековью. В советской литературе есть уже немало трудов, имеющих чисто историографический характер³. Наша задача ограничена темой исследования и проблемами, стоящими перед нами: проблемой марки-общины у франков, проблемой генезиса феодализма у франкского народа и социально-экономических отношений этого народа в VI—VII вв., проблемой раннефеодального франкского государства. Только в этих направлениях мыслим мы обзор исторической литературы по теме, стремясь к тому,

¹ А. Д. Люблинская. Указ. соч., стр. 40.

² Издание формул — *Monumenta Germaniae Historica (Formulae). Legum sectio V.*

³ М. А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии. М., 1950; О. Л. Вайнштейн. Историография средних веков. М.—Л., 1940; А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958.

чтобы он был построен исторически, т. е. связан с определенными историческими условиями, вызвавшими то или другое течение в историографии. Строим мы свой историографический обзор в хронологическом плане, начиная с французских историков конца XVIII и начала XIX в. (Гизо, Тьерри), впервые упоминавших о франках.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЧАЛА XIX в.

Французская революция конца XVIII в. с ее просветительскими идеями и выступлениями народных масс имела большое прогрессивное значение не только для развития общественной мысли во Франции, но и далеко за ее пределами. Яркие представители буржуазной исторической мысли во Франции Тьерри и Гизо отразили в какой-то мере свое внимание к народным массам, упоминая о франках.

Тьерри не отрицал самобытности древних германцев, их своеобразной организации, быта и т. д.

В «Lettres sur l'histoire de France», которые впервые увидели свет в 1820 г., помещенные в «*Congrès français*», а затем появившиеся уже отдельным изданием, встречается немало строк, посвященных франкам в их ранний период истории.

Тьерри всех варваров-завоевателей (не отделяя среди них свободных общинников от выделяющейся знати) считал поработителями галло-римлян и говорил о двух «расах»: о франках, как о расе завоевателей и галло-римлянах, как о расе угнетенной, завоеванной, подменяя таким образом понятие народ — расой, а понятие классовая борьба — завоеванием.

Симпатии Тьерри на стороне угнетенных и завоеванных галло-римлян, которые сумели в трудных условиях сохранить свою культуру и цивилизацию. «Мы являемся сынами этих сервов, этих оброчников, этих буржуа, которых завоеватели безжалостно эксплуатировали», — говорил он, стремясь доказать происхождение буржуазии от коренного народа Франции — от галло-римлян.

Из произведений Тьерри, посвященных ранней истории франков, следует отметить «Рассказы из времен Меровингов»¹.

В этих рассказах мало внимания уделено народным массам, так как почти все содержание «Рассказов» составляет описание кровавых битв между разными представителями дома Меровингов. Но с точки зрения описания колорита эпохи и показа диких нравов феодальных «правителей» франкского государства эти «Рассказы» представляют определенный интерес².

¹ O. Thierry. *Rédits des temps Mérovingiens*. Paris, 1833.

² Материалом для них служила «*Historia Francorum*» Григория Турского.

Таким образом, нужно отметить, что первое упоминание о франках во французской буржуазной историографии не отличается полнотой и не дает верного представления о народе.

Из наиболее крупных произведений Гизо укажем следующие: «Histoire de la civilisation en Europe» (появилась как результат прочитанного в 1828 г. лекционного курса) и «Histoire de la civilisation en France».

Замечания Гизо о франках сводятся к признанию им у них страсти к личной независимости, несмотря на всю примесь грубости, материализма и безумного эгоизма. Автор отмечает у них чувство личности в свободном ее развитии, считая, что именно это чувство и было внесено варварами в европейскую цивилизацию; оно не было известно ни римскому миру, ни христианской церкви¹.

Уже у Гизо можно обнаружить попытку дать характеристику феодального государства, показать его особенности и функции на примере франкского государства. И в этой же попытке проявилась в историографии та тенденция буржуазной концепции феодального (как и всякого другого) государства, которая стала типичной для всех буржуазных историков XIX — XX вв.

Они пытаются считать государство явлением надклассовым, стремятся объяснить его назначение и функции идеалистически, придать понятию «феодализм» чисто политическое значение и т. д.

Так, Гизо, например, определял феодальное государство франков как конфедерацию мелких, неравных между собой деспотов или крупных землевладельцев, которые обладали в своих доменах произвольной, почти абсолютной властью. Для него в этом представлении главное и типичное для феодализма — не эксплуатация непосредственных производителей землевладельцами, а политическое дробление государства, господство центробежных его сил. С его точки зрения, крупное централизованное государство в условиях феодальных отношений существовать не могло. Для создания такого государства, по его мнению, нужны соответствующие предпосылки в социальных связях, а главное в идеях. Причины распада империи Карла Великого, по Гизо, в том, что идейный горизонт людей был узок, а социальные связи ничтожны.

Волна революции (1848 г.), выступление рабочих масс с лозунгами, противоречащими интересам буржуазии, заставили ее отступить назад и отказаться от красивых фраз о «свободе, равенстве и братстве» народов даже в прошлом.

Тьерри и Гизо из «сторонников демократии» и народных масс в истории прошлого превращаются в их противников.

¹ Guizot. Histoire de la civilisation en France. Paris, 1832, p. 9.

Отступление Тьерри от прежних идей отмечено Марксом в письме к Энгельсу¹. Маркс, дав блестящую характеристику французскому историку, как отцу «классовой борьбы» во французской историографии, указывает на то, что Гизо сразу переменял фронт, как только началась борьба между буржуазией и народом.

Причисляя Гизо к самым умным людям старого режима (*ancien régime*), Маркс очень метко выразился: «...даже те люди, которым ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что они лишились всякого исторического разума, даже разума своих собственных прежних поступков»².

Революция 1848 г., показавшая впервые организованные силы пролетариата, который, как это было в июньские дни в Париже, если не сумел победить, то сумел умереть с оружием в руках, сильно напугала буржуазию.

Революционный либерализм французской буржуазии потускнел. Игра в демократические идеи уступила место неприкрытой реакции. Научная мысль замирает. Крестьянский вопрос и роль народных масс в истории перестали интересовать французских историков этого периода.

Однако французская революция конца XVIII в. нашла отголосок далеко за пределами Франции, повлияв на рост прогрессивных идей во всех странах Европы.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Немецкая историография в начале XIX в. о германцах и их народной жизни, помимо некоторой специфики этого вопроса для Германии, при его национальной окраске, несомненно, тоже подчинилась известному влиянию французских просветительных идей. Немецкая историческая наука первой половины XIX в. ставит на повестку дня вопрос об общинном землевладении у германцев в прошлом, обнаруживая тем самым интерес к вопросу о роли масс и их общественном устройстве в эпоху генезиса феодализма.

Можно назвать ряд имен крупных ученых, занимавшихся этим вопросом в Германии и отметивших наличие в прошлом общин у германцев. В большом труде Я. Г р и м м а, написанном в 1828 г., отмечено наличие марки («*Mark*») ³ у древних германцев

¹ К. Маркс. Письмо к Энгельсу от 27 июля 1854 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 275.

³ I. Grimm. *Deutsche Rechtsalterthümer*. Berlin, 1828.

Марка определялась Гриммом и как территория, ограниченная известной линией, и как земля («тегга»), имеющая определенные хозяйственные угодья.

Гримм устанавливал, что принадлежит марке из хозяйственных объектов и что ей не принадлежит. К владениям марки-общины, по Гримму, относятся: лес, реки и ручьи, протекающие через лес, пастбища и необработанные луга, а также все то, что в лесах, водах и в полях находится (звери, дичь, пчелы и т. д.)¹.

В определении Гриммом марки и принадлежавших ей угодий можно подметить некоторый своеобразный принцип. Марке принадлежало то, что не было еще возделано руками людей, то, что они находили в природе в готовом виде.

Обработанные земли, сады, виноградники, огороды и т. д., по мнению Гримма, общине не принадлежали. Иными словами, Гримм принимал за основу не первичное существование общины, когда ей принадлежали все угодья, в том числе и обработанные земли, а последующую стадию существования общины-марки, потерявшей в борьбе все свои владения, кроме альменды, которую он и называл землей марки. Энгельс позже внес полную ясность в этот вопрос².

Когда дело касается историографии начала XIX в., приходится историографический обзор несколько дифференцировать, уделяя внимание и общеевропейским и национальным течениям в историографии. Особенно это касается историографии немецкой, т. к. Германия сначала переживала экономический и политический кризис под властью Наполеона, а после этого оказалась во власти юнкерского дворянства. Нельзя, например, обойти молчанием то течение в историографии (особенно немецкой), которое принято называть романтизмом и которое можно считать своеобразной реакцией на революционно-просветительные идеи французской революции конца XVIII в. Юнкерско-дворянская среда в Германии, постоянно обращавшая свои взоры к средневековой эпохе, когда дворянству не угрожали потрясения и революции, вызвала к жизни и романтическое направление исторической мысли у историков этого времени. Маркс писал об этом так: «Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого»³.

¹ I. Grimm. Was gehört nun zu der Mark? Wald, Flüsse und Bäche durch den Wald, Viehtriften und ungebaute Niesen in ihn und um ihn her gelegen Wild, Gefögel und Bienen... (ibid).

² См. об альменде у Фридриха Энгельса в «Марке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 635.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 34.

Наиболее ярким выразителем идей романтизма явился Шлегель с его апологетикой средних веков, христианства, а вместе с тем и древних германцев, как носителей новой исторической «миссии», к которой их вызвало якобы само «провидение». К Шлегелю тесно примыкают представители так называемой исторической школы права, основателем которой по праву считается историк права Савиньи. По существу, эта школа встает на защиту полного застоя, рутины в области истории, а в политике может стать орудием реакции. Маркс писал об исторической школе права: «Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и приращенный исторический кнут...»¹ Но представители этой школы, в силу своего интереса к прошлому, обратили свое внимание на древних германцев (в том числе и франков).

Ближайший соратник Савиньи по школе права — Эйхгорн. Он начал свою большую работу в области германского права в 1808 г., еще до появления в печати трудов Гримма, а закончил ее в 1815 г. Работа Эйхгорна «История немецкого права и государства»² явилась первой работой в области чисто германского права.

Эйхгорн начинает свои исследования в области германского права с варварских «Правд».

По анализу варварских «Правд» Эйхгорн дал ряд интересных наблюдений, но главным образом в плане изучения юридических норм у германских племен. Им, так же как и его соратником по школе права — Ю. Мезером, признается в прошлом древних германцев (на словах) община-марка. Но понимается она этими историками искаженно. Они считают, что в марке живут свободные собственники, которые ведут свое индивидуальное хозяйство при помощи труда людей несвободных.

В области изучения государства основной мыслью Эйхгорна была идея об особом сверхклассовом, саморазвивающемся государстве, в котором все подчинено не человеческому произволу и его законам, а имеет свои собственные (идеальные) законы развития. С этой идеей самопроизвольного развития государства у Эйхгорна сочеталась идея «народного духа» («Volksgeist»), названного еще Гегелем. Обе эти идеи наложили особый отпечаток на идеалистическую концепцию Эйхгорна о государстве, придавая ей крайне реакционный характер. Историческая школа права в Германии

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 401.

² G. Eichhorn. Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. Berlin, 1808—1815.

явно начинала превалировать над идеей «естественного права» французских просветителей. Некоторое (в данном случае положительное) влияние исторической школы права наблюдается в Германии в том, что пробуждается интерес к источникам права — первоисточникам.

Историческая школа права, по словам Маркса, сделала изучение источников своим лозунгом, свою любовь к источникам она довела до крайности¹.

Этот интерес к источникам по ранней истории Германии привел к изданию очень ценных для исследователей пособий, к которым в первую очередь относится издание «Исторических памятников Германии»². Первый том этого издания под редакцией Г. Пертца вышел в 1826 г.

Хотя историческая школа права пустила глубокие корни в Германии и ее влияние не исчезло и до настоящего времени (сказываясь на реакционном направлении некоторых буржуазных историков), но к середине XIX в. даже среди сторонников этого направления в Германии наблюдается пробуждение интереса к экономическим вопросам в истории прошлого, вызванного, видимо, подъемом сельского хозяйства в Германии этого периода и подъемом, который переживала сама буржуазия перед революцией 1848 г. Способствует этому пробуждению интереса и то, что исторический анализ прошлых эпох стал более доступным благодаря изданиям документов.

Вместе с интересом к сельскому хозяйству в средние века повышается интерес и к формам этого хозяйства в прошлом (коллективным и индивидуальным), т. е. растет интерес к общине-марке.

Первым, кого следовало бы назвать, как представителя этого нового течения в историографии, был Георг Вайц — эрудированный историк, хорошо знающий источники и умеющий их анализировать. Он написал солидный восьмитомный труд «История немецкого государственного строя»³, в котором пытался выразить свое отношение к германцам (в том числе и франкам), их быту, к феодальному государству. Вайц в своей большой работе использовал огромное количество новых документальных материалов, подвергнув их тщательной обработке. Поэтому труд Вайца явился значительным шагом вперед по сравнению хотя бы с трудом Эйхгорна (см. выше). Вайц, не ограничиваясь описанием или использованием одного какого-либо источника, умел сравнить разного типа источники, сопоставить

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 209.

² Monumenta Germaniae Historica (MGH). При анализе источников мы неоднократно ссылаемся на это монументальное издание документов.

³ G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, Berlin, 1844. Bd. 1, S. 544—573.

данные этих источников, дать схему, скелет какого-то отрезка истории прошлого времени без особенно красочного воспроизведения картин этого прошлого. Он больше анализирует, сопоставляет, чем рисует прошлое. Но в выводах и суждениях Вайц очень осторожен. Не являясь по своей идеологии сторонником общинной теории, Вайц при анализе данных Цезаря и Тацита стремится выразить свое несогласие с этой очевидной демонстрацией общинного землевладения особым путем. Он выражает сомнение в достоверности сведений в изучаемых документах, говорит о запутанности показаний данных авторов о землевладении у древних германцев с тем, чтобы спокойно констатировать, что более разумнее будет признаться в том, что трудно понять, как было на самом деле¹.

Однако Вайц усматривает в документах, что основой хозяйства у германцев (еще эпохи Тацита) было земледелие, а исходной формой поселения — деревня². 26-ю главу «Германии» Тацита автор расценивает как указание на наличие полевой марки у германцев, но жителей марки считает собственниками пахотной земли, которые могли совещаться между собой по вопросам хозяйства³. Вайц не оспаривает наличия у германцев альменды, принадлежавшей всем жителям деревни, но считает, что их права на нее неравномерны, а зависят от величины их пахотных (собственных) участков⁴. Особое значение в хозяйстве германцев Вайц уделяет гуфе, которая включала и двор, и пахотную землю, и долю на альменду⁵. Объединение собственников и составляет, по Вайцу, деревню⁶.

Таким образом, по Вайцу, в общине-марке превалировали частновладельческие отношения, но его труд был значительным шагом вперед в изучении экономики раннего средневековья и накоплении наблюдений над общиной-маркой. Для нашей работы важно и то, что Вайц добросовестно использует документы о франках в I и II томах своего труда. Его интересуют разнообразные вопросы и характер хозяйства, и положение отдельных групп общества (свободных, рабов, литов, знати). Но суждения об этих группировках все так же осторожны. Более решительно Вайц выступает в своих суждениях о государстве франков, вступая в этом вопросе в полемику с Ротом (см. ниже). III том названного труда Вайца посвящен империи Каролингов. Сторонник школы права в немецкой историографии Вайц пытается «германизиро-

¹ G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. I, S. 544—573.

² Там же, S. 24—30.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же.

⁵ G. Waitz. Über die altdeutsche Hufe. Berlin, 1844, S. 12.

⁶ G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. II, S. 264.

вать» и ранние феодальные учреждения франков. По концепции Вайца хотя Карл Великий и наследник римских императоров, но именно с него усиливается немецкое влияние во франкском государстве. Это зависит, по мнению Вайца, от «чисто германских» учреждений, введенных Карлом, — бенефиция, вассалитета, иммунитета. Считая эти учреждения основой феодального государства и механически связывая их возникновение у франков с личностью Карла Великого, Вайц также механически проводит связь между этими институтами, не давая себе труда вникнуть в историческую и социально-экономическую сущность названных явлений. Бенефиций и вассалитет у него связаны с иммунитетом, т. к. иммунитет стал даваться королем именно бенефициариям (т. е. признан чисто внешней связью иммунитета с бенефицием). Иммунитет, получаемый монастырями, Вайц связывает только с защитой, которую получали эти монастыри от короля. Иллюстрируя и описывая феодальные институты, Вайц не делает никаких попыток связывать их с закономерным развитием общества, его экономикой и социально-классовой борьбой.

Это совершенно недоступно буржуазному историку. Вайц пытается кое-где в работе установить социальные категории людей феодального государства, называя довольно путано: несвободных, зависимых, рабов, вольноотпущенников, людей, сидящих на землях патронов, и т. д. Он даже делает попытку выразить сочувствие беднякам, которых грабит церковь.

Но тут же, отмечая наличие крепостничества, он называет его «защитой», которую сильные оказывают слабым. Эта идеалистическая концепция Вайца с идеализацией личности Карла так же реакционна, как и другие буржуазные концепции.

Работа Вайца касалась в какой-то степени и древнего закона салических франков¹. Вайца интересовали происхождение закона салических франков, историческое значение его отдельных частей, глав, титулов, параграфов, правовые нормы свободного населения, наличие которого Вайц не отрицал во франкском государстве времен Меровингов. Особенно интересных выводов социального значения по своим наблюдениям «Салической Правды» Вайц не делал, как не делали этого и его предшественники².

Кроме Вайца, интерес к общине-марке проявил в то время также немецкий историк Гансен, написавший ряд ра-

¹ G. Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken. Berlin, 1844.

² О трудах Вайца по генеалогии текстов «Lex Salica» см. во «Введении» (часть, посвященную источникам).

бот, среди которых особый интерес историков Германии вызывает работа «Взгляды на аграрный строй древности»¹. В этой работе автор, не отрицая наличия у германцев общины-марки, считал ее скорее идеальной, а не реальной сущностью прошлого. Мы не разбираем детально трудов Гансена, так как он не занимался франками, и переходим к обзору трудов Рота².

П. Рот написал свою работу по истории бенефициального строя³ в 1850 г., дав в этом произведении и краткую характеристику раннего периода феодализма и картину экономической жизни франков эпохи Меровингов и Каролингов. Энгельс справедливо назвал работу П. Рота одним из лучших произведений до-мауреровского периода⁴ и неоднократно ссылался на нее в работе «Франкский период». В своей работе Рот подверг резкой критике феодальную эксплуатацию свободного населения, т. е. франкского народа, и разоблачил хищническую деятельность церковных феодалов.

Обобщая данные о работах Эйхгорна, Вайца, Рота, можно убедиться в том, что к середине XIX в. в немецкой историографии пробудился интерес к изучению источников, к вопросам экономики в прошлом (особенно в области сельского хозяйства), к общине-марке у древних германцев (франков).

В работах Эйхгорна, Вайца, Рота мы впервые в историографии находим попытки использования разнообразных источников и обнаруживаем у авторов определенные методы работы с этими источниками, что создает уже в известной степени научную традицию в источниковедении. Но наибольшую роль в немецкой историографии XIX в. в вопросах, касающихся генезиса феодализма у германских народов вообще, и в частности у франков, по анализу общины-марки, сыграл Маурер, к обзору работ которого мы и переходим.

Особенно повысился интерес в буржуазной немецкой историографии к общине-марке в прошлом в середине XIX в. А. И. Данилов в своей работе о немецкой историографии раннего средневековья⁵ объясняет этот интерес победой прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве Германии⁶. Нам представляется, что здесь немалую роль сыграл общий подъем буржуазной мысли в Европе в связи

¹ G. H a n s s e n. Ansichten über das Agrarwesen der Urzeit — «Neue Staatsbürgerliche Magazin». Leipzig, 1835—1837. Bd. III—IV.

² О трудах Гансена см. книгу А. И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии», стр. 146—148.

³ P. R o t h. Geschichte des Beneficialwesens. Berlin, 1850.

⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 393.

⁵ А. И. Д а н и л о в. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии.

⁶ Там же, стр. 149.

с революцией 1848 г. Это соображение заслуживает внимания, т. к. интерес к общине-марке в это время проявляется не только в Германии.

Георг фон Маурер — автор ряда работ по истории средневековой общины. По словам основоположников марксизма, Маурер открыл общину у древних германцев¹. «Марковская теория» Маурера — наиболее прогрессивное явление в немецкой буржуазной историографии XIX в. — отголосок революционной бури 1848 г. Дальнейший путь немецкой исторической науки о марке и генезисе феодализма отражает постепенное падение буржуазной науки в XIX и начале XX в. под влиянием прусского милитаризма, а затем фашизма, пока не происходит ее новое возрождение в современной демократической Германии².

Наибольший интерес представлял труд Георга Маурера «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства»³. Маурер утверждал, что общинное устройство составляло переход от кочевой жизни к земледелию, что могли быть общины не только с общими полями, но и без полей вообще, что они могли возникнуть еще до перехода к оседлости. Маурер утверждал, что при основании первобытного поселка каждый член получал землю под строение, кроме того, — из пахотной земли свой участок и право пользования неудобными для обработки неразделенными общинными землями. Поля через несколько лет переделались.

На значительном документальном материале Маурер убедительно показал наличие в прошлом у германцев и других народов общинного землевладения, уделив тем самым некоторое внимание роли народных масс в прошлом.

Исходя из того, что марка — и порубежный знак, и граница, и местность, заключенная в данных границах, и поселение свободных людей, Маурер в то же время говорил о разного типа марках: господских или помещичьих, свободных, смешанных и даже зависимых от императора. Эта путаница в суждениях и выводах теоретически снижает труд Маурера и заставляет использовать его только как фактический материал о наличии общинного землевладения у германцев в период генезиса феодализма.

Маурер характеризует разного типа марки. Марка-община Маурера не представляет собой той стадии, через которую проходят все племена и народы, а является только известной группировкой лиц, соединенных между собой в силу различных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. V, стр. 483. Примечание.

² См. ниже.

³ G. Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadt Verfassung. Berlin, 1854.

принципов (указано выше). Маурер не признавал классовой борьбы вообще, в том числе и в общине, считая, что все изменения в обществе происходят мирным путем.

Некоторые реакционные буржуазные авторы — враги марксизма — пытались доказать, что в трудах Маурера дано все, что касается общинного землевладения и что будто Маркс и Энгельс использовали труды Маурера, как и Моргана, для своих работ¹, не внося чего-либо нового. За буржуазными авторами следовали социал-демократические «теоретики», которые пытались «подправлять» и ревизовать основоположников марксизма². Эти взгляды глубоко порочны и опровергаются великим учением Маркса и Энгельса.

Об общинном землевладении у германцев (в том числе и франков) Энгельсом написана классическая работа «Марка»³. В ней Энгельс дает всю историю общины-марки, от ее возникновения до гибели. В эту небольшую по объему, но крайне важную по значению работу Энгельс вложил много труда по изучению конкретной истории Германии. Он изучал тщательно и произведения Маурера, найдя у него много ценного, о чем писал Марксу⁴. Но, отдавая должное труду Маурера, Энгельс нашел у него и много такого, что следовало критиковать (о чем тоже писал Марксу)⁵. И Энгельс резко критиковал Маурера за его неправильные методологические построения и выводы, дав в «Марке» подлинно марксистское учение о марке-общине.

Энгельс указывает на единство марки-общины, на то, что это именно была одна общая марка, в которой все были первоначально равными членами, и лишь при дифференциации общества стала выделяться феодальная знать, которая и захватила в свои руки и власть и земли. У Маурера это заменено рассуждением о различных марках, т. е. об одновременном существовании различного типа марок (свободной, помещичьей, смешанной и зависимой от императора).

Сопоставляя эти данные, мы видим, насколько Энгельс далеко опередил Маурера и, говоря его же словами, «косвенно критиковал его взгляды и внес много нового» (письмо Энгельса к Бебелю от 22/XII 1882 г.).

¹ G. Below. Die deutsche Wirtschaftsgeschichtliche Literatur und der Ursprung des Marxismus. Die deutsche Geschichtsschreibung von der Befreiungskriege bis zu unseren Tagen, 2 Aufl. München — Berlin, 1924; E. Mayer. Germanische Gesellschaftsverbände und das Problem der Feldgemeinschaft. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. G. A. Bd. 44. 1924.

² H. Cunow. Die Marxsche Geschichte, Gesellschafts- und Staatstheorie (Grundzüge des Marxschen Soziologie). 4 Aufl. Berlin. 1933, Bd. II.

³ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 599 (письмо Энгельса к Марксу от 15 декабря 1882 г.).

⁵ Там же.

Маурер не поднимается выше частноописательного повествования о марке. Ценность работ Маурера ни в какой мере не может быть поставлена на одну доску с работами Энгельса, хотя Маурер как буржуазный историк и получил высокую оценку у Маркса и Энгельса и явился создателем буржуазной «марковой теории», имевшей своих последователей.

Ошибки и недостатки Маурера отмечены и проанализированы Энгельсом в его письме к Марксу от 15/XII 1882 г. Энгельс писал: «Противоречия вытекают у Маурера: 1) из привычки приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и вперемежку, 2) из остатков юридического мышления, которое мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития* (курсив Энгельса.— Г. Д.), 3) из недостаточного внимания к *насилию* и его роли (курсив Энгельса.— Г. Д.), 4) из «просвещенного» предрассудка, что должен же был иметь место постоянный прогресс к лучшему со времени темного средневековья; это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные фазы упадка»¹.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Немецкая историография об общине и генезисе феодализма после Маурера довольно обширна. В основном лучшая часть немецких историков — последователи марковой теории Маурера, но они значительно уступали последнему в аргументации, силе убеждения и смелости суждения. В различной последовательности здесь можно назвать: Гирке, Инама-Штернегга, Лампрехта, Зома, Шредера, Бруннера.

Мы уже отметили выше, что условия, в которых зарождались новые идеи и выходили в свет новые книги в Германии 60-х годов, были иные, чем в первой половине XIX в. С одной стороны, на научную мысль влиял реакционный бисмаркский режим, с другой, — среди историков начинают господствовать националистические идеи об особенностях и неповторимости пути развития немецкого народа. Эта националистическая окраска явно сказалась на общинной теории Отто Гирке, который сближал общину с присущим якобы только немцам «сотовариществом» свободных людей, возникшим в древности. Это «сотоварищество», по мнению Гирке, состояло из отдельных индивидуальных семей, находившихся в полной власти глав семей, которые, в свою очередь, являлись зародышем будущей государственной власти. Гирке считает, что обладателями земли в марке были все свободные на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 599.

равных правах, но альменда в марке была тем больше, чем меньше развита была культура земледелия в данной марке¹.

Это интересное наблюдение, которое показывает, что Гирке отдавал себе отчет в том, что рост частной собственности в марке связан с ростом хозяйства. Но в основном теория Гирке идеалистическая.

Близок к Гирке и Инама-Штернегг², который тоже сопоставлял марку-общину с «сотовариществом», считая ее древней организацией германцев, в которой все ее члены были равны³. Но Инама-Штернегг основное внимание уделяет вотчине и вотчиннику, который, по его мнению, вырастает из той же общины свободных людей.

Этот автор уделил в своей работе внимание и франкам. Но Инама-Штернегг писал, по преимуществу, о более позднем периоде истории франков, чем о том, который исследуется в нашей монографии. Автор затрагивает также и принципиальные вопросы истории генезиса феодализма у франков, признавая факт наличия общины у франков, но до определенного времени, т. е. до появления крупного землевладения, которое, по мнению автора, поглощает менее совершенную в хозяйственном отношении общину⁴.

Карл Лампрехт в своей «Хозяйственной жизни Германии в средние века»⁵ тоже признает в прошлом Германии марку-общину, но главное внимание в этом прошлом уделяет вотчине. Вопреки Инама-Штернеггу, Лампрехт считает, что марка существовала в период всего средневековья, но к концу его она распалась на отдельные марковые союзы⁶. Лампрехт признает наличие у древней марки альменды и права членов общины распоряжаться ею⁷. Но растущее хозяйство страны, по Лампрехту, требует новой организации — вотчины, которая упорядочила и заставила расти те силы в экономике страны, которые были заложены в земледелии⁸.

Бруннер тоже является одним из представителей мауреровской школы, хотя и более поздним⁹. У него есть ряд положений, в которых он расходится с Маурером.

¹ O. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht, стр. 50—68.

² K. Th. Inama-Sternegg. Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland während der Karolingerzeit. Leipzig, 1879.

³ Там же, стр. 5—7.

⁴ Это мнение свойственно и некоторым современным буржуазным авторам. См. ниже.

⁵ K. Lamprecht. Deutsche Wirtschaftsleben im Mittelalter. Leipzig, 1886.

⁶ Там же, стр. 280—282.

⁷ Там же, стр. 286—287.

⁸ Там же, стр. 307—315.

⁹ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte.

В отношении трактовки вопросов, связанных с пониманием феодализма и феодального государства, Бруннер недалеко ушел от своих предшественников. Для него исторический процесс не что иное, как эволюция правовых учреждений, а основой феодального государства он считал бенефиций, вассалитет и другие т. н. феодальные институты. Бенефиций для Бруннера — только королевское пожалование (при Меровингах — вечное, при Каролингах — на определенное время). Королевские бенефициарии пользовались еще иммунитетом.

Бруннер явно идеализирует феодальные учреждения, придавая им особое, незыблемое значение.

Особенно эта идеализация проявляется в отношении к вассалитету, который трактуется Бруннером как идеальная защита господами своих вассалов — как вооруженная сила сеньора, помогающая ему устанавливать порядок.

Основой ленного (т. е. феодального) государства для Бруннера служит вотчинная власть. В отношении к вотчиннику он проявляет ту же идеализацию, считая вотчинника «покровителем» своих людей, отвечающим за их поступки и поведение. Этот мотив служит у Бруннера оправданием того, что вотчинник должен обладать и властью и силой.

Таким образом, Бруннер, хотя и выступает в какой-то степени последователем Маурера в вопросе об общинном землевладении, но это не отражается на его общей концепции феодализма, который воспринимается Бруннером с чисто юридически-правовой стороны, как эволюция правовых отношений государства. Ни экономической основы, ни классового содержания в этой концепции Бруннера нет, но ряд замечаний, сделанных им по анализу «Салической Правды», интересен. Мы приведем их в тексте I главы при анализе «Салической Правды».

Из последователей Маурера и марковой теории вне Германии нужно отметить французских историков Виолле и Глассона (Viollet, Glasson) и некоторых английских историков.

Виолле (Viollet) приводит интересные соображения по поводу затронутого нами вопроса, подкрепляя их ссылками на документы и фактический материал.

В его труде «*Précis de l'histoire du droit français*», а особенно в статье «*Caractère collectif des premières propriétés immobilières*», которая была помещена в «*Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*» в 1872 г., ярко приведены эти соображения.

Виолле приводит соображения такого характера, что все древние, первобытные народы на известной стадии своего развития жили общиной. Он упоминает о народах Урала, об

индусах, о греках, римлянах, башкирах, германцах, славянах.

Для доказательства общины у индусов Виолле ссылается на писателя IV в. до н. э. Неарха, полководца Александра Македонского. Он писал, что в некоторых странах Индии земли обрабатывались племенами сообща. По окончании года они делили между собой плоды и жатву (Nearqu apud Strabon, lib. XV, Cap. I, 66).

Следы общинных земель Виолле находит в общих пиршествах, столь часто упоминаемых писателями древности (Диодор Сицилийский, Аристотель, Демосфен и т. д.). Он ссылается на традиции греков и римлян делить между собой участки земли, усматривая в этом общность земли, так как делить могли то, чем обладали сообща.

Общность земли Виолле подмечал также в том, что отчуждение земель или продажа их в более позднюю эпоху требовала согласия соседей или допущения новых владельцев. Относительно франков он говорил, что в эпоху составления салического закона еще осталось кое-что от этой первобытной независимости: достаточное число франков жило маленькими группами, называемыми в их законе *villae* («Lex Salica», tit. XLV).

Виолле говорил, что живое чувство связи соединяло жителей одной виллы, что связь соседства была настолько сильна, что одерживала местами верх над правами крови. При этом он ссылался на эдикт «одного короля» (надо полагать Хильпериха), который около 574 г. объявил, что соседи не должны наследовать земли, а должны наследовать сыновья, дочери, братья, сестры.

Есть у Виолле ссылка на титул XIV «Салической Правды», где королевскому предписанию противоречило сопротивление общины против вселения чужестранца. О продаже земли он не встретил указаний в «Салической Правде», из чего делал вывод, что таких случаев не было в то время.

Это указание («De Venditionibus») он находит в «Рипуарской Правде» (титул LIX).

Эти же соображения Виолле более подробно развивает в своем обширном трехтомном труде, написанном в 1888—1903 гг.¹ В этом труде он касается и концепции феодализма и феодальных учреждений у франков, в чем, к сожалению, он не ушел далеко от своих предшественников и современников, выдвигая на первый план те же феодальные учреждения и феодальные институты.

¹ F. Viollet. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris, 1903.

Наиболее интересными в трудах Виолле, таким образом, следует считать его соображения и наблюдения по поводу общинного землевладения.

Интересные сообщения Виолле, к сожалению, сравнительно мало подтверждены документальным материалом, на который только в большинстве случаев делается ссылка вообще, без анализа данного документа. От этого проигрывает убедительность вывода, и высказанные им интересные мысли остаются недоработанными.

Кроме того, можно указать на ряд методологических ошибок Виолле. Так, например, семейство им определяется как примитивное ядро племени у древних народов, что племя возникло и произошло из семейства, что, следовательно, семейство есть источник и начало гражданской жизни и т. д.

Собственность, по Виолле, являлась деятельным стимулом личного интереса, а личный интерес, «мудрым образом сдерживаемый божественным законом справедливого и несправедливого», являлся источником преобразования материального состояния общества путем улучшения его.

Все это указывает на неприкрытый идеализм Виолле.

Е. Глассон в своем большом шеститомном труде «История права и учреждений Франции»¹ и в ряде более мелких работ, например, в «*Les Communautés et le domaine rural à l'époque franque*»², говорил о том, что в период генезиса феодализма у древних франков было общинное землевладение. В подтверждение такого вывода он приводил ряд доказательств. Этим он проявлял интерес к франкскому народу в период возникновения и развития у него феодальных отношений.

Но было бы ошибочным признать, что все выводы Глассона являются правильными с точки зрения марксистской исторической науки. Он признает существование общины у франкского народа и дает ряд интересных положений в защиту своего взгляда, но самое представление об общине у него очень своеобразное.

Так, например, даже в оглавлении Глассон подчеркивает общность только некоторых земель у франков. Первый подзаголовок его работы носит наименование: «*La Communauté de certaines terres et le domaine rural à l'époque franque*». Что было с другими землями, звучит у него не совсем ясно.

Глассон утверждал, что существовало несколько видов общин, как бы своеобразных объединений между простолюдинами, знатью и т. д.³ В этом сказалось влияние Маурера на Глассона.

¹ E. Glançon. Histoire du droit et des institutions de la France. Paris, 1887.

² Paris, 1890.

³ Е. Глассон. Указ. соч., стр. 13.

Из английских историков, занимавшихся изучением общины, нужно отметить такого последователя Маурера, как Генри Сомнер Мэн («Деревенские общины на Востоке и Западе») ¹. Автор признает существование в прошлом у англо-саксов сельской общины (марки). Идя в этом отношении даже дальше Маурера по пути признания общины у всех народов на заре средневековья, он говорит о равенстве и свободе всех членов марки, утверждая, что каждый из членов общины был наделен равным наделом земли, которая систематически переделялась между членами общины. Генри Сомнер Мэн говорит и о разложении общины и о закреплении крестьян. Но в своем анализе причин, обусловивших закрепощение, Мэн является сторонником эволюционной теории в историческом процессе. Он отрицает роль насилия со стороны феодалов по отношению к свободным общинникам, считая, что в силу самого хода исторических событий закрепощение должно было иметь место в истории. Момент насилия он подменяет наличием стихийных бедствий (неурожаяев, голода, мора, падежа скота и пр.), которые способствовали разорению одних и укреплению благосостояния других, что и вызвало зависимость одной группы населения от другой. Богатый, по мнению автора, захватывая в свои руки власть в общине, дела управления, судебные функции и т. д., постепенно превращаясь из свободного общинника в лорда. Это своеобразная буржуазная теория, в которой делается попытка обосновать генезис феодализма путем эволюции. Но все же, хотя и в искаженном виде, автор, признавая сельскую общину и факт закрепощения крестьян в Англии, уделяет внимание массам. Другие историки Англии, занимавшиеся этим же вопросом генезиса феодализма, отрицали свободное существование самой общины в Англии, а следовательно, и роль свободных народных масс, доказывая, что крестьяне так и произведены на свет в закрепощенном состоянии. Наиболее ярким из таких реакционных историков является Сибом (Seebohm), пытавшийся доказать извечность рабства и крепостничества ².

Необходимо еще остановить внимание на некоторых позднейших немецких историках, тоже последователях Маурера, выдвинувших свои концепции по вопросу об общине и генезисе феодализма в конце XIX в. Гальбан-Блюменшток ³ так же как и Маурер, но более удачно применявший в своих трудах сравнительно-исторический метод, много занимался исследованием Салической и Рипуарской «Правд».

¹ Есть русский перевод 1874 г.

² Seebohm. The English village Community. London, 1883.

³ A. Halban-Blumenstock. Die Entstehung des deutschen Immo-
biliareigenthums. Bd. I, Innsbruck, 1894.

Его интересовали вопросы общины и генезиса феодализма. Гальбан-Блюменшток обращает внимание на ряд текстов «Lex Salica» («De alodia», «Reipus», «Chrene crude» и др.) и порой интересно интерпретирует их¹.

Но общий его вывод об общине оставляет странное впечатление. У него община выявляется значительно позднее (во времена Каролингов), а по «Салической Правде» он еще не находит всех ее черт. Эта тенденция некоторых сторонников марковой теории считать зарождением общины более поздний период в истории франков (как и других народов) вносит большую путаницу в самое представление об общине и является одним из методов отрицания ранней (т. е. свободной) стадии в жизни общины. Признавая на словах общину в прошлом, авторы этих «теорий» искажают ее сущность.

Последняя четверть XIX в. вошла в историю классовой борьбы в Европе как переломный момент в истории борьбы буржуазии и пролетариата.

Если в период революционной борьбы буржуазии с феодальным строем прогрессивная научная мысль отстаивала в какой-то степени вопрос о существовании в прошлом свободной сельской общины в период генезиса феодализма у народов Европы, видя в ней проявление жизни свободного общества, впоследствии закрепощенного феодалами, то реакционная буржуазная научная мысль последней четверти XIX и начала XX в. доходит до отрицания в прошлом у народов Европы на заре феодализма свободной общины, видя в ее признании опасный прецедент «свободы» для сознания масс в грядущей классовой борьбе. Это реакционное буржуазное течение становится к концу XIX в. общеевропейским, что свидетельствует о том, что оно является не случайным, а отражает общую волну реакции.

Во французской историографии ярче всего такое реакционное течение буржуазной мысли выражено крупным историком Фюстель де Куланжем.

Фюстель де Куланж (Füstel de Coulanges) — одна из колоритных фигур среди европейских ученых второй половины XIX в. Он обладал большой эрудицией и умением тщательно и кропотливо работать, используя в своих научных работах первоисточники. Важнейшими из его трудов в плане нашего исследования являются: «История учреждений древней Франции»² и некоторые полемические статьи³.

¹ A. Halban-Blumenstock. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums.

² Füstel de Coulanges. Histoire des institutions de l'ancienne France. Paris, 1875—1892.

³ Füstel de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes historiques. Paris, 1885; Nouvelles recherches. Paris, 1891; Questions historiques. Paris, 1895.

Шеститомный труд «История учреждений древней Франции» имел целью охарактеризовать ранний период истории Франции, т. е. тот, который в марксистской историографии принято называть периодом генезиса феодализма. Фюстель де Куланж начинает свой труд с описания порядков и учреждений Римской империи, которые, с его точки зрения как романиста, совершив эволюцию, стали основой средневекового государства. Фюстель де Куланж резко отрицательно относится к роли «варваров» в истории ранней Франции, видя в них представителей ненавистных ему, как буржуа, народных масс и в то же время предков тех немцев, от которых французы потерпели поражение в XIX в. при Седане.

Особенно резко Фюстель де Куланж выступал против теорий общинного землевладения у древних германцев. Эти теории он называл ложными во всех отношениях.

По утверждению указанного автора, при наступлении оседлости у древних германцев сейчас же устанавливалась частная собственность на землю отдельных, индивидуальных хозяев. Он утверждал, что уже и во времена Тацита и Цезаря земля находилась в руках отдельных семей, что германской марки, как самоуправляющейся свободной сельской общины, никогда не существовало. Отрицая факт завоевания варварами Римской империи, Фюстель де Куланж допускал только возможность проникновения в пределы империи, с согласия римских императоров, отдельных военных отрядов германцев, попавших на службу к Риму. Древний мир, по его мнению, не умирает в V в. Средневековое общество явилось прямым продолжением античного общества. Новые народы, умственно тупые, грубые, слабые своей разрозненностью (как говорил Фюстель де Куланж) не в состоянии были бороться с сильной и могущественной организацией Рима.

Особенно подробно останавливается Фюстель де Куланж (в III, IV, V тт. своей работы) на понятиях: феодализм, феодальные учреждения, феодальное государство у франков и т. д.

Давая обильный фактический материал о феодализме и феодальных учреждениях, автор трактует их по-своему, исходя из той же своей порочной, реакционной идеалистической концепции. Феодальное государство для него — явление надклассовое, идеальное, созданное для порядка. Фигура монарха незыблема, она устанавливает феодальные институты, создает бенефиций («милость», «благоволение» по Фюстель де Куланжу), жалует иммунитет, который у Фюстель де Куланжа является признаком силы и могущества королевской власти, а не признаком ее слабости.

Фюстель де Куланж приводит соображения о том, что истинное понимание средневековья, а с ним и всего последу-

ющего строя, невозможно, если искать ответ в туманных, неясных привычках и невыработанных учреждениях Германии.

Определенное начало той эпохи для него — начало римское во всех областях религии, права, социальных учреждений и материальной жизни. Политический строй франков при Меровингах объясняется им исключительно как господство монархических идей древнего Рима. Отрицается всякий намек на демократические учреждения этой эпохи.

Сила автора «*Histoire des institutions de l'ancienne France*», казалось, была в том, что он для доказательства своих положений делал ссылки на колоссальное количество документальных текстов, что создало ему славу среди представителей ученого мира всех стран, славу «объективного», «неподкупного» историка-исследователя. Но даже представители буржуазной науки заметили, что Фюстель де Куланж недобросовестно использует документы, стремясь к своим предвзятым выводам. Он подрубает, искажает, фальсифицирует документы, о чем неоднократно было заявлено в печати (Е. Глассоном¹, П. Г. Виноградовым² и др.).

«...Каждый испытывал, наверное, смешанное чувство удивления и досады, наблюдая за адвокатской ловкостью, с которой Куланж устраняет самые очевидные толкования, подрубает тексты, выкладывает их в красивые ряды своих умозаключений.

Откуда это? В угоду чему строгий аналитик, поклонник фактов и текста, прибегает к натяжкам, насильственно обращается с источниками?» — спрашивает Виноградов и сам дает ответ, что «синтетическое начало, против которого принято столько предосторожностей, проникает в сущности всю работу нашего автора и подчиняет себе аналитические соображения»³.

Если Мауреру принадлежит честь считаться основателем марковой теории, отразившей передовую научную мысль либеральной западной буржуазии в период ее революционного подъема, то Фюстель де Куланжа справедливо можно считать основателем противоположной Мауреру точки зрения на существование и развитие общины и роль народных масс в ранней истории средневековья.

Как Маурер, так и Фюстель де Куланж, отражая идеологию буржуазии в разные периоды XIX в., имеют своих

¹ E. Glançon. Les communautés et le domaine rural à l'époque franque. Paris, 1890, p. 2.

² П. Г. Виноградов. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его учебной работы. «Русская мысль», кн. I, М., 1890.

³ Там же.

последователей. Но в конце XIX и начале XX в. реакционная концепция Фюстель де Куланжа находит особенно много последователей и подражателей, имеющих частью и по сей день в странах современного империализма (США, Англия, ФРГ) ¹.

РУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Русская дореволюционная историография западного раннего средневековья тоже уделила внимание истории генезиса феодализма и народных масс в прошлом ранней Франции.

Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, С. М. Шпилевский, М. М. Ковалевский, Д. М. Петрушевский и многие другие русские медиевисты занимались указанными вопросами.

Так, например, Т. Н. Грановский, первый русский медиевист, в 1855 г. (в год смерти) написал работу «О родовом быте у древних германцев» ², в которой не только отмечал у них наличие родовой и сельской общины, ссылаясь на Цезаря и Тацита, но и критиковал западных ученых Эйхгорна и Мозера за их неправильные концепции ³.

Подчеркивая значение народных масс в истории, Грановский возмущался тем, что историческая наука в России и на Западе совершенно недостаточно занимается этим вопросом. Он говорил: «Мы не имеем ни одной монографии, достойной этого предмета. Европейцы смотрят преимущественно на высшие сословия общества» ⁴.

Близок к Т. Н. Грановскому его ученик и последователь П. Н. Кудрявцев. Его большая работа ⁵, написанная в 1856 г., посвящена обзору ост-гото-лангобардского периода истории Италии, т. е. VI—VIII вв.

Свой несомненный интерес к истории народных масс в изучаемый период автор вскрыл во введении, в котором писал: «...в бытописании каждого народа важен начальный его период, как зерно, из которого развивается вся последующая история» ⁶. Варварское завоевание древнего Рима он

¹ Об этих авторах см. ниже в данной главе.

² Т. Н. Грановский. О родовом быте у древних германцев. М., 1855.

³ Там же, стр. 152 и след.

⁴ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, д. 3598/XXI, л. 114; 3598/XVIII, л. 13 об.; там же, л. 15 и т. д.

⁵ П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1856.

⁶ П. Н. Кудрявцев. Указ. соч. «Введение», стр. 3.

считал важной вехой в создании нового (феодалного общества)¹.

С. В. Ешевский, являясь также соратником Т. Н. Грановского, написал большой труд «Аполлинарий Сидоний»², посвященный социальной истории Италии в период до вторжения туда германцев и во время поселения их в этой стране.

На фоне биографии Аполлинария Сидония автор описывает народные массы Италии и завоевателей — германцев, уделяя и тем и другим значительное место в работе. О франках, например, он писал: «...та жажда беспокойной деятельности, которою обозначалось разложение патриархального быта в племенах германских, явление уже ясно обозначенное в знаменитом сочинении Тацита»³. И далее: «С детских лет они уже созданы для страсти к битвам, подавленные многочисленностью неприятеля или невыгодами занятой позиции, они уступают смерти, а не страху, остаются непобежденными: их мужество переживает их самих»⁴.

Тут явная переоценка моральных качеств франков, идущая отчасти от Тацита, который идеализировал германцев своей эпохи (I в. н. э.), отчасти от Сидония Аполлинария. Но несомненный интерес автора к народным массам сказывается и в этом описании и в том, как автор констатирует отсутствие частной земельной собственности у германцев⁵, как он критикует отношение Ранке к деятельности народных масс в истории⁶. И в том, наконец, как он сочувствует простым людям (франкам), сила которых падает за счет роста силы и влияния знати и богатых землевладельцев⁷.

Исследования С. М. Шпилевского касаются сравнительного анализа славянских и древнегерманских законов и обычаев (главным образом по народным «Правдам» тех и других народов).

Работа С. М. Шпилевского «Союз родственной защиты у древних германцев и славян» написана в 1866 г. и посвящена родовым союзам и их функциям у славян и древних германцев, т. е. собственно, касается вопросов народной жизни раннеславянского и раннегерманского общества.

¹ См. подробнее: «Очерки истории исторической науки». М., 1955, стр. 456—457.

² С. В. Ешевский. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. М., 1855.

³ Там же, стр. 122.

⁴ Там же.

⁵ С. В. Ешевский. Соч., т. III, М., 1870, стр. 170.

⁶ «Много дает места ненужным подробностям... а внутренняя сторона народных движений... как-то уходит слишком на задний план...» (К. Бестужев-Рюмин. Биография и характеристики. СПб, 1882, стр. 132).

⁷ С. В. Ешевский. Соч., т. II, стр. 299.

Примерно того же направления и другая работа Шпилев-ского, написанная на три года позднее¹. В этой работе он ближе подходит к вопросам быта народов, особенности которых изучает, и пытается установить общность явлений, отраженных как в славянских, так и в германских источниках.

М. М. Ковалевский занимает в русской историографии особое место по своим трудам, посвященным экономической истории раннего средневековья, роли народных масс и общинному землевладению в период генезиса феодализма. Маркс в письмах называл М. М. Ковалевского своим другом по науке².

Знакомство с Марксом, несомненно, наложило отпечаток на формирование взглядов молодого М. М. Ковалевского. Сам он в своих воспоминаниях говорил, что встречи с Марксом больше всего благотворно повлияли на его работы об общинном землевладении.

Установившаяся в историографии традиция о М. М. Ковалевском обычно относит его в вопросах коллективного землевладения на Западе к последователям и чуть ли не ученикам Маурера. Эта традиция не обоснована фактами. У Ковалевского есть много оригинального, самобытного в его работах об общинном землевладении и ранних формах организации масс средневековья.

Энгельс справедливо приписывает М. М. Ковалевскому, что тот впервые обнаружил так называемую «большую семью» или семейную общину («задругу» у южных славян) и открыл ее паличие в прошлом у всех народов в период распада рода, в том числе и у германцев³.

Анализируя свои отношения к трудам Маурера, М. М. Ковалевский писал о том, что хотя Маурер и «проложил путь... к положительному решению вопроса об общине, но сделал это, не выводя еще занимающий его вопрос из сферы совершенно произвольной»⁴. И, говоря о себе, автор добавляет, что счел не бесполезным «...приложить и свою руку к возведению гипотезы, высказанной Маурером»⁵.

Ценно также то, что М. М. Ковалевский в своих трудах⁶, уточняя высказанное Маурером, говорил об единстве про-

¹ С. М. Шпилевский. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 62.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 41.

⁴ М. М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, стр. 4.

⁵ Там же.

⁶ М. М. Ковалевский. Указ. соч.; его же. Сельская община в Закавказье. «Юридический вестник», 1889, № 4; его же. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898—1903; его же. Родовой быт в настоящем и отдаленном прошлом. М., 1906.

цесса жизни и разложения родовой общины при возникновении сельской общины и правильно рисовал себе характер марки, не называя, как Маурер, разного типа марок («помещичьих», «смешанных» и т. д.)¹.

Но во многих методологических вопросах сам М. М. Ковалевский не избежал ошибок. Он переоценил значение географической среды, считая ее решающим фактором в истории, непомерно большое значение отводил в своих работах фактору народонаселения, преувеличивал как идеалист религиозный фактор в истории.

Все это заставляет нас в трудах М. М. Ковалевского ценить, главным образом, богатый фактический материал, собранный о жизни народов в раннее и позднее средневековье, и отдельные, свежие, порой блестящие мысли, высказанные автором, но не его концепцию и выводы, так как они противоречат марксизму и отражают либерально-буржуазные взгляды автора².

При историографическом исследовании вопроса мы не можем также обойти молчанием имя Д. М. Петрушевского, который в дореволюционный период нашей истории внес много нового в историческую науку.

Д. М. Петрушевский — автор многих научных трудов по истории средневековья³. По вопросам, близким к нашей монографии, Петрушевский написал несколько трудов. Из них, в первую очередь, нужно назвать книгу «Очерки из истории средневекового общества и государства», которая начала создаваться автором с 1904 г.⁴ В этой работе целая глава отведена франкам. Но эта глава (пятая) или пятый очерк написан автором позднее (в 3-м издании «Очерков»). Отдельным изданием «Очерки» вышли впервые в 1907 г.

Одной из основных заслуг Д. М. Петрушевского перед русской и мировой наукой является то, что он стремился, на основании источников, вскрыть реально проблему возникновения феодализма у разных народов Западной Европы.

Сама постановка проблемы в целом и пути ее разрешения являются сильной стороной научной деятельности Д. М. Петрушевского в то время. В те годы его можно назвать по работам прогрессивным русским дореволюционным историком.

Уделяя большое внимание франкскому обществу VI—VII вв., Д. М. Петрушевский прямо писал тогда: «Жили салические франки, как и древние германцы, сельскими общинами, но пахотная земля уже была разделена между отдельными семьями на праве частной собственности, что

¹ См. выше о Маурере.

² О франках. См. М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. I, гл. «Франки».

³ См. библиографию.

⁴ «Научное слово». М., 1904, кн. 3.

вовсе, однако, не устраняло необходимости для владельцев отдельных участков сообразоваться при обработке их с общинными интересами; подчиняться принудительному севообороту, оставлять свое поле неогороженным с момента его уборки до нового посева, отдавая его, таким образом, на это время под общинные пастбища и т. п.»¹

Этими словами Д. М. Петрушевский показывал в те годы не только солидарность со сторонниками общинной теории, но и развивал вопрос об общинном землевладении у франков в период их поселения в Галлии. Он творчески развивал вопрос о взаимосвязи частной собственности на пахотные земли у франков с наличием у них общей собственности на пастбища, угодья и т. д. Позже ото всех этих положений автор откажется, попав под влияние чуждой марксизму идеологии².

В «Очерках» 1907—1908—1913 гг. Петрушевский правильно подмечает у франков определенную связь между установлением тех или других отношений по земле между земледельцами и землевладельцами (т. е. отношением подчинения и господства) и установлением так называемых «феодальных институтов» (коммендации, прекария, власти сеньора и т. д.)³.

Петрушевский правильно оценивал и происхождение крупного землевладения у франков, отнюдь не считая в то время, что крупная частная собственность на землю существовала всегда, как это будет утверждать позже А. Допш, а за ним и сам Д. М. Петрушевский. В 1908 г. Петрушевский писал: «Образование крупных владений во франкском обществе не разрушало общинных распорядков деревни: поскольку крупное владение возникло не путем поднятия нови на пустошах, оно представляло собой совокупность ряда сосредоточившихся в руках отдельного лица или церковной корпорации общинных наделов, состоявших, как и все остальные наделы каждой общины, из полос, разбросанных по всем полям каждой данной общины; благодаря этому в своей хозяйственной деятельности, поскольку он вел ответственное хозяйство, крупный землевладелец должен был по необходимости сообразоваться с общинными распорядками и подчиняться им, как подчас ни велико могло быть влияние, которое он мог оказывать на общинную жизнь в силу своего положения и в обществе, и в государстве...»⁴

¹ Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1908, стр. 291.

² Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории Европы. М., 1928.

³ Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства, стр. 299—303.

⁴ Указ. соч., стр. 296.

Хотя в приведенном абзаце автор показывает появление крупного землевладельца на определенной стадии развития общины, но уже тут он нечетко характеризует взаимоотношения общины и этого землевладельца, проявляя тенденцию не заострять острых углов и не выпячивать возникающих классовых противоречий в обществе. Эти тенденции приведут позже автора их (еще и под влиянием извне) к полному отрицанию даже самой общины у франков¹.

Такова деятельность русских историков до 1917 г. в области изучения истории франков и их раннего феодализма.

Как видно из краткого резюме их деятельности, ни один из них, так же как и ученые Запада, не подходил к данному вопросу с позиций, сколько-нибудь близких к марксизму. Но, оценивая по достоинству наследие прошлых поколений в русской и зарубежной науке, мы не можем не уделить им должного внимания. Вопросы об общине в той или иной степени были предметом их исследования.

Классические работы Маркса, Энгельса, Ленина, совершив переворот в исторической науке, подняли все вопросы методологии на научный уровень, создав научную базу истории — исторический материализм. На базе исторического материализма советские историки плодотворно трудятся над разрешением многих исторических проблем, создают ценные монографии, отводя должное место роли народных масс в истории.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ О ФРАНКАХ

Из советских историков историей франков и изучением их основного закона занимались А. Д. Удальцов, Н. П. Грацианский, А. И. Неусыхин и другие.

У проф. А. Д. Удальцова следует отметить три работы: «Свободная деревня в Западной Нейстрии»², «Из аграрной истории Каролингской Фландрии»³ и «Система держаний на землях Сен-Бертинского монастыря в IX в.»⁴.

Хотя первая работа была написана еще до революции 1917 г., но уже в ней автор, не отрицая общинной теории, приводил ряд интересных документальных данных в защиту наличия свободной деревни в Западной Нейстрии на заре феодализма, вопреки реакционному буржуазному направлению в историографии.

¹ Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории Европы.

² Журн. МНП. Октябрь, 1912.

³ Написана в 1935 г.

⁴ Уч. записки РАНИОН, т. III, М., 1929.

Вторая работа А. Д. Удадьцова, написанная в 1935 г., ставила своей целью вскрыть своеобразие пути аграрного развития Каролингской Фландрии. Автор хотел показать на документальном материале, «...каким протекал в этих областях процесс феодализации, во многом объясняя ряд событий классовой борьбы и политической истории древней Франции»¹.

Н. П. Грацианский оставил ряд работ из эпохи раннего средневековья. Часть этих работ относилась непосредственно к франкам и их закону — «Салической Правде».

Статья о термине «villa» в «Салической Правде» совершенно правильно ориентирована автором на то, что «villa» «Салической Правды» — деревня, а не поместье², как в свое время трактовал о ней Фюстель де Куланж. В данной статье Н. П. Грацианский подобрал значительное число доказательств правоты своей концепции и выдержек из источников, которые подкрепляют суждение о франкской «villa», как о селении (деревне), а не поместье.

Из других работ наиболее ценная для нас и близкая к нашей тематике работа Н. П. Грацианского «О разделах земель у бургундов и вестготов»³. В этой работе ценным является то, что автор на ряде документов показал наличие общинных земель у бургундов и вестготов и рост у них крупной земельной собственности.

Наиболее глубокое внимание тем вопросам, которые затронуты в нашей работе, уделил проф. А. И. Неусыхин. Его перу принадлежит ряд ценных работ, в том числе и о франках в раннефеодальный период⁴.

Проф. А. И. Неусыхин много и давно занимается исследованием варварских «Правд». За последнее время из-под его пера вышли новые ценные труды, посвященные истории раннего средневекового крестьянства⁵.

Исследования А. И. Неусыхина построены на теоретических данных марксистско-ленинской науки, а также на громадном материале первоисточников, глубоко продуманы, раскрывают отдельные, частью не вскрытые еще наукой отношения зарождающегося феодального общества.

¹ А. Д. Удадьцов. Из аграрной истории Каролингской Фландрии. М., 1935, стр. 7.

² Н. П. Грацианский. К толкованию термина «villa» в «Салической Правде». Сб. «Средние века», вып. 2. М., 1946.

³ Сб. «Средние века», т. 1, М., 1942, стр. 7.

⁴ А. И. Неусыхин. Свобода и собственность в варварском обществе по «Салической Правде». Изв. АН СССР. М., 1945, т. II, № 4 (серия ист. и фил.); его же. Собственность и свобода в варварских «Правдах» (Докторская диссертация). М., 1946.

⁵ А. И. Неусыхин. Исторический миф 3-й империи. МГУ, вып. 81, М., 1946; его же. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков.

В работах А. И. Неусыхина следует также отметить статью «Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.»¹ написанную в 1942 г.

А. И. Неусыхин в данной статье дает интересный анализ общественных отношений лангобардов той же эпохи, которая интересует нас в нашей работе. Опираясь на документальный материал (главным образом на эдикт Ротари), А. И. Неусыхин раскрывает пестрый состав лангобардского общества и дает яркое описание социальных групп этого общества.

К числу интересующих нас работ следует отнести также труд акад. А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность»². В этом труде А. В. Венедиктов касается и феодальной собственности на землю, указывая на ее особенности и своеобразие. Очень ценны наблюдения А. В. Венедиктова над правовыми нормами, закрепляющими владение феодальной собственностью, и наблюдения над многогранными формами распространения прав феодала на эту земельную собственность.

III глава указанного труда А. В. Венедиктова, посвященная анализу феодальной собственности, вскрывает на основе марксистско-ленинской науки конкретные закономерности во взаимосвязях между феодальными институтами, феодальным землевладением и характером классовых отношений в обществе. Вопреки «положениям» буржуазно-империалистических «ученых» Запада, выступающих и в настоящее время с искажениями основ историко-экономического процесса генезиса феодализма (см. выше), А. В. Венедиктов дает ясную, четкую трактовку затронутого вопроса. Он подчеркивает, что в феодальном обществе политическая власть и власть над населением неразрывно связаны с обладанием землей и на этом основаны. А владение землей, в свою очередь, неизбежно связано с несением военной службы. Право феодального собственника на землю тесно связано, с другой стороны, с его неполной собственностью на крестьянина, прикрепленного к земле собственником средств производства.

У А. В. Венедиктова и бенефиций и вассалитет — определенные формы общественных отношений, вытекающие из особенностей феодальной собственности, отношений, которые в свою очередь приводят к утверждению феодальной собственности. Превращение бенефиция в лен создает верховную собственность у сеньора и подчиненную собственность у вассала (эта собственность имеет тенденцию

¹ Сб. «Средние века», т. I, М., 1942.

² А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд. АН СССР. М., 1948.

стать полной). Разделение собственности ведет и к разделению власти в феодальном обществе. Форма разделенной собственности соответствует всему строю политических и земельных отношений феодального общества. Эта стройная система марксистских положений о раннефеодальном обществе находит конкретное подтверждение в анализе источников, проводимом нами в данной работе.

Среди других работ, принадлежащих советским авторам и имеющих отношение к нашему исследованию, видное место принадлежит ныне покойному акад. Б. Д. Грекову.

Сравнительное и параллельное изучение народных «Правд» германских народов в целях исследования по ним социально-экономических отношений в обществе и изучение других документов, проводимое нами в данном исследовании, находит свое обоснование в тех глубоких трудах, которые были проведены Б. Д. Грековым по параллельному изучению «Правд» и других документальных памятников славянских народов.

Б. Д. Греков призывал историков к сравнительному анализу источников «при изучении явлений общественной жизни славянских народов»¹.

По аналогии, с таким же основанием допустимо исследование и параллельное изучение «Правд» германских народов, которое мы и проводим, изучая «Правды» франков и другие документы.

В указанной работе А. И. Неусыхина² тоже содержится положительная оценка работ Б. Д. Грекова в постановке вопроса о происхождении крестьянства как класса. «Наша постановка вопроса примыкает к той, которую дал Б. Д. Греков...» — писал А. И. Неусыхин (конечно с той разницей, что мы чаще всего имеем дело с более ранними стадиями развития общины и генезиса зависимого крестьянства, чем те, которые отражены в «Русской Правде») ³. Мы совершенно согласны с этим заявлением и в отношении нашей работы.

За последнее пятилетие появилось значительное количество других советских работ, освещающих раннюю историю феодализма у разных народов Европы. Таковы труды А. С. Нифонтова, Л. Т. Мильской, А. В. Конокотина, Я. Д. Серовайского, А. Я. Шевеленко и ряда других. Но эти работы посвящены раскрытию проблемы возникновения феодализма не у франкских народов, а потому мы позволим себе не анализировать эти работы. В 1958 г. вышла в свет интересная работа А. И. Данилова — «Проблемы аграр-

¹ Б. Д. Греков. Полица. М., 1951, стр. 4.

² А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков.

³ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 44.

ной истории раннего средневековья в немецкой историографии»¹. Это глубокий историографический критический анализ различных течений в немецкой историографии по проблемам аграрной истории раннефеодального общества. Автору удалось вскрыть несомненную связь той или другой буржуазной концепции с общетеоретическими и политическими течениями эпохи.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XX в. О ФРАНКАХ

Охарактеризовав достижения советской науки по изученным нами вопросам, мы должны отметить и то, что сделано в XX в. в зарубежной историографии по тем же вопросам.

Надо признаться, что за последние 30—40 лет там в этой области вышло немало работ. Причем следует также сказать, что если начало века характеризуется работами, имеющими в большинстве случаев определенно тенденциозный характер, с отрицательным отношением к общинной теории (напр., работы А. Допша), то в современной зарубежной историографии все более выявляются работы если и не марксистского, то, во всяком случае, более прогрессивного, чем раньше, направления. Это, видимо, надо отнести за счет более широкого распространения передовых идей в науке и влияния Советского Союза, что, однако, не избавляет общество и сейчас от появления реакционных концепций. Проведем последовательный анализ некоторых работ зарубежных авторов.

А. Допш в своей работе «Хозяйственные и социальные основы европейского культурного развития»² выступает с критикой марковой теории и ярым врагом марксизма. Он стремился доказать эволюционную преемственность средневековой эпохи от римской эпохи, отрицая возможность катастроф и революций в истории. В то же самое время он находил у германцев эпохи Цезаря высокую земледельческую культуру и частную собственность на землю. Его основной тезис — извечность частной собственности на землю и существование крупного поместного хозяйства у германцев уже с эпохи Цезаря. От этого тезиса он делает и дальнейшие выводы о том, что никакой свободной общины у германцев не существовало, а была лишь община закрепощенных людей. А. Допш стремится доказать также существование в период раннего средневековья у германцев (франков) «капиталистических

¹ А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии.

² A. Dop sch. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. W., 1923.

предприятий» и «аграрного капитализма». В более поздней работе «Свободные марки в Германии»¹ Допш еще раз пытается аргументировать свой тезис о «ложности» марковой теории. Положительное в работах Допша то, что он, хотя и в ложном свете, но пытается вскрывать вопросы экономики у франков². После Допша вышло несколько работ (и немецких и французских авторов), в которых нет места экономике. Ее заменяет исключительно политическая история. Авторы этих работ, точно уходя в сторону от решения важных проблемных вопросов, ограничиваются констатацией фактов политической истории тех же франков и других народов.

Книга двух французских авторов³ «Histoire de Bourgogne», казалось бы, должна была дать объективную историю Бургундии именно того времени, которым занимаемся мы.

Однако наши надежды не оправдываются. Дроу и Гальметт хотя и делят историю Бургундии на отдельные этапы, начиная с ее предыстории, к которой они относят галльский и романский периоды, тем не менее очень далеки от объективного изложения подлинной истории Бургундии и ее народа. Им принадлежит, например, мысль о том, что к приходу франков в Бургундию образовалась галло-бургундская «нация» (стр. 66). В работе много внимания уделено королям (франкским и бургундским), их раздорам, влияниям, завоеваниям и т. д. Явно отдается предпочтение Гундобаду, канонизированному церковью, и Дагоберту — «хорошему королю» (стр. 69), дальше отмечается период «ленивых» королей, борьбы мажордомов (стр. 70) и начало Каролингов (71 и след. стр.). Этот перечень вопросов показывает, в какой плоскости лежат интересы авторов, занимающихся только политической историей франков и бургундов при сугубо идеалистической направленности их мысли.

Книга трех французских авторов⁴ в «Histoire du Moyen Age», впервые увидевшая свет в 1928 г., мало чем отличается от вышеназванных работ. Та же политическая история меровингских королей, начиная с Хлодвиг и его отца, те же идеалистические установки.

В работе есть историографический раздел с большим числом рубрик: дипломатика, нумизматика, эпиграфика, археология, история церкви и т. д. Ссылки на работы по преимуществу реакционных историков (в том числе есть ссылки на Фюстель де Куланжа и Допша). Название глав представ-

¹ A. Dopsch. Die freien Marken in Deutschland. W., 1933.

² Подробнее о концепции Допша см. в кн. А. И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии».

³ H. Drouot et J. Galmette. Histoire de Bourgogne. Paris, 1927.

⁴ F. Lot, Ch. Pfeister, F. Ganshof. Histoire du Moyen Age. Paris, 1928.

ляет перечисление отдельных исторических (и не исторических) эпизодов. Например: гл. I — *Honorius*; гл. II — *Walentinian IV*; гл. III — *Agonie et Mort de l'Empire en Occident* и дальше — изложение политических событий по царствованиям. Соприкосновение с нашей темой имеет глава VII — о гегемонии франков в Галлии, но она построена так же как и другие главы в плане изложения политической истории и на идеалистической основе (повторяются легенды о крещении Хлодвиг, заимствованные у Григория Турского, — Хлодвиг и церковь, сыновья и внуки короля Хлодвиг и их борьба и т. д.).

Дальнейшие главы о меровингской эпохе не дают ничего интересного. Все та же идеализированная политическая история королей. В главе XIV (*La civilisation*) есть попытка сказать что-то о хозяйстве франков. Но эта попытка сводится к тому, что авторами земля признается богатством, но это богатство принадлежит аристократии и церкви¹ (об общине, конечно, ни слова).

Однако и в 20-х — начале 30-х годов в западноевропейских странах встречаются прогрессивные историки, которые ставят новые вопросы, задумываются над свежими научными проблемами.

В этом плане следует отметить передового французского историка М. Блока, искреннего противника фашизма, сложившего свою голову в борьбе с фашистской оккупацией во Франции. Перу М. Блока принадлежит и несколько работ по феодализму. Отметим из этих работ наиболее яркую — «*Les caractères originaux de l'histoire rurale française*»². В этой работе автор затрагивает некоторые моменты ранней истории франков. Первая глава носит наименование «*Les grandes étapes de l'occupation du sol*».

Автор признает вторжение германцев на западноримскую территорию, он останавливается на общинном строе германцев, но, правда, вопрос об общине древних германцев ставит под сомнение. Он склонен характеризовать их поселения, как поселения небольших военизированных групп, селившихся вместе со своим начальником — шэфом, имя которого большей частью и оставило след в наименовании поселений у франков. Большое внимание этот автор отводит также личности Карла Великого, связывая ее с поворотом в хозяйственной жизни франков (приказывал расчищать под пашни свои леса и леса своих придворных) и т. д.

В главе V, посвященной социальным группировкам у франков VII в., дается представление об общине, но общине закреп-

¹ F. Lot, Ch. Pfeister, F. Ganshof. Указ соч., стр. 347.

² M. Block. *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*. Paris, 1931.

пощенных людей, обязанных платить ценз (оброк) своему сеньору. Однако отношения между сеньорами и крестьянами даны без какой-либо попытки указать моменты закрепощения, классовую разнь между эксплуатируемыми и эксплуататорами и т. д. Откровенно националистический характер носит работа Миттайса. В 1948 г. он выступает в печати с книгой такого наименования: «Государство периода развитого средневековья»¹. В книге нетрудно проследить стремление показать незыблемость существования германских правовых институтов, чем, собственно, и подменяется у автора история общества.

В первой (вводной) части книги, именуемой «Начало западноевропейской государственности и ленная система», автор приводит данные о политическом развитии «варварского» государства, в частности франкского государства. В двух других частях книги он дает развитие государства от эпохи Карла Великого до 1300 г.

Как и Допш, Миттайс стремится доказать, что основой франкского государства является германский элемент, впитавший все лучшее от римских элементов. Устройство государства, по Миттайсу, основано на личной власти и воле короля и его союзе с народом. Суд у него организован королем и народом. Государство — явление надклассовое. В государстве усиливается служилая знать, получающая привилегии от короля. Иммунитет у автора имеет римское происхождение, но франкский иммунитет имеет большую свободу иммунитетной территории от деятельности государственных должностных лиц. Юрисдикция иммунитета для Миттайса — зародыш высших форм государственности. Этим Миттайс показывает, что для него иммунитет лишен всякого социального значения, а является только правовым институтом. Благодаря иммунитету к знати переходят все штрафы по суду. Ленный суд для вассалов образует брешь в государственном устройстве и ставит знать в положение, не зависимое от королевской власти (следовательно, все вытекает из норм права и юрисдикции вассалов). Независимость иммунитетных округов Миттайс усматривает у франков с VII в.; он ставит ее в прямую зависимость от фамильных распрей Меровингов, найдя, таким образом, благовидный предлог для объяснения роста феодализации. Меровинги у автора усиливают королевскую власть, т. к. усиливается германский элемент в государстве. Ленная система, по автору, вырастает из бенефиция и вассалитета при наличии доминирующего влияния германского элемента и т. д.

В этой надуманной, чисто идеалистической «правовой» теории Миттайса основным классам общества, его «низам»

¹ Mitteis. Der Staat des hohen Mittelalters. Berlin, 1948.

не нашлось места. О них автор нигде не упоминает, игнорируя их.

К этому же, примерно, времени относится еще несколько работ немецких, французских и других историков, например, книга Фихтенау¹. Но этот австрийский историк освещает историю средних веков только с политической точки зрения.

Но в работе Латуша² есть некоторые интересные соображения по поводу вторжения «варваров» на территорию Западной Римской империи. Не лишена интереса работа и другого французского автора³, вышедшая в 1948 г. Но эта работа тоже имеет больше уклон в политику, чем в экономику франков.

Фердинанд Ло⁴ написал в 1948 г. работу «Развитие Франции VI—XI вв.», которая охватывает разные стороны раннего средневековья.

Тот же Фердинанд Ло в 1951 г. написал новую работу⁵ «Конец античного мира и начало средних веков». В ней 545 страниц. В отношении франков автора занимает вопрос — кто же они такие?⁶ Отвечая сам на этот вопрос, автор утверждает, что они уже не были варварами, так как долго до этого общались с Римом. Позже он называет франков то авантюристами, то федератами. В целом вся книга во многом напоминает вышеупомянутую совместную более раннюю работу трех авторов, дает ту же политическую историю царствований и завоеваний, при крайней идеалистической направленности всей работы.

Книга Евига⁷, немецкого исследователя, вышедшая в 1953 г., — «Франкские разделы и отдельные франкские государства», — имеет 65 страниц и четыре главы. Она является скорее политико-географическим обзором франкского государства с 511 до 613 года. Книга пестрит именами королей, названиями мест, перечнем битв и боевых схваток. Основная мысль автора — стабилизация власти во франкском государстве. Идеология автора идеалистическая.

В 1954 г. вышла в свет другая немецкая, весьма обширная по содержанию книга (735 стр.), коллективный труд ряда

¹ G. Fichtenu. *Grundzuge der Geschichte des Mittelalters*. Wien, 1947.

² R. Latouche. *Les grandes invasions et la crise de l'occident au V-ème siècle*. Paris, 1948.

³ L. Dupraz. *Le royaume des francs et l'ascension politique des maires du palais au déclin du VII-ème siècle*. Fribourg, 1948.

⁴ F. Lot. *La naissance de la France (VI—XI s.)*. Paris, 1948.

⁵ F. Lot. *La fin du monde antique et le début du Moyen Age*. Paris, 1951.

⁶ F. Lot. Указ. соч., стр. 291.

⁷ E. Ewig. *Die frankischen Teilungen und Teilreiche*. Wiesbaden. 1953.

авторов, охватывающий историю Германии от времени падения Рима до XV в.¹

Книга имеет несколько частей и 256 глав. Части и главы написаны различными авторами (Н. Löwe, К. Bosl, E. Fritze, E. Wahle и др.). Н. Löwe написана II часть, именуемая «Deutschland im frankischen Reiche». Мало что дает эта часть книги, кроме бесконечного набора имен и мелких фактов. Ощущается у автора любовное отношение франками как германцами-завоевателями, преклонение перед силой франкских королей, которые с оружием навели «порядок», установив твердую власть. В центре внимания автора только политическая история франкских королей. Направленность автора крайне идеалистическая. Самое дробление материала на множество глав придает книге скорее характер учебного пособия, чем настоящего исследования.

Экономику и социальные отношения во франкском государстве пытается вскрыть другой автор этой коллективной «Handbuch» — Карл Босл (Karl Bosl); им написана в книге VII глава, именуемая «Staats Gesellschaft Wirtschaft in deutschen Mittelalter». В начале главы автор приводит значительный список трудов историков, по именам которых нетрудно догадаться о методологической направленности и литературных симпатиях автора. Названы Вайц, Миттайс, О. Бруннер, Пиренн, Фюстель де Куланж и т. д. Но главными ведущими фигурами для концепции автора являются Допш и Теодор Майер. Они его вдохновляют, и он повторяет их мысли. Конечно, общинной теории в этом труде не найти. Автор — верный последователь Допша с его апологетикой вотчины в раннем средневековье, а Т. Майер вдохновляет автора своей теорией социальной эволюции в средние века.

Вслед за Теодором Майером Босл считает основной массой германцев (франков) мелких крестьян (рядовых свободных), которые всецело зависимы от короля, получив из его рук «свободу». Большое внимание автор уделяет дворянству. В книге было бы ценным наличие библиографического указателя по разделам, но в нем приведены имена непрогрессивных историков. Много ссылок в тексте и в библиографическом указателе на духовных лиц.

Книга Альфана², французского профессора из Сорбонны, написанная в 1950 г., придает большое значение средневековой эпохе. Автор ее во второй части книги пытается описывать время Меровингов и Каролингов, т. е. эпоху, близкую нам. Но все это описание не касается, к сожалению, ни эко-

¹ Handbuch der deutschen Geschichte, herausgegeben von Herbert Grundmann. Stuttgart, 1954.

² L. Halphen. A travers l'histoire du Moyen Age. Paris, 1950.

номики, ни социальных групп и отношений во франкском государстве, а посвящено главным образом политической истории франкских королей и пап и расширению влияния папства. Автор — идеалист занимается прославлением деятельности пап — Этьена III, Адриана и т. д., и его история франков — по существу история папства этого периода.

Ле́ве Ге́йнц написал в 1952 г. статью «Von Theodorich dem Grossen zu Karl dem Grossen»¹. Хотя статья по названию направлена на изучение политической истории Теодориха и Карла, но вся она полна апологетикой папства и идеей создания так называемого универсального католического государства при Карле Великом. По сюжету и идеалистической направленности она близка к книге Альфана.

Заслуживает внимания большой трехтомный труд Салена, посвященный цивилизации франков эпохи Меровингов². В книге много фактического материала, выдержек из документов, рисунков, иллюстраций. Особенно интересны материалы, посвященные технике франков (т. III)³.

Следует обратить внимание на две книги немецких историков: Лю́тге⁴ и Бехте́ля⁵, в которых довольно много фактического материала, а главное, снова обращено внимание на хозяйственную жизнь народа. Со многим в этих работах мы согласиться не можем, многое (как например, представление об общине) дано неправильно, но с этими авторами можно хотя бы спорить, оспаривать их мнение. С нашей точки зрения, это все же шаг вперед в зарубежной историографии.

В этом плане следует также отметить работу О. Бру́ннера⁶, посвященную постановке вопроса о написании социальной истории. Работа имеет идеалистическое направление, но о некоторых мыслях автора можно поговорить в плане дискуссии⁷ (см. ниже).

Следует отметить отдельные статьи в иностранных журналах, появившиеся в самое последнее время и посвященные близким к нашей работе вопросам.

¹ Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters namens der Monum. Germ. Hist., Herausgegeben von Friedrich Baithgen und Walter Holtzmann 9 Jahrgang, H. 3. Münster—Köln, 1952.

² Ed. Salin. La civilisation Mérovingienne, tt. I—III. Paris, 1950—1957.

³ Использованы нами во II гл.

⁴ Fred Lütge. Deutsche sozial und Wirtschaftsgeschichte. Heidelberg, 1952.

⁵ H. Bechtel. Wirtschaftsgeschichte Deutschland. München, 1951.

⁶ O. Brunner. Das Problem einer europäischen Sozialgeschichte. «Historische Zeitschrift», 1954, № 177.

⁷ Ibid.

Небольшая статья французского историка Латуша¹ поднимает интересный вопрос о наличии торговли и торговцев во франкском государстве VII—X вв. Ссылаясь на источники (Григория Турского, анналы и хроники), автор разрешает этот вопрос положительно, находя даже целый ряд имен лиц, занимавшихся торговлей в то время.

Отрадно отметить, что историческими проблемами интересуются и такие иностранные издания, как например, «Cahiers du Communisme». В этом партийном французском органе в 1955 г. нашли отражение две статьи, посвященные далекому прошлому. Статья G. Cogniot «L'origine de la famille, de la propriété privée et de l'Etat» de F. Engels² посвящена анализу классической работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; вторая — R. G a r a u d y — «Friederich Engels. La révolution d'Octobre»³ посвящена книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Эти статьи написаны прогрессивными французскими историками, справедливо оценивающими классические труды Энгельса и их значение для мировой науки. В ряде стран (в Германии, во Франции и т. д.) издают в настоящее время, по примеру Советского Союза, многотомные издания «Всемирной истории»⁴. К сожалению, качество этих трудов еще оставляет желать лучшего. Преобладает в них сухая политическая история.

В заключение историографического обзора нам хочется задержать внимание на материалах X конгресса историков в Риме, работа которого происходила в сентябре 1955 г.

О состоянии медиевистики в странах Европы и США подготовил доклад Ф. Верхаутерен (Льежский университет)⁵. Несмотря на некоторые методологические расхождения с нашей (советской) точкой зрения на ряд вопросов методологии⁶ и случайный или не случайный пропуск ряда работ советских медиевистов, доклад все же был составлен лояльно и пока-

¹ R. L a t o u c h e. Marchand et commerce dans la Maines et l'Anjou pendant le très haut Moyen Age (VII—X siècle). «Cahiers d'histoire». Lyon, 1956, № 2, p. 193—196.

² «Cahiers du Communisme», 1955, № 5.

³ Там же, № 11.

⁴ «Histoire générale des civilisations en France», t. III. a) «Le Moyen Age». Paris, 1952—1956, par Ed. Perroy; b) Historia mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bänden. Begründer von Fr. Kern. Herausgegeben von Fr. Valjavee, t. V — Frühes Mittelalter. Berlin, 1956.

⁵ См. сокращенный текст его доклада «Работы по истории средних веков в 1945—1954 годах» в журнале «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 204—221.

⁶ Верхаутерен указывал на разный путь развития для Востока и Запада; непризнание им марксистской периодизации истории, непризнание феодализма как общественной формации. Идеалистический подход к оценке исторических событий и т. д.

зал значительную работу, проделанную историками разных стран по истории средневековья (в том числе и раннего средневековья).

Многие работы советских историков получили объективную оценку в данном докладе¹.

Советская делегация, принимавшая активное участие в работе конгресса, постоянно была в центре внимания ученых конгресса. Ее докладами интересовались, к ним прислушивались, с докладчиками вступали в дискуссию, но порой и принимали их точку зрения².

Это очень ценное начало международного сотрудничества в науке. Интересны отклики в зарубежной печати после работы конгресса³. Болгарский орган «Исторически проглед»⁴ приводит слова проф. Д. Косева о том, что конгресс проходил под знаком возможности мирного соревнования и сотрудничества между историками разных стран, независимо от различий в идеологии. Тот же журнал констатирует, что многие буржуазные историки, особенно стоящие на нейтральных позициях, вынуждены были принять некоторые положения советской исторической науки, частично перенять научную терминологию, вынуждены отныне все более заниматься проблемами общественного развития⁵.

Признание научных достижений ученых СССР и всего социалистического лагеря отмечено многими буржуазными учеными, участниками конгресса⁶.

В свою очередь, многие ученые из стран народной демократии отмечали, что в их странах порой недооценивалась работа буржуазных историков и буржуазная историография. С этим надо покончить⁷.

Итальянский журнал «Società» поместил статью историка коммуниста Л. Кантемири, в которой тот отмечает, что споры на конгрессе были очень интересны и полезны, что сказалось на заключительном заседании, которое было не церемонией, а настоящим рабочим совещанием⁸.

В «Revue historique» помещена статья трех молодых участников конгресса, которые отмечают значение доклада Е. А. Косминского для изучения средних веков⁹ и т. д.

¹ См. указ. журнал «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 206, 208, 211—220.

² А. Карагголо пишет в газете «Unità», что проф. Э. Лабрусс, представитель школы французских историков, группирующихся вокруг журнала, объявил себя последователем марксизма.

³ См. «Вопросы истории», 1956, № 5.

⁴ «Исторически проглед». София, 1955, № 6, стр. 99.

⁵ Там же, стр. 100.

⁶ «Medunarochena politika», Belgrad, 1955, № 1, s. 21—22. «Kwartalnik historyczny», s. 7.

⁷ «Kwartalnik historyczny», s. 4, 5; «Nova mysl», Belgrad, 1955, s. 12—37.

⁸ «Società», Roma, 1955, № 5, p. 943—946.

⁹ «Revue historique», Paris, 1956. Janvier—Mars, p. 215.

Надо считать, что работа X конгресса историков положила начало сотрудничеству в науке между странами и показала необходимость такого сотрудничества в работе ученых всего мира.

Конкретные пути сотрудничества ученых различных стран уже намечаются. Об этом свидетельствуют отклики в зарубежной печати о работе конгресса историков и живой обмен предложениями, который завязался между учеными СССР и зарубежными учеными через журналы «Вопросы истории»¹ и «Вестник истории мировой культуры»².

¹ «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 204—221; № 5, стр. 212—220 и др.

² Изд. «БСЭ» (изд. с 1957 г.). «Вестник» осуществляет научное сотрудничество с зарубежными учеными.

Глава I

ЧЕРТЫ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ У ФРАНКОВ VI—VII вв. И БОРЬБА НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СО СТАРЫМИ

У каждого народа в процессе исторического развития закономерно развиваются одни черты его быта, хозяйства и общественной жизни и отмирают, изменяются другие. Особенно важно проследить за этими изменениями в период смены формаций.

Франки, совершившие в конце V в. свой переход в Римскую провинцию Галлию и поселившиеся там, переживали как раз тот переходный период, когда у народа одни производственные отношения начинают сменяться другими, но прежние отношения имеют еще значительную устойчивость и без борьбы не хотят уступать место новым отношениям.

Франки, поселившиеся в Галлии, делились на франков салических, рипуарских и хамавов. У каждой из этих этнических групп создались свои документальные памятники (в первую очередь — «Правды») ¹, на основании которых можно подметить и проследить отдельные черты в жизни народа и сделать выводы.

Основной документальный памятник салических франков — «Салическая Правда» ² — хранит следы общественных отношений у франков не только той эпохи, в какую она была составлена (т. е. начала VI в.), но содержит и следы более глубокой архаики общественных отношений, которые и необходимо вскрыть на материале данного документа.

«Салическая Правда» — ранний памятник салических франков (первые списки ее рукописей относятся к началу

¹ См. во «Введении» об источниках.

² См. работу автора «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leinopolitanus*».

VI в.) имеет за период VI—IX вв. целый ряд списков и компиляций.

По установившейся научной традиции, принятой большинством исследователей (по схемам Егорова, Беренда, Бруннера, Гессельса, Вайца, автора данной работы¹ и т. д.) все тексты «Салической Правды» группируются на пять групп «семей» из которых I «семья» считается самой ранней по времени ее составления и имеет четыре рукописи, составленные, по-видимому, на основании такой же, еще более древней рукописи, текст которой до нас не дошел. Из дошедших до нас рукописей I «семьи» наиболее древней считается Парижская рукопись, именуемая «Paris 4404». Она и будет считаться исходным источником исследования.

Сравнивая тексты рукописей II «семьи» с текстами I «семьи» (в первую очередь с рукописью «Paris 4404»), наблюдаем, что в более поздних «семьях» появляются изменения и добавления в текстах памятника. Особенно это бросается в глаза при сопоставлении текста рукописи «Paris 4404» с наиболее поздним из текстов «Салической Правды» — «Emendata», происхождение которого может быть отнесено к VIII—IX вв.

О том, что эти изменения не случайны, исследователь может судить по смыслу изменяющихся параграфов, по характеру добавлений к ним и т. п. Во всех случаях исследователь, сопоставляя изменения, находит отраженную в текстах действительность, изменяющуюся в определенном направлении, закономерно. Например, в более ранних текстах «Салической Правды» наследниками имущества умершего или имеющими право на «Reirus»² называются сначала родственники со стороны матери, а потом со стороны отца. В более поздних списках «Салической Правды»³ наблюдается другое явление — родственники со стороны отца упомянуты прежде, чем родственники по матери.

Подобное наблюдение над рукописной традицией памятников (Салической или Рипуарской «Правд» или «Правды» хамавов), отражающих изменения взаимоотношений в обществе франков с VI по VIII в., дает право исследователю, изучая характер изменений рукописного текста памятника по методу сравнительного анализа (от более ранних рукописей — к более поздним по составлению их), делать некоторые выводы об изменении жизни самого общества в процессе его исторического развития (например, общества франков VI—VII вв., франкской поземельной общины и т. д.).

Сравнительный анализ различных «Правд» (Салической, Рипуарской) должен обогатить наши наблюдения за жизнью

¹ См. указ. работу автора и во «Введении» к данной работе.

² Плата родственникам за вдову-невесту.

³ III «семья».

и социальной борьбой в раннем феодализирующемся обществе франков. Это обязывает исследователя делать более широкие выводы обобщающего характера по вопросам хозяйства и социальной структуры общества франков, исследуя историю родо-племенного их быта и жизни, борьбы и гибели марки-общины в королевстве Меровингов, насколько об этом позволяют судить тексты варварских «Правд».

Важно вскрыть последовательно сохранившиеся в источниках следы, показывающие стадии развития ранней общины у франков, отраженные даже как пережитки, чтобы с полной ясностью оценить те моменты в истории экономики, производственных отношений и социальной борьбы в обществе франков, которые привели позже к возникновению нового базиса и новых надстроек уже не первобытно-общинного, а феодального общества у франков.

В анализе архаичных форм общины, сохранившихся в памятниках в виде пережитков, мы будем иметь дело со всем комплексом экономических и социальных отношений в этом раннем периоде существования свободных франков.

Выше, во «Введении», мы отметили основные направления в зарубежной и русской буржуазной историографии, выделив то, что сделано советскими историками в области изучения ранних периодов истории (в частности о генезисе феодализма на Западе).

Обращаясь к анализу текстов «Салической Правды», мы должны отметить, что многовековая традиция памятника и наличие значительного количества текстов и рукописей, разделенных на «семьи», которые имеют локальную связь во времени с VI—VIII вв., дает возможность исследователю, следя за изменением текста, находить новые черты, отражающие изменения в обществе и самого общества.

ПЕРЕЖИТКИ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ ПО «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ»

В «Салической Правде» на первый план выступают статьи, в которых отражается частная собственность, распространенная уже на рабов, скот, домашние постройки, сады, луга, пашни, виноградники и т. д. За покушение на эту частную собственность по «Салической Правде» взимался высокий штраф в размере от 15 до 45 солидов (солид—золотая монета, равная по весу $\frac{1}{72}$ части фунта золота)¹.

Если бегло ознакомиться с содержанием «Салической Правды» (когда в глаза бросаются титулы, направленные против нарушения собственности: «О краже свиней», «О краже коз, овец, собак, птиц и т. д.», «О краже рабов», «О краже

¹ Содержит около 5,5 г золота.

дичи», «О покраже изгороди», «О различных покражах» и тому подобное), то создается впечатление, что речь идет об обществе, в котором уже давно укрепились частная собственность.

Но это лишь первое впечатление от знакомства с памятником. Дальнейший анализ заставляет отказаться от этого впечатления. «Салическая Правда» тем и привлекает внимание исследователей, что в ней новые явления в обществе переплетаются со следами глубоко архаичными, что мы и отметим при дальнейшем исследовании.

Закономерность отраженного в «Салической Правде» явления — распространения частной собственности, которая так резко бросается в глаза при общем обзоре документа, с точки зрения марксистской науки совершенно очевидна.

Приведем здесь знакомые многим слова из письма Маркса к Вере Засулич о том, что «в сельской общине... каждый обрабатывает за свой собственный счет отведенные ему поля и урожай присваивает себе в собственность...»¹

Маркс оценивает это явление как прогрессивное. Далее он пишет: «...Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она (община. — Г. Д.) получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и его двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, развитию, несовместимому со строем более древних общин»².

Приведенный выше абзац из письма Маркса четко говорит о преимуществах, которая связывает сельскую общину, освобожденную от уз кровного родства, с «более древними общинами», т. е. с родовыми объединениями, родовым строем. Подметить в «Салической Правде» наличие того и другого (и частной собственности в сельском хозяйстве и следов «более древних общин») — значит найти важное доказательство действительного их существования в прошлом и указанной преимущества между ними. Первое (т. е. наличие частной собственности на объекты хозяйства) мы обнаружили без труда при самом беглом знакомстве с документом. Второе (т. е. наличие «древних общин») требует пристального анализа и умения судить о прожитых эпохах по их пережиткам, отраженным в законах. Попытаемся это сделать.

Если судить о наличии «древних общин» в «Салической Правде» с точки зрения учения о пережитках, то необходимо начать анализ с тех титулов, которые отражают пережитки наиболее ранних стадий в развитии общества — общины

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. I, стр. 284.

² Там же.

родовой, родовых связей и общины семейной или большой семьи. С этой точки зрения наиболее яркий материал может дать исследование главы о «Reipus» в «Салической Правде»¹.

Первый пункт этого титула гласит:

«По обычаю следует, что если человек, умирая, оставляет вдову, и кто-либо пожелает ее взять, то прежде чем он вступит с ней в брак, тунгин или центенарий² должен назначить судебное заседание и на этом заседании должен иметь при себе щит (обычный ритуал.— Г. Д.) и три человека должны предъявить три иска (обычная форма начала заседания.— Г. Д.). И тогда тот, кто хочет взять вдову, должен иметь 3 равновесных солида и 1 динарий и должны быть трое (должно быть, односельчан.— Г. Д.), которые взвешают его солиды; и если после этого будут согласны, он может взять» (вдову замуж).

По рукописи «Paris 4404»: «Sicut adsolit homo moriens et viduam dimiserit, qui eam voluerit accipere, antequam sibi copulet ante thunginum aut centenarius, hoc est ut thunginus aut centenarius mallo indicant et in ipso mallo scutum habere debet. Et tres homines tres causas demandare debent».

Самая этимология слова «Reipus» трактуется различно: Grimm³, Waitz⁴, Clement⁵ проводят аналогию его с готским «reips», английским «горо», фризским «geep», немецким «Reifen» (веревка, обруч, кольцо). Soetbeer⁶ предполагает, что может быть «Reipus» есть некоторое воспоминание о древней (еще первобытной) форме денег в виде колец.

Если сопоставить то значение, которое имеет «Reipus» в «Салической Правде», как плата жениха за вдову-невесту, то правильнее аналогия с немецким «Reif», «Ringgeld».

Возможно, что вторичное замужество вдовы являлось оскорбительным для всего рода умершего человека. Это мнение сохраняется и в более позднее время.

Вообще в средние века смотрели неодобрительно на второе замужество (вспомним «кошачьи концерты» в немецких городах против вдовы-невесты и другие грубые шутки). Корень этого явления заходит далеко в глубь веков — к родовому быту. Возможно, что тут играло роль со стороны родни умершего опасение того, что имущество вдовы человека из данного рода могло при ее вторичном замужестве перейти в другой род.

В «Салической Правде» мы видим упоминание о «Reipus» как выкупе за вдову-невесту. Но суть дела не в этом.

¹ «Салическая Правда», тит. XLIV, 1—10.

² Судья или сотник, избранный от народа.

³ I. Grimm. Deutsche Rechtsaltertümer.

⁴ G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte.

⁵ Clement. Lex Salica. Berlin, 1876.

⁶ Soetbeer. Forschungen. Berlin, 1878.

Проанализируем, кому этот «Reirus» должен был достаться из сородичей умершего и как изменяется право на «Reirus» по различным рукописям «Правды», а следовательно и в жизни.

В пунктах 4, 5, 6, 7, 8 перечисляется, кто из родственников умершего имеет право на «Reirus» — племянник, сын сестры¹, если он окажется старше всех (еще некоторые отдаленные пережитки матриархата.— Г. Д.), старший сын его, или сын двоюродной сестры из материнского рода², или дядя — брат матери, или брат того, кто имел ее раньше женой (при том условии, если ему не придется владеть наследством).

Эти пункты повторяются во всех рукописях, кроме рукописи II «семьи» (в которой вообще наблюдается ряд изменений по сравнению с другими текстами).

Пункт 9-й (в тит. XLIV) гласит: «Если не будет даже брата, «Reirus» должен получить тот, кто окажется более близким, помимо поименованных, перечисленных поодиночке, согласно степени родства вплоть до шестого поколения, впрочем, при том условии, если он не получит наследства умершего мужа названной женщины».

Нужно согласиться с тем, что в указанном титуле наблюдается чрезвычайная устойчивость подмеченной традиции, которая сохраняется и в рукописях IX в. («Эмендата»). Между тем, этот титул показывает определенные взаимоотношения членов родовой общины, где счет по родству в вопросе о наследовании и передаче прав охватывает «ближайших» родственников до шестого поколения включительно.

Самое слово «Genicula», которое встречается в последнем из приведенных параграфов, свидетельствуют об этих родовых отношениях («Genus» — род).

В комментариях к «Салической Правде» Д. Н. Егоров приводит указания на то, что слово «Genicula» ассоциировалось с представлением о германском роде («Sippe»), представляя собой подобие человеческого тела, которое в свою очередь распадалось на ряд «членов», «суставов» (нем. «Knie», «Glieder», лат. «Geni», «Geniculus»). То же обозначают абстрактные уже «Generatio», «procreatio», «progenies».

Подобное отношение такого «генеологического» тела находится в «Саксонском зеркале» (пп. 1, 3). «Дети являлись первой «Generatio», внуки — второй, правнуки — третьей и т. д. Сообразно с этим определялось и родство: «Чтобы определить родственную близость двух лиц (в боковых линиях), нужно было найти «расстояние» (по «Generationes») от их общего предка. Числом «Generationes» и определялись

¹ В ранних кодексах упоминается именно сын сестры, а не брата.

² Подчернут именно материнский род.

степени родства (братья, например, находились в первой степени, двоюродные — во второй, троюродные — в третьей и т. д.). Сообразно всем этим наблюдениям то родство, которое выявлено в данном титуле, является родством уже в шестой степени. А о нем упоминают все списки «Салической Правды». Следовательно, эти формы еще родовых отношений были когда-то признанными для данного общества. Отрицать их наличие нет оснований, а признание прав на «Reipus» за всеми этими родственниками до шестого поколения включительно указывает на то, что родовые связи у салических франков когда-то были очень прочными, что «Салическая Правда» хорошо сохранила их в своих титулах.

Определенные указания, повторяющиеся во всех списках «Правды» о том, что родство по матери предпочиталось родству с отцовской стороны, может быть принято в качестве указаний на то, что в этом обществе сохранились еще следы прежних родовых отношений, даже матриархата, хотя в самом обществе это была уже архаика. Такое последовательное изменение в текстах «Правды» указывает на ее глубокую жизненность и историчность.

В этом перечислении родственников мы усматриваем прямое отражение более ранних, чем в изучаемый период, форм семьи в том плане, как их развитие определяет марксистская теория. Здесь применимо к истории учение о пережитках, данное Энгельсом.

Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», анализируя черты переходных стадий в развитии общественных и семейных отношений первобытно-общинной формации от кровно-родственной семьи до моногамной, указывает и методы исследования в этом плане. Энгельс приводит данные Моргана, изучавшего в течение многих лет нравы и обычаи ирокезов в Северной Америке. У них господствовал тот обеими сторонами легко расторгимый брак, который Морган обозначает названием «парная семья». Таким образом, «потомство такой супружеской пары было... всем известно и общепризнано», — говорит Энгельс. «Не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять наименования отец, мать, сын, дочь, брат, сестра»¹. Но этому, оказывается, противоречило употребление таких выражений, а именно: ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Между тем детей своей сестры он называет своими племянницами и племянниками, а они его дядей. Наоборот, ирокезка называет своими

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, гл. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 15.

сыновьями и дочерьми, наряду со своими собственными детьми, детей своих сестер, а те называют ее матерью. Соглашаясь с Морганом в том, что данное несоответствие между существовавшей формой семьи (парная семья) и обозначением родства, по тем же терминам, но с другими взаимоотношениями (отец, мать, дочь и т. д.) является следствием пережитков другой, более архаичной формы семьи (групповой брак). Энгельс указывает, что подобный анахронизм имеет место у всех американских индейцев, у древних обитателей Индии, у дравидийских племен в Декане и т. д.

В свою очередь наблюдение над гавайскими племенами на Сандвичевых островах показало существование в пережитках еще более архаичной формы семьи. Там установленная когда-то система родства в свою очередь не совпадала с фактически существовавшей формой семьи. А именно: все без исключения дети, братья и сестры там являются братьями и сестрами и считаются общими детьми «не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия»¹.

Гавайская семья дает ту форму семьи, которая в Америке уже считалась архаичной, а в пережитках указывает на еще более архаичную форму (пуналуа). «Гавайская система родства указывает на еще более первобытную форму семьи, существование которой мы, правда, уже нигде не можем доказать, но которая *наверное* существовала, так как иначе не могла бы возникнуть соответствующая система родства»².

В нашем исследовании эти дополнительные данные о пережитках семейных отношений у франков, отраженные в законе и тоже не совпадающие с фактически господствующей формой семьи, упомянуты в титуле о «Reipus».

Любопытно, что эти пункты титула XLIV о «Reipus» изменяются по более поздним редакциям³. Так, постепенно родство в более поздних редакциях «Салической Правды» в вопросе о праве на «Reipus» начинает исчисляться не по женской линии, не с учетом матрилинейности, а по линии мужской, отцовской, с явным преобладанием патриархата над матриархатом (II, III «семьи», «Эмендата», «Герольдина»).

Борьба новых форм семьи и новых отношений в обществе сказалась и на документе. Но то, что было подмечено нами на основании ранних редакций «Салической Правды», достаточно ярко говорит о прошлом. Все это говорит о том, что у салических франков была не только община сельская, но.

¹ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 16.

² Там же.

³ «Салическая Правда». См. разночтение титула о «Reipus» по различным семьям рукописей в издании «Салической Правды». Gessels et Kern. Lex Salica, 1880.

что до этого у них существовала община родовая, сохранившая в пережитках и наиболее ранние отношения в обществе до матриархата включительно, хотя бы в том виде, о котором свидетельствует титул о «Reipus».

Аналогичное явление, обнаруживающее следы родовых отношений у франков в более ранний период, можно вскрыть при анализе титула LVIII «Салической Правды» («О горсти земли»). Рукопись «Paris 4404», титул LVIII¹.

Содержание титула LVIII:

«Если кто убьет человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников, клянущихся в том, что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал, и потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть из 4-х углов земли, стать у притоки на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросить через свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родственником. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, т. е. на троих ближайших родственников по матери и по отцу. Потом в одной рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти трое (родственники по матери) должны уплатить половину того, сколько не хватает для уплаты следующей по закону виры. То же должны сделать и три остальных, которые приходится родственниками по отцу. Если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на них долю, он должен в свою очередь бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание и там потом в течение 4-х заседаний должен брать его на поруки. Если же никто не поручится в уплате виры, т. е. в возмещение того, что он не заплатил, то он должен заплатить виру своей жизнью». По V «семье» «Салической Правды» («Эммендата») текст остается без изменений, но под другим титулом².

Заголовок титула — его наименование вызвало много замечаний со стороны исследователей «Правды».

В древненемецких юридических памятниках наследство («hereditas») часто обозначалось словом «Totleib» (мертвое тело), а передача наследства посредством символического акта — бросания «пыли» (земли). По-видимому, это положение ближе всего подходит к тому акту, который описан в содержании титула (бросание земли на ближайшего родственника, который является и ближайшим наследником).

¹ «Салическая Правда», «Paris 4404», тит. LVIII.

² «Lex Salica», «Emendata», tit. LXI «De Chrene crude».

Текст LVIII¹ титула по изучаемому вопросу очень близок к только что разобранным титулам о «Reipus». В этом титуле, как и в предыдущем, вскрываются следы существовавших когда-то у франков первобытно-общинных отношений.

Текст гласит, что тот, кто сам заплатить за свой проступок не может, обращается к своим родственникам за этой помощью, выполняя при этом соответствующий ритуал.

И здесь, как в титуле о «Reipus», имеет место признание родства по матери, хотя оно так ярко не противопоставляется родству со стороны отца, а наоборот, занимает скромное место в тексте титула, что вызвало даже внимание исследователей. По этому поводу Бруннер², например, замечает, что упоминание в тексте слова «pater» раньше, чем «mater» (pater aut mater) является простой ошибкой переписчика, а Вайц³ утверждает даже, что слово «mater» должно быть до слова «pater» по прямой аналогии с титулом LIX «Об аллодах»⁴, где права «mater» и ее родни предпочитают правам «pater» (см. ниже).

Замечания существенные. Они свидетельствуют о большом интересе к данному положению со стороны исследователей, а также о том, что в нашем предположении о влиянии матриархата в «Салической Правде» мы не одиноки, но используем предшествующий опыт исследователей, не всегда, однако, в принципах соглашаясь со своими предшественниками в вопросах методологии.

Обратимся к тексту «Chrene crude». Из текста видно, что если ближайшие родственники убийцы уже использованы для платежа или заплатить не могут, дело доходит до весьма отдаленных сородичей как со стороны матери, так и со стороны отца. В этой части титула родственники со стороны матери упоминаются раньше, чем отцовские: «...id est super tres de generatione matris et super tres de generatione patris qui proximiores sunt»⁵. Так гласит древнейшая из дошедших до нас рукописей «Салической Правды» — «Paris 4404».

Возможно, что предположение Бруннера об описке переписчика в первом случае основательно, но повторяемость этой «ошибки» в разных титулах при упоминании о ранних отношениях франков граничит с закономерностью в самом обществе. Можно продолжить наблюдения.

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVIII.

² H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. «Lex Salica».

³ G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte, S. 109.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIX «De alodis».

⁵ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVIII.

Данный титул «Салической Правды»¹ может рассматриваться и как некоторое отражение наличия семейной общины или большой семьи, в которой живут кровные родственники 2—3-х поколений со своими чадами и домочадцами. Человек, совершивший преступление, за которое он должен заплатить упомянутое «следуемое по закону», обращается, как сказано в титуле, к своим «ближайшим» родственникам. Причем любопытно, что отец и братья выделены особо. Они должны были заплатить раньше свою долю (видимо, живя совместно с убийцей под одной крышей). Если их помощь оказывается недостаточной, убийца обращается к другим родственникам (членам рода), которые, видимо, для этого приглашаются им к дому. Среди них показаны и «слишком бедные» и «более зажиточные». Следовательно, имущественная дифференциация, следующая обычно за разложением родовых и семейных отношений и выделением моногамной семьи, здесь тоже показана. Значит, не лишено вероятности и предположение о том, что и большая семья уже находится в процессе распада. Заслуживают внимания те соображения, которые приведены А. И. Неусыхиным в его книге² по выше поднятому нами вопросу о распаде семейной общины у франков по данным титула LVIII «Салической Правды». Он приводит следующие соображения: «Это упоминание отца и братьев в данной связи весьма существенно, из него следует, что записанный здесь обычай предполагал две возможности: либо отец и братья платили до начала процедуры бросания убийцей горстью земли в его родственников, либо и они приступили к уплате их доли виры лишь после того, как убийца бросил в них эту горсть. В том случае, когда налицо была первая возможность, отец и братья, очевидно, проживали совместно в одном доме; если осуществлялась вторая возможность, то это означало, что отец и братья убийцы не жили с ним в одном доме, ибо убийца ведь бросает горсть земли в родственников, стоящих вне дома, а при указанной второй возможности в число этих, находящихся вне дома родственников, входят также отец и братья; они в этом случае, очевидно, являются первыми родственниками, с которых начинается процедура бросания горсти земли. Следовательно, глава о горсти земли дает нам указание как на наличие большой семьи, состоящей из отца и нескольких взрослых сыновей (братьев между собой, к числу которых принадлежит, очевидно, и сам убийца), так и на возможность ее распада на отдельные семьи, каждая из которых живет в отдельном доме и составляет отдельное домохозяйство»³.

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVIII, 1.

² А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков, стр. 77.

³ Там же, стр. 77—78.

Это очень ценное замечание, отмечающее, как и мы, признаки распада большой семьи у франков. Нами отмечена еще и имущественная дифференциация между родственниками, тоже свидетельствующая о распаде больших семей¹.

В том же титуле «Салической Правды» по рукописи «Emendata» появляются во второй части указанного текста некоторые добавления, а именно:

«...tunc super sororem matris, aut super suos filios debet illam terram lactare; id est super tres de generatione matris qui proximiores sunt»².

Новый вариант, предложенный в этом титуле, прямо говорит о сестре матери, и о всей материнской родне, которая признается ближайшей (qui proximiores sunt). Следы родовых связей очень устойчивы. С точки зрения изучения здесь права наследования и роста частной собственности у франков (наряду с наличием у них пережитков первобытно-общинных отношений) исследователя может заинтересовать упоминание в данной статье о сыне того, кто оказывается несостоятельным должником.

Сын выделен самостоятельно от отца, от прежней большой семьи (он в данном титуле уже полностью распоряжается своим движимым имуществом). Можно предположить, что это выделение сына от отцовской семьи совпадает с совершеннолетием сына.

Этот акт Зом отождествляет с торжественным моментом передачи оружия молодому воину — Werhaftmachung³. Это объяснение не раскрывает сущности вопроса до конца. Гейслер⁴ и Бруннер⁵ указывают на тот факт, что выделение сына и начало его экономической самостоятельности совпадают с моментом образования новой семейной группы. Иначе говоря, с момента женитьбы сына, который создает свое самостоятельное хозяйство, свою семью. Объяснение, по-видимому, наиболее близкое к истине, т. к. и в позднейшие времена дележ крестьянского надела, выделение взрослого сына, наделение его хозяйством чаще всего совпадают с моментом женитьбы и образованием новой индивидуальной семьи, что стимулировало этот акт отделения.

Мы обратили внимание на наличие в данном титуле упоминания о сыне умершего и сделали соответствующий вывод о выделении моногамной семьи (из большой семьи), т. е. констатировали еще один факт, свидетельствующий о разложении большой семьи под влиянием новых отношений.

¹ См. выше.

² «Салическая правда» («Эмендата»), тит. LXI.

³ Sohm. Die Frankische Rechts und Gerichtsverfassung. Weimar, 1871, S. 542—546.

⁴ Heusler. Deutsche Verfassungsgeschichte. Berlin, 1905, S. 435

⁵ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, S. 76—77.

Наличие в документе указания и на архаичные формы семьи (семейная группа, сородичи) и одновременно указание на выделение уже моногамной семьи свидетельствует только о противоречивом становлении нового при неотживших еще окончательно пережитках старого быта. Последовательное отражение этих форм в разных списках «Правд» говорит о многовековой традиции памятника и о том, что разложение большой семьи ощущается в памятнике, как и другие формы нового быта. В тексте титула «Герольдина» мы находим, однако, еще одно добавление о том, что «в настоящее время (во время составления добавления)... если он (убийца) не будет иметь чем заплатить из своих собственных вещей или если (он) не сможет защищаться по закону, то надлежит соблюдать все вышеизложенное — до смерти включительно»¹. Это очень важное добавление, которое, по-видимому, основано на недошедшей до нас рукописи и оно гласит как будто бы о том, что в данное время (*ad praesentibus, temporibus*)² казалось бы нарушаются те родовые связи, которые так ярко выступали на первый план во всех предыдущих рукописях, хранящих этот текст. Иначе зачем было бы вообще вставлять это добавление после того, что говорилось в первичном тексте.

« Нам кажется, что было бы справедливо предположить, что родственники (и со стороны отца и со стороны матери) перестают платить за убийцу, нарушая тем самым родовые традиции. Может быть многие из сородичей уже поспешили отказаться от родства (в чем помогает сам закон, имеющий титул «Об отказе от родства»). А убийца или сородич, совершивший преступление, караемое высоким штрафом, предоставляется самому себе. Этот факт тоже можно расценивать в плане выявления новых отношений в обществе, нарушающих прежние родовые связи.

Возможно, что появление этого нового параграфа в LXI титуле «Салической Правды» совпадает и с актом отмены круговой поруки между членами общины у франков. Это было декретировано Хильдебертом II в 596 г. и, видимо, отразилось в данном титуле закона франков, в Add. 1, характеризующая в какой-то степени борьбу новых отношений со старыми.

Как бы то ни было, что бы ни повлияло на изменение титула (или, вернее, на добавление к нему, внесенное позднее), но все же титул хранит в своем содержании указания и на черты, характеризующие родовые связи у франков и семейную общину, и следы ее разложения, которое обусловлено и внутренними противоречиями и внешними причинами

¹ «Lex Salica», «Heroldina», tit. LXI, Add. 1.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVIII, Add. 1.

(о них скажем ниже). Исследователи «Салической Правды» имели некоторые разногласия в данном титуле по поводу того, кто же, собственно, из родственников уплачивал недостающую часть вергельда и как она на них распространялась — платил ли ближайший («proximiores») всю эту часть, подвергаясь таким образом возможности полного разорения, а потом доплачивал недостающую часть вергельда следующий родственник («до шестого колена включительно») или недостающую часть уплачивали все сородичи вместе.

Амира¹ стоит за первый вариант, указывая на всю разорительность этого обычая по «*Chrene crude*».

Некоторые исследователи настаивают на втором предположении, указывая на то, что одна часть недостающего вергельда («*medietas*») падает на материнскую, другая на отцовскую родню (*tres de generatione matris... et de paterna*).

Самый текст титула наводит исследователя скорее на первое предположение, т. к. в нем указывается не только на наличие родни со стороны матери и отца, но также и на степень родства по отношению к убийце, и порядок уплаты виры отдельными родственниками (отцом, братьями и т. д.) «до шестого поколения»².

При таком порядке уплаты виры вероятно то, что наибольшая часть уплачиваемой родственниками виры должна была падать на ближайших и на наиболее зажиточных родственников убийцы, которые и расплачивались своим имуществом, порою с большим неудовольствием. Бедным родственникам платить за своего собрата было нечем.

При любом толковании титула и определении порядка уплаты виры родственниками ясно одно, что уплата виры была фактом, разорительность которого (и в первую очередь для зажиточных сородичей убийцы) совершенно очевидна.

И у этих разорявшихся сородичей могло появиться настойчивое желание освободиться от такой докучливой обязанности, отказаться от своих неимущих родственников, уйти от уплаты виры за совершивших проступок сородичей.

Чрезвычайно знаменательно, что закон³, как бы отвечая на эти запросы сородичей, имеет титул, который так и называется: «О желающих отказаться от родства»⁴. Содержание титула таково: «Тот, кто пожелает отказаться от родства, должен явиться в судебное заседание перед лицом тунгина и там сломать над своей головой три палки мерой в локоть. И он должен в судебном заседании разбросать их в 4 стороны и сказать там, что он отказывается от соприсяжничества, от

¹ A m i r a. Grundriss der germanische Philolog. Berlin, 1897, S. 27.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVIII.

³ «Lex Salica», tit. LX.

⁴ «Lex Salica», tit. LX. De cum qui se de parentilla tollere vult.

наследства и от всяких счетов с ними (со своими бывшими сородичами)».

Этот титул как бы отвечает назревшей потребности членов рода, большой семьи — выйти из родства, отказаться от всех родственных, имущественных и правовых связей, обособить свое хозяйство и свою индивидуальную малую семью от большой семьи, от всяких счетов с родственниками. Если все другие титулы «Правды» дают лишь косвенные доказательства распада родового общества и большой семьи, то этот титул принадлежит к прямым доказательствам этого процесса у франков. Наличие его в судебнике показывает, с одной стороны, закономерность этого процесса, с другой стороны — вмешательство тут составителей закона, явно заинтересованных в создании новых порядков у франков, порядков, отвечающих новым условиям жизни в обществе и интересам новой феодализирующейся знати.

В упомянутом выше письме к Вере Засулич Маркс чрезвычайно ярко отражает этот момент разложения общины: «Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, и он может превратиться в крепость, из которой подготавливается нападение на общую землю»¹. Отказ от родства, выход из рода, разрыв родовых связей — тоже покушение на общую землю, на общую родовую собственность, тоже признаки наступления на старые традиции.

Распад родовой и семейной общины тесно связан с ростом частной собственности, и это хорошо отражают титулы «Салической Правды»². Таким образом, «Салическая Правда», выявляя различные черты первобытно-общинного строя у франков в прошлом, в изучаемый период, неуклонно показывает картину разложения родо-племенного общества и выделение малой индивидуальной семьи, которая больше отвечает хозяйственному и социальному строю нового общества.

А. И. Неусыхин, анализируя данный титул, прямо дает характеристику того, кто отказался от родства: «От одного только, он, конечно, не мог отказаться — от хозяйственной связи с членами своей собственной малой, индивидуальной семьи (подчеркнуто нами. — Г. Д.), т. е. со своей женой и своими собственными детьми, ибо это поставило бы его вне освященного обычая «общего мира» и лишило бы его всякой возможности продолжать общение с людьми»³. (Автор имеет здесь в виду, что согласно обычаю, с семьей мог порвать только преступник, совершивший тяжкое преступление, — например, вырванный и ограбивший погребенное тело.) Это верно,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив., т. I, стр. 284.

² См. выше в данной главе.

³ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 84.

но нам кажется, что тут напрашивается и другое соображение. Тот, кто отказывается от родства, делает это добровольно и, видимо, главным образом в силу того, чтобы сохранить от разорения (на бедных родственников) и приумножить свое и до этого, видимо, немалое имущество и хозяйство. Об этом не нужно забывать. Важно и то, что титул принадлежит к основным титулам «Салической Правды», а не внесен позднее. Следовательно, процесс выделения малой семьи у франков можно подметить уже с VI в. .

Однако, анализируя «Салическую Правду», нельзя не подметить, что это право частной собственности в тот период, когда составлялись первые списки «Правды», дошедшие до нас, не было еще наследственным. Владелец недвижимости имел ее, по-видимому, только пожизненно. Особенно это относится к владению землей (не считая всех угодий альменды, на которую вообще в тот период частная собственность еще не распространялась, о чем речь будет ниже).

Проверим это положение на тех титулах, которые были исследованы. Титул о «Reipus» несколько раз упоминает о наследственном имуществе умершего сородича. В параграфе 8-м этого титула (см. выше) сказано, что «Reipus» может получить брат умершего, но лишь при том условии, если ему не придется владеть наследством.

Параграф 9-й того же титула гласит: «Если не будет даже брата, «Reipus» должен получить тот, кто окажется более близким, помимо поименованных, перечисленных поодиночке, согласно степени родства, вплоть до шестого поколения, впрочем, при том условии, если он не получит наследства умершего мужа названной женщины».

Эти строки ясно говорят о том, что право наследования после умершего в этом обществе еще не было регулировано законом и зафиксировано строго за определенными лицами (сын, дочь и т. д., как принято считать по праву прямого наследования), а принадлежало общине. Видно по указанной статье «О рейпусе», что это право на наследство могли иметь родственники, состоявшие в родстве «вплоть до шестого колена включительно», т. е. собственно, уже и не родственники в полном смысле слова, а члены бывшего родового союза, члены общины.

На этот же факт отсутствия права прямого наследования у франков VI в. указывает и некоторая часть титула «О тех, кто желает отказаться от родства» (см. выше).

«...Он должен отказаться от соприисаженничества, от наследства и от всяких счетов с ними (с родственниками и, если потом кто-нибудь из его родственников будет убит или умрет, он совершенно не сможет получить наследства»¹.

¹ «Lex Salica», tit. LX.

Но, по-видимому, это был такой вопрос для франкского общества, вокруг которого шла ожесточенная борьба, борьба за право наследования по прямой линии, т. е. борьба за укрепление частной собственности. Это видно из того факта, что наряду с указанными титулами, где подмечается право общины на распоряжение наследством умершего члена общины, в «Салическом законе» имеется титул «Об аллодах», где чувствуется попытка регуляризации вопроса о наследовании. Разберем этот титул по некоторым рукописям, начиная с древнейшей («Paris 4404»).

По рукописи «Paris 4404», титул LIX «De alodis»:

«1) Si quis mortuus fuerit et filios non demiserit, si mater sua super fuerit, ipsa in hereditatem succedat.

2) Si mater non fuerit et fratrem aut sororem dimiserit, ipsi in hereditatem succedat.

3) Tunc si ipsi non fuerit, soror matris in hereditatem succedat.

4) Et inde de illis generationibus quicumque proximior fuerit, illa in hereditatem succedat.

5) De terra uero nulla in muliere hereditas non pertinebit, sed ad virilem sexum (leg. sexum) qui fratres fuerint tota terra perteneat».

«Если кто умрет и не оставит после себя сыновей и если мать переживет его, пусть она вступает в наследство.

Если не окажется матери (по-видимому, матери умершего.— Г. Д.), но останется брат или сестра, пусть они вступят в наследство, если их не будет — сестра матери пусть вступает в наследство. Если затем окажется кто-нибудь близкий из рода, пусть он вступит в наследство».

И, наконец, знаменитый пункт о том, что «земельное наследство не должно доставаться женщине, а вся земля должна поступить (принадлежать) мужскому полу, то есть братьям».

Приводим данный титул по другим рукописям.

В рукописи «Wolfenbüttel» (I «семья») мы находим добавления:

«4) Sivero sorores matris non fuerit sorores patris accedant in hereditate».

«Если не будет сестры матери, пусть сестра отца вступает в наследство».

В двух других рукописях I «семьи» этого добавления нет. Но во II семье рукописей оно снова встречается, а после этого и во всех последующих списках «Салической Правды». Из них остановимся только на «Герольдина» и «Эмендата».

Полнее всего представлен этот титул, как и другие титулы, в «Герольдина».

Здесь текст дан в шести пунктах и более подробно.

«1) Si quis mortuus fuerit et filios non dimiserit si pater aut mater super fuerit, in ipsam hereditatem succedant.

2) Si pater et mater non super fuerit et fratrem aut sororem dimiserit, in hereditatem ipsi succedant.

3) Si ipsi non fuerit, tunc soror matris in hereditate succedat.

4) Si uero soror matris non fuerit, sic soror patris in hereditate succedat.

5) Et postea sec de illis generationibus quicumque proximior fuerit, ipsi in hereditate succedant qui ex paterna genere ueniunt.

6) De terra uero Salica in mulierem nulla portio hereditatis transit, sed hoc uirilis sexus acquirit. (De terra uero Salica nulla portio hereditatis mulieri ueniat sed ad uirilem sexum tota terrae hereditas peruenit.) Hoc est filli in ipsa hereditate succedunt» ...etc.

Обращаем внимание на параграфы первый и последний, где есть изменения по содержанию.

В первом пункте, где раньше упоминалась только мать, как наследница умершего, теперь на первое место поставлен как наследник отец его, о котором в более ранних списках рукописей не упоминалось (теперь же он не только является наследником, но и имеет первое место, как наследник, отменив «mater» на второе место).

Здесь же в последнем пункте мы видим еще новое добавление, которое, правда, находим уже в рукописи II «семьи» (пункт последний).

Говорится не только о том, что земля не должна быть передана в наследство женщине, но делается добавление — «салическая земля» («Terra salica»). То же и в «Emendata», титул LXII «De alodis»:

«1) Si quis homo mortuus fuerit et filios non dimiserit, si pater aut mater super fuerit, ipsi in hereditate succedant.

2) Si pater et mater non super fuerit et fratres uel sorores reliquerit, ipsi hereditatem obtineant.

3) Quod si nec isti fuerit sorores patris in hereditatem eius succedant.

4) Si uero sorores patris non extiterint sorores matris eius hereditatem sibi uindicent.

5) Si autem nulli horum fuerit, quicumque proximiores fuerit de paterna generatione, ipsi in hereditatem succedant.

6) De terra uero Salica nulla portio hereditatis mulieri ueniat sed ad uirilem sexum tota terrae hereditas perteneat».

В этой рукописи видно опять повторение нового варианта первого параграфа (аналогично рукописи «Герольдина») о том, что отец имеет право в первую очередь наследовать имущество после умершего сына (а не мать).

Но в этой рукописи, в дальнейших ее параграфах, видны еще новые изменения о правах наследования.

В 3-м параграфе читаем: «*Quod si nec ist fuerit sorores patris in hereditatem eius succedant*».

«Если их (т. е. брата или сестры умершего) нет, то пусть сестра отца вступает в наследство». Сравнивая с более ранними списками «Салической Правды», обнаруживаем интересное явление. Рукопись «Paris 4404» совсем о сестре отца не упоминает, рукопись «Wolfenbüttel» (I «семья») дает ей право на наследство, но лишь после сестры матери (как и другие рукописи), а здесь она выступает на первый план. Это чрезвычайно характерный штрих, дающий материал для обобщения.

Теперь можно приступить к анализу титула «Об аллодах» или «*De alodis*» в целом.

АЛЛОД

Что такое аллод? Уже здесь мы встречаем самые разнообразные предположения.

Гримм, большой знаток в исследовании германских древностей¹, производит его от германского корня «*al*» (все, совсем) и «*od*» (собственность, имущество), т. е. трактуя его как «все имущество» или «полная собственность».

Вайц², ссылаясь на Мюлленгофа, считает этот термин галло-римским, Фюстель де Куланж³ — галльским.

Д. Н. Егоров находит, что в эпоху составления «Салической Правды»⁴ («*Lex Salica*») «*alodis*» близок к «*hereditas*» (наследство), как видно из текста «Салической Правды», из других «Правд» и особенно терминологии формул. Это, нам кажется, соответствует истине.

Но Зом, например, полагает, что «*alodis*» в «Салической Правде» есть лишь технический термин для обозначения только движимого имущества, против чего Егоров резко возражает, да и самый текст титула, где говорится о наследовании земли, противоречит такому объяснению. У Энгельса есть прямое указание на то, что такое аллод⁵. Но определение Энгельсом аллода относится к тому времени, когда аллод действительно стал «свободно отчуждаемой земельной собственностью». А это произошло не сразу. И «Салическая Правда» предоставляет нам возможность проследить за изменением

¹ I. Grimm. Deutsche Rechtsaltertümer, S. 493.

² G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. «Lex Salica».

³ Фюстель де Куланж. История учреждений древней Франции. Париж, 1875, гл. «Аллод».

⁴ Д. Н. Егоров. Lex Salica (Комментарии к тексту «Салической Правды»).

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

прав в наследовании аллода по ее различным спискам и капитуляриям. Тут последовательно выступают и права матери, и права отца и братьев, и права детей в ущерб общине (после эдикта Хильпериха), и лишение права земельной собственности женщины, и, наконец, признание за ними этих прав (это уж, правда, по формулам Маркульфа)¹. Богатая картина, отражающая изменения прав наследования аллода! Но будем последовательны в анализе.

Анализируя титул, мы прежде всего обращаем внимание на то, что особенно бросается в глаза — на противоречие, которое остается во всех редакциях титула. С одной стороны, женщина не имеет права наследовать землю, как сказано в последнем параграфе, с другой стороны, она является наследницей умершего (ср. мать, сестра, сестра отца и т. п.). Получается несообразность, если рассматривать вопрос логически.

Егоров различает здесь два вида наследования или *hereditas*: первый (параграфы 1—4-й) — движимость, второй (параграф 5-й, а по последним текстам — 6-й) — на землю, на надел². К этому выводу приходит и А. И. Неусыхин в своей работе³. И мы с этими наблюдениями вполне согласны. Но по поводу определения слова (понятия) аллод мы позволим себе не до конца согласиться с А. И. Неусыхиным. У него есть некоторое расхождение с другими авторами по вопросу о том, что такое аллод. А. И. Неусыхин определяет здесь аллод как право наследования⁴. Нам кажется, что это «право» неразрывно связано с самим объектом наследования (движимостью и недвижимостью). Как бы ни эволюционировал аллод в его дальнейшем развитии, он всегда представляет собой нечто реальное, вещное. Даже составители закона⁵ так и представляли себе аллод, как нечто осязаемое, а не только «право» на него. Стоит для этого обратить внимание на формулировку титула «*De alodis*» по «*Lex Salica*»:

«...И если затем окажется кто-нибудь более близкий из этих поколений, он пусть вступит во владение наследством»⁶.

Или далее параграф 5-й того же титула: «*Lex Salica*», «*Paris 4404*», tit. LIX, 5: «земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть

¹ См. ниже.

² Д. Н. Егоров. *Lex Salica*.

³ «...в первых четырех параграфах главы подробно фиксируется порядок наследования движимого имущества, а в последней — порядок наследования недвижимости...» А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 12.

⁴ Как явствует из содержания этой главы, аллодом называется здесь право наследования (разрядка наша.— Г. Д.). А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 12.

⁵ «Салической Правды».

⁶ «*Lex Salica*», tit. LIX, 4. «*Et inde de illis generationibus quicunque proximior fuerit, ille in hereditatem succedat*».

поступает мужескому роду, т. е. братьям»¹. В последнем случае «Салическая Правда» прямо указывает, что наследник должен получить в наследство землю. Это не только право на нее, но и сама земля, переходящая по наследству. Она именуется аллодом.

У Энгельса прямо сказано о том, что такое аллод (как указано выше) — «...свободно отчуждаемая земельная собственность»². Если в период составления первых списков «Салической Правды» эта «земельная собственность» еще свободно не отчуждалась из-за старых традиций в обществе, то она все же оставалась «земельной собственностью», а не правом на нее. Три вида земельной собственности знает раннее средневековье: общинную, аллодиальную и зарождающуюся феодальную. В данном случае перед нами аллодиальная собственность, по поводу которой составлен в «Салической Правде» довольно спорный титул «De alodis». Если разобраться в этом титуле с точки зрения взаимоотношения в обществе франков между большой и малой семьями, то, на наш взгляд, можно прийти к такому выводу.

С нашей точки зрения, титул «De alodis» появился в законе франков как отражение процесса выделения из большой семьи — малой индивидуальной семьи, владеющей своим имуществом, в том числе и землей. Постараемся пояснить нашу мысль.

Несомненно, что вопрос о наследовании аллода у франков тесно связан с наличием у них частной собственности на этот аллод и все, что подразумевается под этим понятием (т. е., как мы согласились выше, — движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее умершему). Владея этим имуществом до своей смерти, т. е. имея индивидуальную собственность на хозяйство, этот человек стоял, видимо, во главе какой-то индивидуальной малой семьи. В противном случае, если бы он не владел аллодом, не владел имуществом, то и передавать по наследству оказалось бы нечего. Самый факт упоминания о наследовании предполагает уже факт владения имуществом. Но вопрос о наследовании является новым для франкского общества вопросом, не освященным традицией. Поэтому в данном вопросе, в титуле «De alodis», как в зеркале, отразились все те семейные отношения, которые бытовали в обществе франков до указанного времени. Это общество, признав *de facto* наличие частной собственности на отдельное хозяйство (которым, например, владел умерший), не могло еще сразу признать *de jure* право наследования этого имущества по прямой линии, указывая в разных редакциях

¹ «Lex Salica», tit. LIX, 5. «De terra vero nulla in muliere hereditas non pertinebit, sed ad virilem sexum, qui fratres fuerint, tota terra pertineat».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

«Правды» разных наследников аллода (мать, отца, родственников матери, родственников отца и т. д.).

Человек, владевший аллодом, не мог, видимо, передать его перед смертью, по праву прямого наследования, ни сыну, ни дочери, т. к. родовая (или семейная) традиция требовала передачи наследства по старым обычаям, как и сказано в титуле «Правды» (см. тит. LIX). Сам титул LIX, видимо, записан был не без борьбы со старыми традициями, т. к. параграф 5-й титула LIX о лишении женщины права наследования земли явно свидетельствует о более ранних (еще родовых) отношениях, когда члены рода опасались, что с замужеством женщины земля может перейти в другой род.

В данном титуле — это архаика, не меньшая, чем упоминание в числе наследников матери умершего и сестры ее (в ранних списках «Салической Правды» им отдается даже предпочтение перед другими наследниками). Но изменяющиеся списки «Правды», с учетом изменений в обществе и ростом новых отношений, в позднейших списках, изменили и соотношение между наследниками аллода (упоминание на первом месте наследниц-женщин сменяется упоминанием на первом плане мужских наследников) ¹.

Большая семья медленно уступала свои позиции. Но она должна была их уступить, т. к. против нее выступали силы нового общества, разрывавшего узы старых родовых и семейных отношений, которые уже начинали мешать и новому обществу и его хозяйству. На смену большой семьи приходила община-марка с ее соседскими связями, индивидуальными поселениями аллодистов-общинников, с ее общими угодьями. Но и над ней уже нависала угроза борьбы с новыми (феодальными) отношениями в обществе ².

Со многими положениями А. И. Неусыхина по поводу аллода мы вполне солидарны: и с тем, что начавшийся распад большой семьи в момент составления «Правды» не привел еще к торжеству малой семьи ³, и с тем, что в «Салической Правде» еще не упоминается никаких форм отчуждения аллода (т. е. аллодиальной земли) ⁴.

Но нас интересует еще такое наблюдение над данным текстом. В первых четырех пунктах титула «De alodis» упоминаются многочисленные родственники, как наследники аллода; тут упомянуты и старшие и младшие поколения родственников. О прямом наследовании нет и речи. Но в то же время нет речи и об ограничении прав женщины в получении аллода. В пятом же пункте появляется указание на прямое

¹ См. выше в данной главе и в «Lex Salica» (II, III «семьи», «Heroldina», «Emendata»).

² См. ниже об общине-марке у франков и ее борьбе.

³ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 12.

⁴ В других «Правдах» это есть.

наследование аллодиальной земли (от отца к сыновьям) и вставляется положение о запрещении наследовать землю женщине¹.

Напрашивается предположение: не является ли в этом пункте запрещение женщине наследовать землю некоторой компенсацией за допущение акта прямого наследования земельного аллода по мужской линии, что уже являлось большой уступкой интересам малой семьи в ущерб большой семье и резко отличается по содержанию от первых четырех пунктов титула. Борьба тут, безусловно, шла между интересами большой и малой семьи, и наше предположение, как нам кажется, небезосновательно.

Но это лишение женщин земельного наследия, с точки зрения интересов малой семьи, было нежизненно, нереально, т. к. сплошь и рядом в малой семье могло не быть прямых мужских наследников на аллод. И это вызывает борьбу уже малой семьи за право женщин на наследование земельного аллода. Официально женщине пришлось ждать права наследования довольно долго. Только в формулах Маркульфа² можно найти осуждение этого странного явления в жизни франкского народа и прямые попытки изменить порядок наследования в пользу женщин³.

В конце VI в., однако, в праве наследования аллода произошли значительные изменения, которые можно квалифицировать как некоторую победу прав малой семьи над правами рода и большой семьи в деле наследования аллода. По эдикту короля Хильпериха (561—584 гг.) был установлен акт прямого наследования аллода от отца к сыновьям, минуя соседей («vicini») ⁴.

Все это, во всяком случае, очень характерно для демонстрации распада у франков родовых отношений и большой семьи и роста новых отношений и малой семьи. Наличие борьбы новых отношений со старыми несомненно. Многие из титулов «Салической Правды» указывают на этот факт борьбы между интересами малой и большой семьи (а борьба была длительной и упорной).

Так, например, титул LXII отражает уже несколько другой характер наследования, чем титул LIX, рассмотренный выше. Титул LXII «О вине за убийство» (по рукописи «Paris 4404») ⁵ указывает на новый вариант вопроса о наследстве и тем самым дает нам несколько дополнительных данных по этому вопросу у франков. Дело идет не о наследовании аллода,

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIX, 5.

² VII в.

³ Capitul. Regum Franc. ed. St. Balusius, t. II. Paris, 1677. Formulae (Form. 24 и др.).

⁴ «Lex Salica». Capitul. V, 3.

⁵ По «Emendata», tit. LXV.

а о наследовании сыновьями виры¹ после убийства отца. Мы назвали бы такой порядок наследования компромиссным.

Самая древняя дошедшая до нас рукопись дает этот титул в такой формулировке («Paris 4404»):

«1) Si cuiuscumque pater occisus fuerit medietate conpositionis filli collegant, et alia medietate parentes quae proximiores sunt tam de patre quam de matre inter se diuidant.

2) Quod si de nulla paterna seu materna nullus parens non fuerit, illa portio in fisco colligatur».

«1) Если чей-нибудь отец будет убит, то $\frac{1}{2}$ виры пусть возьмут (соберут) сыновья, а другую половину пусть между собой разделят ближайшие родственники как отца, так и матери.

2) Если же ни со стороны его отца, ни со стороны матери никаких родственников нет, то эта часть отбирается в казну».

Еще Зом² заметил, что полученный вергельд у салических франков отчетливо распадался на 2 части: одна половина шла семье убитого, другая — роду. То же надо допустить и относительно платимого вергельда. Эту картину мы ярко можем подметить в данном титуле.

В параграфе 1-м ясно сказано, что сыновья имеют право владеть только $\frac{1}{2}$ виры, которую можно тоже рассматривать как часть наследства. Другая половина виры по салическому закону должна принадлежать родственникам. Здесь мы тоже видим пережитки родового быта тех отдаленных времен, когда весь род мстил за смерть убитого сородича. В «Салической Правде» еще можно найти следы кровавой мести, о чем правильно заметил М. М. Ковалевский³. Здесь родственники настаивают на получении виры, которая заменила собой обычай кровавой мести. Но влияние времени заметно уже в том, что, во-первых, $\frac{1}{2}$ виры прямо присваивается сыновьями по праву прямого наследования. Тем самым признается существование малой семьи, сыновей и их прав на наследство.

Как дань пережиткам родовой традиции звучит вторая часть титула⁴, в которой говорится о правах родственников (со стороны отца и матери) на $\frac{1}{2}$ виры. Это мы и называем компромиссом в вопросе наследования (и сыновьями и родственниками). Но в центре внимания составителей второй части титула не находятся упомянутые родственники со стороны отца или матери (они упомянуты лишь по традиции). Составителей закона значительно больше занимает вопрос о том, что если этих родственников не окажется, то вторая часть виры поступит в казну.

¹ «Conpositionis».

² Sohm. Reichsgeschichte und germanische Verfassung, S. 544.

³ М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. II, 1886, стр. 7.

⁴ «Lex Salica», tit. LXII, 2.

Это очень важное указание. Оно свидетельствует также о том, что права общины узурпирует король и что в «Правде» обнаруживается не только борьба общинных связей с новыми отношениями в обществе, но и говорится о вмешательстве королевской власти, т. е. новой феодальной надстройки в дела франкского общества. Данный параграф несомненно свидетельствует о пережитках когда-то существовавших родовых отношений. И эти пережитки оказываются настолько прочными, что уживаются с целым рядом новых явлений в жизни общества. Указанный параграф имеет место во всех известных нам «семьях» рукописей и дан почти без изменения.

Параграф 2-й говорит о том, что королевская власть тоже пытается наложить руку на ту часть виры, которая должна представляться родственникам или общине.

Бруннер¹ полагал, что эта часть виры («*portio*») при отсутствии родственников переходит к королю, как вознаграждение за «*mundium*» (судебную процедуру, обрядность и т. д.). Другие исследователи предполагали это наследование королевского фиска только при полном отсутствии родственников («*proximiores*»), ссылаясь на фразу:

«*Quod si de nulla paterna seu materna nullus patens pop fuerit illa portio in fisco colligatur*»².

Наиболее существенное замечание Бруннера в этом вопросе сводится к тому, что раз известная часть виры, при отсутствии претендентов из родственников, переходит непосредственно к фиску, а не к прямым наследникам, получающим первую половину виры, не к лицам, получающим «*Erbsühne*», то этим доказывается резкое разграничение, существовавшее между этими двумя частями виры (вергельд) — между «*Erbsühne*» и «*Magsühne*»³.

Добавим, что этим еще раз подтверждается наличие у франков пережитков родовых отношений и прав общины на наследство, особенно ярко отраженных в ранних изданиях «Правды», но в них же отражается и рост малой семьи. И в то же время мы видим пример выступления королевской власти против общины и одного из ее прав (прав наследования) во второй части данного титула, что характеризует надстройку нового общества. Чрезвычайно характерно, что в этом случае данное наступление на права общины со стороны королевской власти встретило отпор, т. к. община еще была настолько сильна, что могла бороться с наступлением на нее и оспаривать нежелательный пункт в законе. Эту борьбу мы можем проследить на том факте, что самое наличие пункта 2-го имеется не во всех рукописях. Так, например, в рукописи

¹ Бруннер. Указ. соч., стр. 326.

² «*Lex Salica*», tit. LXII, 2.

³ Бруннер. Указ. соч., стр. 327 и след.

«Paris 9568» этого параграфа нет. Там говорится только о предоставлении родственникам (общине) права на $\frac{1}{3}$ виры за убитого человека.

В более поздних рукописях этот параграф снова появляется, но уже с добавлением о том, что королевская власть (на правах фиска) имеет право распоряжаться данной долей виры (как и наследством умершего — см. выше) по своему усмотрению.

Опираясь на «Эмендата», можно судить о том, что по этим последним рукописям чувствуется, как королевская власть укрепляет свои позиции в деле наступления на общину, т. е. видим пример активного действия новой надстройки.

Обратим внимание еще на один факт, связанный с данным титулом, а именно на то, что и здесь можно заметить, как мы уже наблюдали в титуле «О передаче наследства», что королевская власть на первых порах очень считается с общиной и, где возможно, присваивает ее права.

В добавление к анализу титулов можно сказать, что на данных титулах «Салической Правды», в пунктах о наследовании у салических франков, обнаружены следы и родовой общины, и большой семьи, а также несомненные указания на следы борьбы общины и большой семьи с наступающей на них властью феодализирующегося общества во главе с королем.

Заметим, что в первые века после составления первых рукописей «Салической Правды» наследование даже тех объектов, которые стали уже продуктами частной собственности (скот, инвентарь, усадьба, усадебная земля и т. п.), было поставлено под контроль общины (см. титул об аллодах, о передаче земли и т. д.).

Далее мы замечаем, что права наследования все более и более закрепляются за отдельными категориями родственников, приближаясь к праву наследования по прямой линии. Закрепляется это право эдиктом Хильпериха.

В приведенных выше ранних титулах «Салической Правды» подмечены следы семейной общины (или большой семьи) у франков, но наблюдаются и следы ее разложения и распространения частной собственности вместе с укреплением права наследования.

Не нужно забывать, что сама «Салическая Правда» была записана только в начале VI в. при наличии уже франкского государства. Поэтому сведения, которые можно из нее почерпнуть о ранней родо-племенной стадии развития франков, перемешаны с более поздними данными о франках. К этому нужно добавить, что в V в. франки совершили свой переход на территорию Галлии, где и закрепились на все будущее время. Поселение в Галлии на новых местах нанесло значительный удар по родо-племенной организации франков.

Возникновение сельской общины у франков уже нарушило принцип узкой родо-племенной организации и показало рост новых связей, усилившихся в связи с передвижением франков. Род и племя в этот период еще тесно соприкасались друг с другом (род входил в состав племени), но узкие рамки родо-племенной организации расширились. В марке-общине могли поселиться и родственные между собой группы, и не имеющие кровного родства, а только соседи («*vicini*»). Марка имела свою крепкую организацию, но в ней превалировали уже не родственные, а соседские связи.

ОБЩИНА-МАРКА У САЛИЧЕСКИХ ФРАНКОВ

Родовые связи, родовая община, следы родственных отношений и большой семьи «Салическая Правда» сохранила как пережиток более древних отношений в обществе франков.

Изучая по методу сравнительного анализа различные рукописи «Правды», время составления которых не совпадает¹, можно было подметить в одних и тех же титулах² изменения, происходившие в системе исчисления родственников, в исчислении степени родства и т. д. Родство, определяемое в более ранних списках по женской линии (по матери), заменялось исчислением родства по мужской линии (по отцу), близкие родственники старались уклониться от уплаты виры за своего сородича³ или даже совсем отказаться от родства, выйти из рода, на что закон их любезно наталкивал, имея статью «О желающих отказаться от родства»⁴.

Поэтому мы, подчеркивая наличие черт первобытно-общинных отношений у франков эпохи Меровингов, сохранившихся до V—VI вв. и отраженных в титулах «Правды», отнюдь не считаем, что именно эти отношения характеризуют франкское общество данной эпохи. Родовые отношения и связи здесь являются только пережитками. Но для историка-марксиста важно найти доказательства наличия этих отношений хотя бы в прошлом, чтобы еще и еще раз сказать, что марксистская периодизация общества является единственно правильной.

«Салическая Правда» хранит в своих титулах следы последующего развития общинных отношений у франков — следы общины-марки, общины территориальной, которая в процессе роста и развития производительных сил в обществе

¹ «Paris 4404» (I, II и III «семьи», VI—VII вв.), а «Heroldina», «Emen-data» — VIII—IX вв.

² О «Reipus», «Chrene Crude» etc.

³ «Lex Salica», tit. XLIV, по рукоп. «Paris 4404», «Heroldina», «Emen-data».

⁴ «Lex Salica», tit. LVIII.

сменяет родовую общину, но в то же время и сама подвергается разложению.

Ряд титулов «Салической Правды» дает материал об общине-марке и ее борьбе с наступающей на нее частной земельной собственностью феодализирующегося общества.

Метод нашего исследования тот же (сравнительный анализ текстов более ранних с более поздними).

ТИТУЛ «О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ» («DE MIGRANTIBUS»)

Познакомимся с содержанием этого титула¹ по рукописи «Paris 4404», титул XLV.

«1) Si quis super alterum in villa migrare voluerit si unus vel aliquid (leg aliqui) de ipsis qui in uilla consistuunt eum suscipere uoluerit, si uel unus exteterit qui contradicat migranti ibidem licentiam non habebit».

«1) Если кто захочет переселиться в поселок (виллу) к другому и если один или несколько из жителей поселка захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться».

В двух последующих рукописях I «семьи» этот текст дан почти аналогично (если не считать вставки слова «homo» в тексте «Wolfenbüttel»), но в 4-м тексте I «семьи» («Paris 9653») встречается очень незначительное на первый взгляд изменение в тексте: вместо слов: «Si quis super alterum in uilla migrare uoluerit»², как в тексте рукописи «Paris 4404» и др., в тексте рукописи «Paris 9653» значится так: «Si quis alienum uillam migrare uoluerit» etc., т. е. вместо слова «alterum» (другой) стоит «alienum» (чужой). Это небольшое изменение придает другой оттенок самому пункту.

Если в первых рукописях говорилось о поселении к другому (может быть даже к одному из членов той же общины), то в 4-й рукописи говорится уже о чужой вилле, т. е. о поселении чужого в другой (чужой) общине. Но характерно, что и в том и в другом случае члены общины равно имеют право вмешаться и воспрепятствовать переселению или поселению. Это, бесспорно, говорит о наличии общинных, сельских связей, а также соседей, членов сельской общины.

Это «Super alterum» некоторые авторы исследований, например, Вайц, Лампрехт и другие, переводят так: «с согласия другого», т. к. несогласие выражено другим специальным подбором слов: «Si uel unus... contradicata». Но на

¹ «Lex Salica», tit. XLV. «Paris 4404».

² В этой, наиболее ранней, транскрипции текста «Салической Правды» употребляется еще «u» в значении «v», показывая тем самым и время происхождения текста.

замеченный нами оттенок в словах «alterus» и «alienus» исследователями достаточного внимания обращено не было. Между тем, это изменение в тексте могло отражать некоторое изменение взаимоотношений в обществе того времени.

Последующие тексты «Салической Правды», II—III «семей» и «Heroldina» дают текст, аналогичный первым рукописям I «семьи», по-видимому, следуя их транскрипции, с той лишь разницей, что в текстах III «семьи» данный пункт идет под № XLIX титула, а в «Heroldina» под № XLVIII титула¹.

В тексте «Emendata», который приводим полностью, стоит так: «Emendata», титул XLVII:

«1) Si quis super alterum in uilla migrare uolierit et aliqui de his qui in uilla consistunt cum suscipere uoluerint, et uel unus ex ipsis extiterit qui contradicat, migrandi licentium ibidem non habeat».

В тексте рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина² находим очень небольшие поправки, внесенные другой рукой. Текст не изменен. Следовательно, мы, проанализировав все тексты, нашли данный параграф во всех дошедших до нас редакциях «Салической Правды». Значит, этот пункт является одним из коренных, основных пунктов салического закона, и этот пункт говорит нам, бесспорно, о существовании общины и общинных связей у салических франков эпохи Меровингов.

Следует отметить различную интерпретацию этого титула в историографии.

Фюстель де Куланж³ пытался просто «отвести» этот пункт, доказывая, что тут дело идет о чьей-нибудь собственной вилле (в смысле «поместье») или вилле сонаследников, соправителей. Такое толкование текста не соответствует действительности.

Нельзя представить себе, что у франков этой эпохи, ярко отраженной в салическом законе, где на первое место выступает строгая охрана частной собственности (введены тяжелые наказания за нарушение частной собственности), один из пунктов закона допускал бы явное нарушение этой частной собственности, разрешая поселение чужака в доме, т. е. похищение виллы (если стать на точку зрения Фюстель де Куланжа о том, что вилла — исключительно достояние одного частного лица).

¹ По древнейшей (из дошедших до нас) рукописи «Paris 4404» данный текст стоит в титуле XLV.

² Гос. публичн. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. См. ст. автора «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*».

³ Fustel de Coulanges. Histoire des institutions de l'ancienne France («История учреждений древней Франции»), т. IV о «villa».

Более того, в следующем пункте данного текста мы находим указание на то, что закон явно стоит на стороне вселяющегося в чужую виллу, создавая для него целый ряд льгот.

В пункте 2-м титула мы читаем: «Если же, несмотря на запрещение одного или двух лиц, он осмелится поселиться в этом поселке...»¹ и дальше идет длинное описание тех сложных процедур, которые должен выполнить тот, кто протестует против вселения чужака в общину (он должен трижды приходиться к нему со свидетелями и предупреждать его о выселении, после 30 дней — вызвать его на суд и, наконец, поручиться перед графом всем своим состоянием. Тогда только граф может явиться в селение и изгнать оттуда чужака). Но и это еще не все. В титуле добавлено о «законном препятствии», которое может остановить выселение чужака. О нем сказано глухо, но и это упоминание и все указанные процедуры с выселением и самый тон титула — все направлено к тому, чтобы чужак не покидал общины. Закон явно стоит на защите его интересов и, наоборот, чинит препятствия тем, кто хотел бы его выселить.

Сам титул есть во всех редакциях «Салической Правды», но все добавления к нему и все изменения в нем, сделанные позднее², имеют одну направленность. Они все более укрепляют положение тех, кто переселяется в общину, и ущемляют права тех, кто живет в общине (т. е. ее членов). Едва ли это могло быть случайностью в текстах закона.

Разберем этот пункт. По предположению Фюстель де Куланжа, поселившийся чужак является просто похитителем чужой частной, индивидуальной собственности (виллы, земли и т. д.). Казалось бы, согласно всем другим статьям салического закона о кражах и нарушении частной собственности, к нему должно быть применено такое суровое наказание, как за похищение жилища, запашку поля, увоз сена и т. д. Но тут почему-то закон удивительно мягко относится к данному нарушителю «частной собственности»³ — он явно стоит на его стороне, допуская три отсрочки по 10 дней (тогда как за простую кражу — немедленная расправа), указывает на какие-то «законные препятствия», которые ему могут мешать уйти (из «чужого дома», как говорит Фюстель де Куланж), требует свидетелей для совершения обрядности выселения, поручительства от «хозяина»⁴ всем своим состоянием — и тогда только принимает известные меры к выселению. Получается полное несообразие, если подходить к вопросу с точки зрения Фюстель де Куланжа.

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XLV, 2.

² Во II, III, IV, V «семьях» рукописей.

³ Если встать на позицию, выдвинутую Фюстель де Куланжем.

⁴ Фюстель де Куланж не признает существования общины. Он говорит только о хозяине виллы.

Но попробуем довести это предположение до его логического конца. Ну, а если «хозяин» свидетелей не имел, предупреждая о выселении вора, если он не выполнил всех обрядов, если у поселившегося в чужой вилле оказались «законные причины» (?) или, если хозяин не поручился своим имуществом,—тогда, следовательно, чужак выселению не подлежит и спокойно будет пользоваться чужой собственностью, нарушая, таким образом, другие статьи «Салической Правды», крепко стоящей на страже частной собственности.

А следующий пункт закона говорит о том, что если чужак 12 месяцев прожил на месте, то его никто уже выселить с этого места не может. Он должен остаться неприкосновенным, «как и другие соседи». Получается явный абсурд и противоречие с основной традицией «Правды», если хоть на миг признать точку зрения Фюстель де Куланжа.

Остается в силе наше предположение о том, что в данном случае имеется наличие соседской общины-деревни, что и обозначено словом «villa».

Этот текст закона имеется во всех дошедших до нас рукописях «Салической Правды», подвергаясь лишь незначительным изменениям, принимая вводные слова и поправки.

Отметим еще некоторые наблюдения над текстом.

В рукописях II «семьи» данный параграф помечен 4-м номером, а в 3-м параграфе вставлен совсем новый пункт, которого не было в рукописи I «семьи», а именно:

«Если же кто в чужую общину (поселок)¹ совершил бы переселение без согласия (ее членов), уплачивает за свою вину 1800 дин., что составляет 45 солидов». Пункт очень важный. Появление этого пункта в текстах II «семьи» говорит о том, что по-видимому, вопрос о переселении людей в общины вызвал непосредственное сопротивление самих членов общины, которые в этот период были еще настолько сильны, что смогли настоять на включении данного пункта в закон. Но характерно то, что все же насильно вселившийся чужак подвергается только штрафу, а о выселении его из общины обратно не сказано². Из проделанного анализа XLV титула по всем рукописям «Салической Правды» с VI по IX в. обнаружен этот титул во всех редакциях³.

Сделаем еще несколько выводов по этим пунктам. Оба последние пункта указанного титула (один, охраняющий общинные порядки (3-й), другой (4-й), ведущий к подрыву общины, т. к. с поселением чужих людей в общине ее прежние связи слабеют, обрываются), как мы видим, существуют

¹ В тексте «villa».

² Данный факт подкрепляет наше предположение о наступлении на общину со стороны феодализирующегося общества и государства (см. об этом ниже).

³ «Салическая Правда», тит. XLV.

в рукописях до IX в. включительно. Это говорит об интенсивной борьбе с общиной во времена Меровингов, а в более поздние времена (VIII—IX вв.) о борьбе внутри общины (см. об этом ниже).

Но очень любопытно, что последние рукописи салического закона («Emendata», «Heroldina», относящиеся к VIII—IX вв.) и рукопись Государственной публичной библиотеки особо выделяют 4-й пункт текста. Это сказывается даже в самом наименовании титула, которое теперь меняется. Вместо названия «De migrantibus», как во всех предыдущих рукописях, там стоит новое название, а именно:

По «Emendata», титул XLVII:

«De eo qui uillam alterius occupaverit uel si duodecim mensibus eam tennerit», что означает: «О тех, кто виллу другого или других занял бы, или если 12 месяцев в ней прожил бы».

В самом измененном названии заглавия титула выпячивается то положение, которое особенно желательно подчеркнуть составителям закона (т. е. положение о том, что нельзя занимать чужую виллу). При этом понятие «villa» в этом случае (в IX в.) уже трактуется аналогично понятию «поместье» как в капитуляриях к «Салической Правде»¹, так и в капитулярии о поместьях².

Сам по себе этот измененный в «Эмендате» титул «Салической Правды» очень важен в нашем исследовании, т. к. позволяет судить об эволюции термина «villa» (от общины к поместью). Эта эволюция термина отражает изменения, которые произошли в самом обществе, в котором к IX в. совершилось покушение на жизнь свободной общины-марки, которая была фактически уже подчинена к этому времени поместью. Возможно, что это подчинение поместью и захват земли общины (деревни) поместьем и способствовали такому механическому перенесению в «Правде» значения слова «villa» от обозначения деревни в I—III «семьях» рукописей к обозначению понятия «поместье» в «Эмендате»³. Термин эволюционирует, а свободная община-марка закрепощается, и V «семья» рукописей («Эмендате») отражает уже феодальную эпоху.

Это очень знаменательно и служит ярким примером распада к IX в. не только большой семьи, но и закрепощения сельской общины. Возникновение феодальных отношений налицо.

Вернемся к анализу XLV титула по его ранним редакциям (т. е. при понимании термина «villa» как община (деревня)).

¹ «Lex Salica». Capitul. VII, 9. «De eo qui villam alterius occupaverit» (IX в.).

² Capitulare de villis (IX в.).

³ «Lex Salica», «Emendata».

Из высказываний по данному титулу отметим следующее: Эйхгорн¹ и другие находят, что этот титул достаточно говорит за то, что свободные земледельцы образовывали группы, замкнутые по своему характеру. Другие лица (посторонние) могли войти в их состав только с согласия всех членов группы. Но точной характеристики этой «группы», точного обозначения общины-марки и ее функций мы у этих авторов не находим.

Вайц и Зом² понимают поселение чужака («migrans») как бы на пустоши (необработанной земле), принадлежащей марке, которую этот, переселяющийся без согласия членов марки чужак, возделывает (обрабатывает). Но такому объяснению противоречит самый текст титула, где говорится о поселении *in villa*, т. е. в поселке, деревне (а по толкованию Фюстель де Куланжа — даже в поместье)³.

Приводим интересные соображения М. М. Ковалевского о «villa» (тит. XLV «Салической Правды»). Возражая Фюстель де Куланжу по поводу XLV титула («De migrantibus»), в котором говорится о поселении *in villa* к другому и где Фюстель де Куланж трактует «villa» как поместье, автор приводит ряд соображений против этого предвзятого мнения. Он говорит:⁴

1. Дело идет о переселении в чужую *villa* («*in alienam villam*»). Переселяющийся не мог быть поэтому местным уроженцем. Он менял свое местожительство. Вселялся.

2. Фюстель де Куланж, неправильно пользуясь словом «super» в смысле «arid», пытался доказать, что чужак мог поселиться у другого (а не в «*villa aliena*»). Но это противоречит всему смыслу титула.

3. Есть попытка провести аналогию между XLV и XIV титулами⁵, где говорится о переселении по приказу короля.

Ковалевский вполне резонно отводит эту попытку, ссылаясь на то, что «в таких условиях никакой протест недопустим, и виновный в нем «подлежит пени в 200 солидов...», замечая между прочим, что это как раз та цена, «какая грозит в случае нападения на чужую деревню».

4. Автор ссылается на одно из мест «Правды», где прямо сказано о причине, «по которой поселение чужеземца может вызвать протест со стороны того или другого из местных

¹ G. Eichhorn. Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. «Lex Salica», tit. XLV.

² G. Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken; Sohm. Process der Lex Salica, 1873.

³ Основываясь на «Эмендата», Фюстель де Куланж мог говорить о «villa», как о поместье, но он сознательно смешивал оба понятия «villa», чтобы доказать извечность поместья.

⁴ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. I. М., 1903, стр. 62 и след.

⁵ «Салическая Правда», тит. XLV и XIV.

жителей»¹. А именно: «...в нем говорится о разрешении пользоваться травой, водой и дорогой...». Это так, но автор делает и следующий вывод:

5. Следовательно, в нем (в разрешении.— Г. Д.) может быть и отказано жителям одной и той же *Convicinia* (этим термином обозначается, очевидно, совокупность соседей)² и далее следует общий вывод о «villa». Принимая во внимание все приведенные данные, мы не можем не видеть в разбираемом титуле XLV нормирование того случая, когда чужеземец вздумает устроить свой очаг у одного из деревенских жителей с его согласия, причем такое поселение, грозящее общине, по меньшей мере, необходимостью поделиться с чужаком травой, водой и проездом, вызывает протест хотя бы одного из ее членов. Такой протест, очевидно, не имел бы силы и значения по отношению ко всему селу, если бы «воды, выпасы и сенокосы не принадлежали им на правах общинной собственности (разрядка наша.— Г. Д.), а служащее для посевов поле не подлежало общинному прогону»³. Таким образом, М. М. Ковалевский в противовес многим буржуазным ученым Запада, видел в «villa» XLV титула «Салической Правды» не поместье, а деревню. Такого же мнения придерживались Д. Н. Егоров в своих комментариях к «Lex Salica», А. Д. Удальцов⁴, Н. П. Грацианский⁵ и А. И. Неусыхин⁶.

Таким образом, слово «villa», которое встречается в тексте «Lex Salica» и на значении которого в основном базируется Фюстель де Куланж, переводя его как «поместье», а не «деревня» (для VI, VII, VIII и IX вв.), русскими исследователями, а тем более советскими, переводится как «деревня». Это значение больше соответствует той действительности, которую отражает «Правда» в своих ранних титулах. Наличие соседей прямо отражают слова титула: «Но если кто-либо из соседей не хочет этого — он не может там поселиться»⁷.

Здесь не лишним будет вспомнить, как определял слово «villa» Маурер («Einleitung») ⁸. «Villa» в его понимании — это в широком смысле слова то же, что и марка. И то и дру-

¹ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, стр. 63.

² «Lex Salica», Extravag. B. II.

³ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, стр. 63.

⁴ А. Д. Удальцов. Свободная деревня в Западной Нейстрии. Журнал МНП. М., 1912.

⁵ Н. П. Грацианский. К толкованию термина «villa» в «Салической Правде».

⁶ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков.

⁷ «Салическая Правда», тит. XLV.

⁸ G. Mauger. Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadt Verfassung.

гое слово означало не только населенную деревню, но и сельское жилище со всеми примыкающими к нему посевами и лесными угодьями. Отсюда выражение: «in villa vel marca, Dipl. (862, 891); in villa sive marca, Dipl. (891)».

О главе «De migrantibus» полезно будет привести некоторые мысли Глассона, который, полемизируя с Фюстель де Куланжем, предлагает представить себе такое положение, когда новый пришелец, явившись (как говорит Фюстель де Куланж) в отсутствие собственника и поселившись на его земле, с согласия соседей («vicini»), живет так год; к концу же этого года возвращается настоящий владелец и оказывается лишенным имени. Каково его положение?

Ясно, что такое явление невозможно допустить в данном обществе, «если говорить серьезно» (так говорит Глассон)¹. И далее он приходит к вполне правильному выводу на основании материала источников: («Когда обитатели деревни соглашались или возражают против вселения третьего лица, они всегда действуют в силу права, которое им принадлежит, и никогда как представители отсутствующего собственника»)².

Иными словами, являясь членами общины по праву, данному им законом (составленным на основании обычаев), они реагируют на вселение чужака, а не являются лишь сторонниками индивидуального владельца. К этому закон их принудить бы не мог. Глассон совершенно прав.

Особенно важно для исторической науки то, что сказано по данному вопросу советскими историками. А в советской историографии этот вопрос как раз нашел довольно широкое отражение.

Н. П. Грацианский на основании источников трактует термин «вилла» в двух значениях: «селение» и «территория» и приводит ряд документальных данных по этому поводу³. В этой работе Н. П. Грацианский акцент делает на понятии «вилла» вообще, не занимаясь специально «Салической Правдой».

В другой, более поздней работе, специально посвященной этому вопросу⁴, Н. П. Грацианский несколько дифференцирует термин «villa» и его употребление в «Салической Правде». Он называл 4 случая упоминания в «Lex Salica» термина «villa»⁵.

¹ Glasson. La communauté de certaines terres et le domaine rural à l'époque franque. Paris, 1890, p. 117.

² Там же.

³ Н. П. Грацианский. Бургундская деревня X—XII столетия. М., 1935, стр. 136—162.

⁴ Н. П. Грацианский. К толкованию термина «villa» в «Салической Правде», стр. 73—81.

⁵ «Lex Salica», tit. III, 5; XIV, 6; XLV, XLII, 5.

В титулах XLV и III он тоже, бесспорно, находит, что термин «villa» может обозначать только деревню¹. В титуле XIV «Lex Salica», где говорится о нападении на villa и ограблении villa, Н. П. Грацианский пишет: «Здесь перед нами тип однодворного поселения, расположенного одиноко (по-видимому, среди леса) и охраняемого сторожевыми собаками»². Аналогичный случай он видит и в титуле XLII «Салической Правды»³. Таким образом, Н. П. Грацианский указывает на различные случаи употребления термина «villa» в «Салической Правде»: и как термин, обозначающий деревню, и как термин, обозначающий однодворное поселение.

Дальше развивает эту мысль А. И. Неусыхин⁴. Анализируя данные выше титулы «Lex Salica», он прямо уже указывает на то, что термин «villa» в «Салической Правде» имеет неодинаковое значение и употребляется в разных случаях, обозначая то деревню, то хутор, то двор⁵. Но во всех случаях А. И. Неусыхин подчеркивает ту особенность, что этот двор или хутор неотделимы от деревни (расположены в пределах деревни или на ее территории). Это, на наш взгляд, важное добавление, так как нам представляется, что термин «villa» в «Салической Правде» в ее наиболее ранних списках обозначает деревню (большую или меньшую), а отклонения от этого типичного обозначения связаны уже с новыми явлениями в жизни самой деревни.

В тексте «Салической Правды» слово «villa» встречается 4 раза⁶. Титул XLV нами проанализирован. В нем «villa», бесспорно, деревня. В титуле III, где говорится о быке, ведущем стадо трех вилл, «villa» тоже деревня (но, может быть, небольшая); в титуле XIV упоминается о нападении на чужую виллу⁷, что трактуется некоторыми авторами как нападение на чужой дом. Нам представляется, что если даже нападение совершается и на один дом (видимо, с целью грабежа), то дом этот находится на территории деревни (виллы), т. е. дома, как известно, в германских деревнях находились далеко друг от друга⁸. Если бы составители закона хотели обозначить в данном титуле только кражу из отдель-

¹ Н. П. Грацианский. Указ. соч., стр. 76.

² Там же, стр. 75.

³ Там же.

⁴ А. И. Неусыхин. Указ. соч.

⁵ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 96. «Итак, термин может обозначать в «Салической Правде» и деревню (большую и малую), и хутор, и даже двор, расположенный в пределах деревни (или на ее территории)».

⁶ В XLI, III, XIV, XLII титулах «Lex Salica» (XLII, 5).

⁷ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XIV. «Si quis villa aliena adsalierit, quanti in eo contubernio probantur sol. LXIII culpabilis iudicetur».

⁸ Об этом упоминал и Грацианский: «Франки селились на заброшенной галло-римской территории среди больших лесных массивов, где очень редко находилось местное население». Указ. соч., стр. 77.

ного дома, они употребили бы другой термин¹. А в титуле XIV упомянута именно деревня, как совокупность каких-то жилых строений, на одно из которых было сделано нападение.

Когда вообще происходит какое-либо подобное происшествие (кража, нападение, убийство и т. д.), то всегда объявляется прежде всего населенный пункт, в котором данное событие произошло. Так и в данном случае — нападение было совершено на деревню, а ограблению подвергся один дом в этой деревне. Участвовавшие случаи нападения на деревни вызвали к жизни данный пункт закона.

Наоборот, если допустить предположение, что тут подразумевается только один отдельно стоящий дом, то может возникнуть ряд недоуменных вопросов, а именно: «Салическая Правда» была записана вскоре после поселения франков в Галлии², когда у них еще преобладали большие семьи из 3-х поколений³. Селились они на новой территории в больших и малых деревнях («villa»). Ранние списки «Салической Правды» других форм поселений франков и не знают, отражая то, что представляется массовым явлением в жизни общества. Отдельные, индивидуальные дома, находящиеся вне населенного пункта (деревни), в то время (до выделения членов из большой семьи или даже соседей из марки) могли насчитываться к моменту записи «Салической Правды» только единицами. Явление это было совершенно не типично для того времени, а потому едва ли могло быть отражено в законе.

Другое дело — эпоха более поздняя в жизни франков, которая знает уже и выделение малой семьи из большой семьи и возникновение самостоятельного индивидуального хозяйства одной семьи. Такая семья могла селиться уже вне деревни-общины, но все же на территории, принадлежавшей когда-то общине. Это, видимо, и хотел тоже подчеркнуть А. И. Неусыхин в своей фразе, приведенной выше.

Мы согласны с Н. П. Грацианским и с А. И. Неусыхиным в том, что термин «villa» в «Салической Правде» (особенно в более поздних кодексах «Правды») приобретает некоторую дифференциацию (под ним может подразумеваться деревня, дом или даже двор, находящийся на территории деревни). Но первичное и типичное для времени поселения франков в Галлии обозначение термина «villa» — деревня. Позже происходит дифференциация этого термина.

¹ «Casa», так в тит. XI (1—2) «Салической Правды» или «domus in domo» — там же, пункт 5-й и т. д.

² Данный тит. XIV принадлежит к самой ранней рукописи «Lex Salica», «Paris 4404».

³ См. выше в данной главе.

Нам представляется, что эта дифференциация термина «villa» в «Салической Правде» служит отражением эволюции понятия «villa», происходившей в жизни франков в период VI—VII вв. Сохраняя термин «villa», как обозначение деревни, «Салическая Правда» начинает этим именем обозначать и отдельные части данного понятия (дом, двор и т. д.), соединяя их в общей территории. Эволюция термина «villa», происходившая в текстах «Салической Правды» и отражающая эволюцию в обществе, приводит в конце концов к тому, что, как указано выше¹, термином «villa» в VII в. начинает называться в «Lex Salica» поместье² (тоже, видимо, как территория общины, но захваченная землевладельцем в собственности).

Эволюция термина «villa», замеченная нами в «Lex Salica», тоже является отражением борьбы, происходившей в обществе франков, борьбы между новым и старым бытом в деревне, между старыми и новыми отношениями в обществе.

Нам представляется, что в статье «De migrantibus» это тоже селение, в котором живут односельчане, соседи («vicini») и территория, т. е. деревня («villa»). Она окружена полями, лугами, водами, дорогами, принадлежавшими всем соседям, как об этом говорит упомянутый выше пункт титула XLV «Салической Правды» о пользовании травой, водой и дорогой в общине и о согласии соседей.

По всем ее признакам это типичная община-марка со всеми ее угодьями: пашнями, лесами, полями, лугами, пастбищами, селами, виноградниками, водными пространствами, дорогами и т. д., в том виде, как ее рисуют представители марковой теории, начиная с Маурера, и с тем значением, какое ей придают в истории общественного развития классики марксизма.

Можно подметить и наличие борьбы с общиной, которую ведет феодализирующаяся знать. Сравнительный анализ более ранних и более поздних списков «Салической Правды» позволяет вскрыть эту борьбу в связи с изменениями формулировок титула XLV, изменением статей, внесением новых пунктов, изменением заглавия титула и т. д. Мы об этом говорили выше.

У А. И. Неусыхина есть ряд ценных наблюдений и замечаний по вопросу об общине в «Салической Правде». Автор делает ряд убедительных предположений о лицах, которые «переселялись» в деревню-общину. Это могли быть и «отказавшиеся от родства», могли быть малые семьи, выделившиеся из больших семей, могли быть и «...переселенцы из других деревень, переселение которых могло вызываться чисто

¹ В данной главе.

² «Lex Salica». Capitul. VII, 9

хозяйственными причинами»¹. Анализируя XLV титул, автор замечает, что «villa» — деревня и «...немалых размеров...»², т. к. в ней могут быть и согласные и несогласные с переселением чужака. Автор предполагает, что несогласие выражали только некоторые отдельные лица, может быть и один человек (домохозяин), чем-то ущемляемый в своих хозяйственных интересах вселением чужака. Автор начисто отвергает предположение о том, что чужак вселяется в домохозяство к кому-либо из членов общины³, выдвигая против этого веские доводы. (такое переселение в чужое хозяйство мешало бы ему стать «через год» (как трактует документ) самостоятельным хозяином, его вселение в чужое хозяйство в вилле не ставило бы вопроса о выделении на него земельной площади, о пользовании травой и т. д., а его хозяин приобрел бы дополнительную рабочую силу, о чем документ нигде не упоминает). Переселенец, видимо, сначала принимался за очередные земледельческие работы в общине, а потом уже приступал к постройке дома. Автор также думает, что первой заботой переселенца была разработка новой земли (новины). «Это предположение делает понятным и отсутствие у переселенца на первых порах собственного дома, и ссылку на утерю им результатов его труда, и заинтересованность некоторых жителей виллы в его вселении или изгнании»⁴. Автор предполагает также, что приглашение к переселению чужака могло привлекать интерес кого-либо из членов общины, заинтересованных в совместном с ним поднятии нови, что было делом нелегким, а сулило расширение земельной площади под пашни.

Все эти предположения автора нам представляются возможными в жизни общины-марки, какой была «villa» «Салической Правды».

Итак, титул «De migrantibus» рисует картину сельской общины у франков эпохи Меровингов. Наличие у франков этой стадии развития соседской или сельской общины на документе показано довольно убедительно. Но документ раскрывает не застывший фотографический снимок сельской общины у франков, на каком-то определенном этапе ее жизни, а отражает целый ряд живых штрихов в жизни франкской марки, отражает изменения, происходившие в марке и с маркой, т. к. сам документ «живет» и получает время от времени ряд изменений и дополнений, отражающих изменения в жизни

¹ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 86.

² Там же, стр. 87.

³ Напр., выдвинутое Н. П. Грацианским о «приселении» чужака. Сб. «Средние века», т. II. Указ. соч., стр. 79.

⁴ А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 88. Автор выражает уверенность в том, что к этому времени наделы в общине уже закреплены за отдельными семьями и пределы их не производятся (стр. 89).

общества. А изменений в VI—VII вв. у франков происходит много. В феодализирующемся обществе растут новые производительные силы и иные производственные отношения¹. Община франков и ее интересы начинают сталкиваться с интересами господствующих групп общества: королевской власти, военной и гражданской знати, церкви и церковных феодалов и т. д. Коллективное землепользование подтачивается и растущим аллодиальным владением, владением индивидуальной малой семьи. Но община сразу не сдает свои позиции, она борется за свои исконные права. И эту борьбу в какой-то степени отражает документ. Мы подметили выше, что основные пункты титула XLV сохранились в «Салической Правде» до IX в. Следовательно, до IX в. община продолжает существовать у франков. Но законодательная власть добавляет позже новые и несколько изменяет старые пункты того же титула XLV, чтобы в измененных пунктах отразить что-то новое, а это новое, большей частью, не в интересах общины.

Внимательно изучая изменения, внесенные за четыре века в тексты «Салической Правды», можно подметить наличие борьбы с общиной, которую ведет феодализирующаяся знать. Сравнительный анализ более ранних и более поздних списков «Салической Правды» позволяет вскрыть эту борьбу в связи с изменениями формулировок титула XLV, изменением статей, внесением новых пунктов, изменением заглавия титула и т. д.

Очень ценным для понимания существа изменений в общине является добавление к параграфу 2 титула XLV, которое было внесено позднее.

Это добавление гласит: «*Si vero alium in villa aliena migrare rogauerit antequam conventum fuerit. MDCCL din. qui fac. sol. XLV culp. iud.*»²

«Если же кто пригласит другого переселиться в чужую виллу без предварительного соглашения, присуждается к уплате 1800 дин., что составляет 45 солидов»³. В этом добавлении, видимо, не ставится вопрос о выселении чужака из общины, а дело идет об известной денежной компенсации, которую платят за его вселение. Титул упоминает ответственное за вселение чужака лицо — члена общины, который уплачивает за это вселение к нему чужого человека без согласия общины.

Приведенное дополнение к титулу XLV — факт очень важный и требует анализа. Появляется Add. 1 во II «семье» «Lex Salica», дается в «Heroldina» и «Emendata». Следовательно,

¹ О них подробнее в след. главах работы.

² «Lex Salica», II «семья», «Heroldina», «Emendata».

³ «Салическая Правда», тит. XLV. Add. 1.

оно входит прочно в традицию памятника, а не является случайным штрихом или ошибкой переписчика.

Что же он изменяет в содержании титула XLV или что дает нового? Кому он приносит пользу, кого ущемляет? Несомненно, что Add. 1 расширяет возможности вселения в общину посторонних людей, требуя от вселившего его члена общины только штрафа. Следовательно, Add. 1 выгоден тем, кто вселяется в общину, но, видимо, ущемляет права общины, как самостоятельной организации.

Второй вопрос — кому поступает тот довольно значительный штраф в 45 солидов, о котором упоминает Add. 1? Поскольку «Салическая Правда» — судебник, составленный по указу королевской власти для взимания штрафов с населения за различные проступки и штрафы эти, как правило, взимаются в пользу королевского фиска, тут тоже едва ли возможно исключение. Итак, штраф за вселение постороннего человека в общину поступает в королевскую казну. Это новое ущемление интересов общины. Она, по Add. 1, приняла к себе чужака; по условию п. 3 в титуле XLV (которое не снято), она через 12 месяцев должна наделить его угодьями, считать неприкосновенным (т. е. должна поделиться с ним угодьями, включить в общину), а штраф за его вселение поступает в казну. Вот уже двойное ущемление общины в Add. 1.

Какую роль при этом играет тот член общины, который принял к себе пришельца и внес за него штраф? Тут могут быть два предположения: этот член общины принял в общину своего родственника или знакомого, который может помочь ему в хозяйстве и он сам заинтересован в его поселении у себя. Он добровольно платит за это штраф в казну. Такое предположение, вполне возможное и жизненное, имеет только одну слабую сторону: едва ли таких вселяющихся родственников в общину было так много, что потребовался от короля специальный Add. 1 к закону. Другое наше предположение относительно Add. 1 более радикального характера. Не является ли штраф за вселение чужака в общину новой формой вмешательства королевской власти (феодалной власти) в дела общины, аналогично тому, как это мы видели в пункте 4 титула XIV о переселении в общину, имея грамоту от короля¹.

Выросшая и окрепшая к концу VI в. феодальная власть могла этот Add. 1 к XLV титулу сделать просто доходной статьей для казны, взимая определенную сумму (в 45 солидов) с тех, кто желал по разным причинам² переселиться в общину. Чтобы не нарушать в корне XLV титула, это переселение могло производиться через какого-либо члена общины; платившего за переселенца указанный штраф (т. е. возможно, он

¹ «Lex Salica», tit. XIV, 4.

² См. выше в главе.

был посредником, через которого сам вселяющийся платил штраф в 45 солидов). Устойчивость этого Add. 1 в XLV титуле укрепляет наше предположение о заинтересованности фиска в получении дополнительных средств с переселяющихся в общину, которые вдобавок помогали расшатыванию внутренне-единого строя в общине, ослабляли общину изнутри. Во всяком случае, ясно что Add. 1, выгодный интересам вселяющихся в общину и королевскому фиску, ущемлял интересы общины, низводил ее права к минимуму, по существу дискредитировал параграф 1-й того же титула, где говорилось о воле и желании общинников одобрить или не одобрить переселение чужака. Таким образом, община, если и сохранила еще удельный вес в обществе франков на данный момент (VI—VII вв.), то по всем признакам, не может показать усиление своих связей или прав своих сочленов. И в этом отношении мы позволили себе не согласиться с мнением А. И. Неусыхина, который видит в данном добавлении к титулу XLV¹ «усиление прав соседства в общине»². Автор пишет, что тут вступают в силу два момента:

а) ударение сделано на позитивном характере права решения жителями виллы вопроса о вселении «*migrans*», ибо речь идет о его допущении (и даже приглашении), а не о простете;

б) требуется согласие всех обитателей деревни («*conventum*»), а не одного или нескольких³.

Эти положения правильны, но, на наш взгляд, они еще не служат доказательством усиления роли соседства в общине (т. е. усиления прав самой общины). Нам представляется, что тут надо учесть еще некоторые моменты в связи с этим Add. 1⁴. Бесспорен тот факт, что данное «Прибавление» к титулу XLV расширяет права «*migrans*» для вселения в общину⁵ (протесты не предусмотрены, наивысшее наказание — уплата 45 солидов, если не будет согласия соседей. А может быть, это согласие («*conventum*») было только фикцией, а за ним скрывалось право переселения в общину на определенных условиях (за деньги). Уже тот факт, что Add. 1 облегчает «*migrans*» вселение в общину (хотя бы за деньги), свидетельствует о том, что сама община, ее внутренние связи и удельный вес в обществе не растут, а слабеют. Если принять во внимание, что в «*Lex Salica*» существует XIV титул, карающий большим штрафом (в 200 солидов) тех, кто препятствует вселиться «*migrans*», имеющему грамоту от короля, то можно предположить, что как следующий шаг за этим на-

¹ «*Lex Salica*», tit. XLV. Add. 1.

² А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 118—119.

³ Там же.

⁴ Дана во II «семье».

⁵ «*Lex Salica*», tit. XLV. Add. 1.

сильственным вселением «*migrants*», община вынуждена признать право на вселение чужака за деньги. Закон¹ прикрывает это право нового типа вселения ссылкой на нарушение коллективного соглашения всех жителей общины. Титул в «Салической Правде» не снимается, но в Add. 1 вносится в него новый штрих, новая поправка.

Если говорить в действительности о подобном соглашении всех «*vicini*» на вселение «*migrants*», то оно едва ли могло быть реальным ввиду различия интересов всех жителей деревни. Всегда мог оставаться кто-то несогласный с вселением (как в первом, основном пункте данного титула)², и действие закона входило в силу. «*Migrants*» (или тот, к кому он переселялся) должен был уплачивать штраф. Мы уже говорили выше о возможности уплаты штрафа тем членом общины, к которому делалось переселение, но мы склонны думать, что значительно чаще в жизни франков того времени могли быть случаи, когда переселение было крайне необходимо самому «*migrants*», ибо не переселяться он не мог, его к этому вынуждали социально-экономические и другие причины³.

Человек, стремящийся переселиться в общину, используя новое дополнение к титулу XLV (Add. 1), искал и пробовал все пути для вселения. Находил нужных в общине людей, через которых он мог бы совершить вселение, добыть необходимые деньги и т. д. Феодалная власть через дополнение к закону (Add. 1) оказывает ему содействие вопреки тому, что его вселение не в интересах общины и ее соседских прав. Усиление прав соседства мы не можем признать у франков еще и потому, что к этому же, примерно, времени относится издание эдикта Хильпериха, ущемившего права общины, соседей («*vicini*») и в вопросах наследования в пользу малой семьи, установив наследование по прямой линии (от отца к детям, а не соседям — «*non vicini*»)⁴.

Гальбан-Блюменшток, соединяя Add. 1 с «*Extravagantia B.*», 11, делает вывод о последовательном усилении прав лиц, населявших общину (виллу)⁵. Но для Гальбан-Блюменштока такое суждение понятно, так как он считает, что община у франков возникает значительно позднее записи салического закона⁶. Нам же представляется, что суждение Гальбан-Блюменштока о последовательном усилении прав франкской общины к концу VI и началу VII в. методологически неправильно и противоречит тем фактам, которые дают

¹ В Add. 1.

² «*Lex Salica*», «*Paris 4404*», tit. XLV, 1.

³ Например, выход из родового союза, как сказано у Н. П. Грацианского в указ. работе, стр. 78 (см. выше).

⁴ *Capitul.* («*Lex Salica*»), tit. V, 3.

⁵ A. Halban-Blumenstock. Указ. соч., стр. 258—259.

⁶ Там же.

источники¹. Община не только не усиливает свои права к этому времени, а постепенно теряет их.

Все условия жизни когда-то свободных франков ведут к последовательному (постепенному) ущемлению их прав существования, как свободных общинников: наступление земле-владельцев на земли и угодья общины², постепенное лишение общинников их права выборности в суде и администрации и т. д.³ Особенно это наступление на общину усиливается к IX в.

А Гальбан-Блюменшток в «*Extravagantia B.*» (п. 11)⁴ склонен видеть усиление прав соседства в общине. Это не вяжется со всей обстановкой, которая складывается у франков к IX в., если иметь в виду, что дело идет о правах соседства в свободной общине. Отношение к вопросу меняется, если предположить, что к этому времени (к IX в.) свободная франкская община уже вступила на путь закрепощения. Тогда становится понятным и содержание п. 11 «*Extravagantia B.*»⁵, в котором нужно рассматривать уже начало круговой поруки в закрепощаемой деревне. Деревня, обязанная уплачивать феодалу ренту, конечно, заинтересована в том, кого она принимает в свою среду. В этом заинтересован и сам феодал, а следовательно, и законодательство франков, которое к тому времени (к IX в.) уже не представляет собой записи обычного народного права, а является типичной феодальной надстройкой, защищающей интересы восходящего класса. Весь характер «*Extravagantia B.*» свидетельствует о наступлении новой эпохи: в пункте 10, например, упоминается о бенефиции⁶, в пунктах 6 и 7 о свободном отчуждении имущества и даже его продаже и т. д.⁷

Что касается Add. 1 к титулу XLV, то там, по нашему предположению, дело обстоит так: или община допускает вступление чужака за денежную компенсацию (как мы предположили выше), или этот пункт свидетельствует о новом наступлении на права общины со стороны феодализирующейся знати, в руках которой находится составление закона⁸. Add. 1 в этом случае является дополнением к титулу XIV, где говорится о вселении по приказу короля и большом штрафе (в 200 солидов) за сопротивление этому акту.

¹ В первую очередь «*Lex Salica*» и ее капитулярии.

² Лучше всего отражено в «*Capitulare de villis*», 36 и др. Документ оформляет уже сложившиеся отношения.

³ Замена выборного от народа тунгина и сотника назначенными от короля (см. в IV гл.).

⁴ В соединении с Add. 1, tit. XLV.

⁵ «*Lex Salica*», «*Extravagantia B.*», 11.

⁶ «*Extravagantia B.*», 10. «*De beneficio non debet trahere auctorem nisi si mallatus fuerit...*»

⁷ Ibid, B. 6, 7.

⁸ Если штраф идет в пользу короля.

За последнее предположение может говорить то, что в Add. 1 наблюдается полная пассивность членов общины при вселении чужака. Хотят ли они его принять или не хотят — он все равно может поселиться, но в последнем случае — с уплатой 45 солидов.

Add. 1 можно перефразировать так: если кто-либо из соседей не согласен принять его, он платит 45 солидов (видимо, в пользу короля).

В основном пункте титула XLV¹ несогласный с вселением чужака заявляет протест и, в конце концов, может добиться выселения чужака из общины (хотя закон и ставит ему в этом ряд препятствий даже в самой ранней своей редакции)². А в Add. 1 общинник пассивен. Закон лишил его права протеста вселению, включив штраф с «migraus» (или с того, кто его принял), если не было согласия соседей. Можно ли тут говорить об «усилении прав соседства?»

Титул XLV «Салической Правды» является не единственным доказательством наличия общины-марки у салических франков эпохи Меровингов и свидетельством борьбы с ней. Есть и другие титулы, которые не менее ярко свидетельствуют о наличии еще не поделенных, не перешедших в частную собственность угодий общины, составляющих общую собственность ее обитателей. К этой общей собственности принадлежат у франков, как можно судить по «Салической Правде» еще леса, воды, дороги (о чем речь будет ниже).

Наличие борьбы с общиной сказывается в том, что часть объектов хозяйства у салических франков данной эпохи перешла уже в частную собственность. На то, что еще не перешло в частную собственность, претендует закон.

Термины «свой и чужой скот», «своя и чужая жатва», «чужой сад», «чужой виноградник», «свой дом», «свое имущество» и т. д. встречаются очень часто в титулах «Салической Правды» и не оставляют сомнения в том, что эти объекты перешли уже у франков в частную собственность в результате ее наступления на общину. И это явление вполне закономерно с точки зрения марксистской теории. Оно отражает борьбу нового со старым.

Из письма Маркса к Вере Засулич можно видеть отношение Маркса к этому явлению: «В сельской общине дом и его придаток, двор, принадлежат земледельцу в собственности...»³

Следовательно, в этом распространении частной собственности на целый ряд объектов в сельской общине нет ничего

¹ «Lex Salica», tit. XLV, 1.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XLV, 2, 3.

³ Письмо Маркса от 8 марта 1881 г. (3-й черновик). К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. I, стр. 284.

противоестественного. Наоборот, Маркс находит, что «...парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, развитию, несовместимому со строем более древних общин»¹. Но наличие альменды свидетельствует о прочных еще общинных связях и собственности общины на ее уголья.

Остановим внимание на этих хозяйственных угольях общины².

НАЛИЧИЕ АЛЬМЕНДЫ ПО «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ»

Основоположниками марксизма теоретически обосновано закономерное наступление растущей феодальной действительности на тот «осколок древних общин», жизнь и гибель которых Энгельс во всех деталях вскрыл в работе «Марка».

Определяя различные стадии процесса существования марки-общины, Энгельс писал: «Когда франки поселились здесь в V столетии, у них еще должна была существовать общность пахотной земли...»³ Так определялась Энгельсом ранняя стадия в поселениях франков на завоеванной ими земле. Далее Энгельс пишет: «Но и сюда вскоре неудержимо проникло частное владение...»⁴.

Однако вся остальная земля, т. е. все, что не входило в усадьбное хозяйство и в надельную пашню, оставалось, как и встарь, общей собственностью для общего пользования: «лес, луга, степи, болота, реки, пруды, озера, дороги и тропинки, охотничьи гоны и рыбные тони»⁵.

Наличие этих следов альменды, отраженных в памятнике⁶, дает право исследователю определить стадию развития или разложения общинных отношений согласно данным марксистской теории.

Говоря о наличии и следах общины у франков по «Салической Правде», необходимо упомянуть о существовании у них альменды (т. е. общинной собственности на лес, воды и дороги), на которые еще здесь не посягает хищная рука светского или духовного феодала.

ТИТУЛ О ЛЕСЕ

Титул XXVII (I «семьи»), параграф 19-й «Paris 4404», т. е. первый из дошедших до нас текстов «Салической Правды», гласит: «Si quis arborem post annum quod fuit signatur prae-

¹ Письмо Маркса от 8 марта 1881 г. (3-й черновик). К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. I, стр. 284.

² По Салической и Рипуарской «Правдам».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 634.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 635.

⁶ «Салическая Правда».

sumpserit nullam habeat culpam». («Если кто осмелится взять дерево, помеченное более года назад, в этом нет никакой вины»).

Проследим содержание данного параграфа по различным текстам.

Другие тексты I «семьи» дают их так: рукопись «Wolfenbüttel» (имеет такое содержание данного титула в параграфе 17): «Si quis arbore post anno signatum praesumpserit, nullum adiam culpam».

В рукописях «München» и «Paris 9853» (т. е. в двух остальных рукописях I «семьи») данный параграф совершенно отсутствует (при наличии самого титула).

Далее мы видим, что в двух рукописях II «семьи» данный параграф встречается опять, но в несколько другой транскрипции: (титул XXVII, параграф 33-й): «Si quis in siluam fustem signauerit et non capulauerit, si uero post anno quod fuerit signatus qui cum preserit nullam habeat culpam».

Содержание текста в основном не меняется. За похищение помеченного более года назад дерева «нет никакой вины» — не следует никакого штрафа.

Я. Гримм¹ слово «fustem» производит от немецкого слова Faust — кулак, объясняя, что в данном случае дело идет о пометке, сделанной рукой — кулаком. Roth² слово «signatus» понимает, как признак права на данное дерево — со сроком на один год от «signatus» — «отмечать», «ставить знак».

В текстах III «семьи» данный параграф тоже отсутствует, что наводит нас на важное предположение (см. ниже).

В рукописи «Герольдина» этот параграф снова встречается в следующей форме: (титул XXVII, который почему-то вставлен после XXX — параграф 23-й) — «Si quis arborem post annum quam fuerit signata priserit, nullam exinde habeat culpam...» По содержанию то же³, но изложено несколько иначе и внесено новое слово «exinde».

По титулу XXIX «Эмендата» «De furtis diversis» (о различных покражах) параграф 29-й и по рукописи Государственной публичной библиотеки данные тексты аналогичны друг другу и по содержанию не отличаются от приведенных (в переводе) текстов первых рукописей «Салической Правды» («Paris 4404» и др.). Между тем, «Эмендата» и рукопись Государственной публичной библиотеки («Leninopolitanus») относятся к VIII—IX вв.

О чем свидетельствует данный параграф? О том, что лес в этот период, т. е. с V по IX в. остается еще общинной собственностью.

¹ I. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache.

² P. Roth. Geschichte des Beneficialwesens.

³ То же, что и в других редакциях «Салической Правды».

Общинник, срубивший дерево в общинном лесу, имеет право сохранить его за собой, пометив особым знаком в течение года, но по истечении этого срока данное дерево может взять другой общинник, и он не несет за это наказания. Если предположить, что лес является частным владением, то хозяин леса не позволил бы взять дерево, срубленное им, независимо от срока порубки, и взявший дерево нес бы ответственность перед законом, а этого нет.

Не случайным, по нашему мнению, является и тот факт, что в некоторых рукописях «Салической Правды» этот параграф пропущен. По-видимому, королевская власть пыталась наложить свою руку на это право общинника и изъять данный пункт из закона. Но такая попытка встретила в ту эпоху еще сильное сопротивление со стороны свободных франков. И этот пункт пришлось внести снова, о чем свидетельствует последняя рукопись¹ и «Герольдина».

Текст указывает на то, что лес являлся общинной собственностью и член общины должен был, пометая для себя выбранное дерево, позаботиться о вывозе его из леса в течение года, иначе пропадало его право на дерево. Похититель карался бы не за похищение материальной собственности, а за нарушение права другого общинника на свое дерево в течение года. В частном лесу это право не ограничивалось бы временем, и хозяин леса мог брать свои деревья когда ему вздумается, а похититель за нарушение частной собственности должен был бы привлекаться к материальной ответственности, как это можно наблюдать по другим титулам. Здесь этого нет. Значит, лес общинный.

Обращаясь к историографии вопроса, мы видим, что данный титул вызывал различные суждения историков. Обсуждая этот титул (по рукописи «Paris 4404»), Шредер² и Лампрехт³ полагали, что выражение «*silva aliena*» нужно понимать как лес, принадлежащий другой марке-общине, а не частному лицу. Инама-Штернегг⁴ возражает против этого. Но приведенные выше доказательства, основанные на изучении памятника, говорят всецело за то, что мы, несомненно, обнаруживаем здесь следы общинной собственности на лес и видим следы борьбы за общинную собственность, т. к. данный титул отсутствует в списках III «семьи». А это можно рассматривать как намерение уничтожить данные права общины. Но в дальнейших «семьях» рукописей он снова встречается, внесенный, по-видимому, по настоянию общинников.

¹ «Салическая Правда», «Эмендата».

² Schröder. Die Franken und ihr Recht. Berlin, 1885.

³ K. Lamprecht. Deutsche Geschichte, B. I. Berlin, 1891, S. 14.

⁴ K. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1879.

Рассматриваем в том же титуле XXVII¹ (рукописи «Paris 4404») следующий параграф — 20-й. «Si quis retem ad anguillas de flumen furauerit, MDCCC din. qui fas. sol. XLV culp. iud.»

(«Если кто украдет из реки сети для ловли угрей, платит за свою вину 1800 динариев, что составляет 45 солидов»).

То же говорит и рукопись «Wolfenbüttel» (I «семья»), но более пространно (с добавлением слов: «Cui fuerit adprobatum»).

В рукописи «München» этот параграф, наоборот, дан чрезвычайно лаконично: «Si quis retem ad anguillas de flunio furaverit». В 4-й рукописи I «семьи» этот параграф опущен.

Рукопись «Герольдина» помечает его тоже в титуле XXVII (параграф 13-й). Но здесь есть изменения: «Si quis rete ad anguillas de flumine furaverit... DC din. qui fac. sol. XVI culp. iud.»

Здесь за ту же вину — кражу сетей для ловли угрей назначается уже более низкий штраф — в 15 солидов, вместо 45, который был обозначен во всех предыдущих рукописях.

Нам кажется, что в этой более поздней рукописи снижение штрафа можно объяснить тем, что сети стали не такой редкостью (и, вероятно, стали дешевле), а в связи с тем и факт покражи их сделался более редким явлением.

Но тогда интересен факт, что в «Эмендата» мы снова находим повышение этого штрафа до того же предела — 1800 динариев (45 солидов).

Это явление, нам кажется, еще раз подтверждает высказанную однажды нами догадку о том, что «Герольдина» является наиболее поздней из дошедших до нас рукописей².

Относительно самого факта штрафа за покражу сети (независимо от суммы этого штрафа) приходится констатировать его наличие почти во всех приведенных рукописях.

Аналогичным образом проследим параграф следующий по данному титулу о покраже неводов и мешкообразных сетей. В этом пункте повторяется та же формулировка наказания за покражу неводов и сетей, что и приведенная выше, но с той разницей, что сумма штрафа во всех рукописях и редакциях единообразна. Она нигде не превышает 15 солидов. Самый же пункт имеется во всех главных редакциях «Салической Правды».

Вывод здесь, по-видимому, ясен: сети, невода, словом орудия труда рыболова, — частная собственность их владельцев. Эта собственность охраняется законом. Нарушение ее карает-

¹ «Салическая Правда», тит. XXVII, 20.

² Этот вопрос затронут при описании рукописи «Leninopolitanus», сделанном автором при нахождении и определении ее места в семьях рукописей «Салической Правды» (см. выше).

ся штрафом. Это так. Но ни в одном пункте закона, ни одним штрихом не упоминается о самом запрещении кому-нибудь ловить рыбу, раков, угрей или вообще свободно пользоваться водоемами. Ограничение в этом плане свободы общинника не наблюдается по «Салической Правде». Между тем, позднее, в других источниках, эти ограничения появляются и воды становятся собственностью феодала (см. народные «Правды» баваров и аламаннов)¹. В «Салической Правде» этого нет. Это дает нам право предположить, что право частной собственности на водоемы в то время у франков еще не распространялось, существовала альменда, т. е. общинная собственность. Если было бы иначе, это было бы оговорено в законе, где подчеркнуто и оговорено все, что является объектом частной собственности. Изучая более поздние по составлению «Правды» других племен, можно убедиться в наличии там запрещений охоты в лесу и рыбной ловли (Рипуарская, Саксонская «Правды» и др.). Отсутствие этих запрещений в «Салической Правде» — не просто «забывчивость» ее составителей, а отсутствие прецедента в тот исторический период. Там, где подобный прецедент появляется, там это право собственников оговаривается и в законе.

По «Салической Правде» реки, озера, ручьи, болота являются еще общинными, так же как и леса.

Переходим к рассмотрению других титулов «Салической Правды», в которых также отражаются следы общинной собственности на различные угодья и земельные пространства у франков и сохраняются следы борьбы общины с надвигающимися новыми формами земельной собственности — феодальной собственностью.

ТИТУЛ О ПРАВЕ ПОЛЬЗОВАНИЯ ДОРОГОЙ ПО «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ»

Обратим внимание на титул XXXI (по нумерации I «семьи») «De viasina», который трактует о праве на дорогу (точный перевод — «О крае дороги») ².

Первые два параграфа этого титула говорят о том, что если кто сойдет или столкнет с пути свободного человека, то присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов, а если кто осмелится сделать то же со свободной женщиной, имеет за свою вину 1800 динариев, что составляет 45 солидов ³.

¹ M. G. H. Leges.

² Титул XXXI «Салической Правды», «Paris 4404». «Si quis baronem ingenuum de via sua ostauerit aut in pinxerit, mal uialacina, hoc est DC din. qui fac. sol. XV culp. iud.»

³ «Si quis mulierum ingenuum de uia sua ostauerit aut inpinxerit, MDCCC din. qui fac. sol. XLV culp. iud.»

Этот титул встретил различные толкования историков.

Многими «Vialacinia» или «Via latina» рассматривалось как немецкое «Wegelagerung» — разбой на большой дороге и сопротивление авторитету. Фюстель де Куланж усматривал тут разбойничье нападение на человека, состоящего под охраной короля.

Другие (Рот, Вайц, Зом, Бруннер, Шредер и т. д.)¹, отрицая в титуле наличие разбоя, видели в нем Schelte der Königsurkunde или нарушение (поругание) королевского «рассертум» (предписания). Некоторые усматривали тут более позднюю вставку.

В ряде источников «Vialacina» трактуется не только как «Wegeland», но и как всякое насильственное действие, совершаемое на пути (останавливание, загораживание дороги и пр.) и часто понимается как нанесение бесчестия, оскорбление действием (ср. немецк. «Realinjurie»). По отношению к женщине этот переход от заграждения пути к оскорблению действием мог выступить особенно сильно.

Но особенное внимание следует обратить на параграф 3-й этого титула, которого нет во всех 4-х рукописях I «семьи» и который появляется только в рукописях II «семьи».

Этот параграф (почти не отмеченный в научной литературе) гласит, что если кто загородит дорогу, ведущую к мельнице, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов (рукопись II «семьи», титул XXXI, параграф 3-й)². «Si uia quod ad farinario uadit cluserit, malb. urbis uialacina, DC din. qui fac. sol. XV culp. iud.»

В рукописях III «семьи» этот параграф опять опущен, но в дальнейших рукописях снова появляется. «Герольдина» приводит его почти без изменений (титул XXXI).

Также дает его и «Эмендата», но с пропуском слов «malb. urbis via lacinia» (т. е. мальбергской глоссы). Надо заметить, что в «Эмендата» мальбергская глосса вообще опущена.

«Эмендата» — титул XXXIII — «De via lacinia» («О заграждении пути») — параграф 3-й: «Si quis uiam que ad farinarium ducit cluserit, DC din. qui fac. sol. XV culp. iud.» («Если кто заградит дорогу, ведущую к мельнице, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов»). Рукопись ГПБ³ (титул XXXIII, параграф 3-й) дает аналогичный текст.

Рукопись IX в. гласит о тех же правах свободных людей пользоваться беспрепятственно дорогой, ведущей к мельнице, а это свидетельствует о том, что и в IX в. дорога еще

¹ Указанные работы.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXXI, Add. 2.

³ См. указ. работу автора «О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*».

продолжала оставаться общественной собственностью (сравнительно с более поздним правом феодала на все пути и дороги).

Отсутствие данного параграфа в титуле XXXI в рукописи I «семьи» может говорить о том, что это право бесспорно признавалось за общиной и никем не оспаривалось до известного периода.

Появление же его в рукописях II «семьи» уже показывает, что, по-видимому, случаи покушения на эту общественную собственность (на дорогу) со стороны частных лиц сделались не единичным явлением и появилась потребность подтверждения этого права в законе. Наличие такого параграфа и в рукописи IX в. позволяет предположить, что и в этот период дорога остается свободной.

Из только что приведенных фактов вывод, по-видимому, ясен: леса, воды, дороги оставались до изучаемого периода общинной собственностью у франков.

Но те же источники говорят, что эта общинная собственность все время подвергается покушениям со стороны частных владельцев и самого государства.

Сохранение здесь прав общины и появление в то же время частной собственности — явление вполне закономерное в свете марксистской исторической науки. У Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии» есть указание по данному вопросу: «Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма»¹.

На дальнейшей стадии развития частная собственность на альменду начинает превалировать над общинной собственностью, а потом совсем ее уничтожает (но этот период уже выходит за рамки нашего исследования). Аналогичное явление² можно наблюдать и на других объектах хозяйства по «Салической Правде».

О СОБСТВЕННОСТИ НА СКОТ ПО «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ»

В «Салической Правде» чрезвычайно своеобразно сочетается наличие частной собственности на скот с сохранившимися еще следами общинной собственности, общинных стад. Стоит для этого проанализировать несколько титулов «Салической Правды».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 12.

² О борьбе частной и общинной собственности.

Титул II, параграф 1-й: «Если кто украдет поросенка из запертого хлева, присуждается к уплате 45 солидов». Титул II, параграф 3-й: «Если кто украдет свинью с поросятами, присуждается к уплате 700 динариев, что составляет 17½ солидов». Сопоставление необычайное. В первом случае — за одного поросенка 45 солидов, во втором — за свинью с поросятами 17½ солидов. Но в первом случае стоит указание: «из запертого хлева», что, по-видимому, является признаком принадлежности этого объекта покражи частному лицу. Во втором случае этого указания нет. По-видимому, тут имеется в виду общее стадо, гуляющее на свободе. Покража в этом случае, хотя и приносящая более значительный материальный ущерб, карается меньшим штрафом¹. Аналогичный случай с рогатыми животными (тит. III, параграф 3-й — за покражу домашней коровы — 35 солидов, за покражу коровы из стада — 30 солидов и т. д.).

На наличие частной собственности на скот в это время указывает факт часто встречающихся терминов: «свой», «своя», «чужой», «чужая» и упоминание о наличии хозяина животных. Например, тит. IX, параграф 2-й — упоминание о чужом скоте, забежавшем на чужую ниву. Тот же титул, пункт 4-й: «И если чь-нибудь свиньи или чей-нибудь скот забежит на чужую жатву и хозяин животных (разрядка наша.— Г. Д.), несмотря на заперительство, будет уличен, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов» и т. д.

Но не менее ярко в законе указано также на существование в прошлом общинной собственности. Об этом говорят, например, размеры упоминаемых стад (50 свиней, 25 рогатых животных и т. д.); упоминание о кабане, ведущем стадо (тит. III, п. 4-й)². Наконец, упоминание о жертвенном кабане («*maialis votivus*»), который мог принадлежать только всей общине (тит. XI, 12) и ни в коем случае — частному лицу, упоминание о трех селах, имеющих одно общее стадо³ и т. д.

Все эти данные подтверждают нашу мысль о существовании когда-то в прошлом у франков двойственной формы собственности на скот: растущей частной собственности и утрачиваемой, но еще осязаемой общинной собственности. Это явление тоже абсолютно закономерно и может быть объяснено тем же положением Маркса, которое приведено выше.

¹ На это могут возразить, что в «*Lex Salica*» вообще повышается штраф за кражу из-под замка. Но и в таком факте можно усмотреть усилившееся в законе внимание к объекту частной собственности, которой закон начинает явно покровительствовать.

² «*Lex Salica*», tit. III, 4.

³ На этот титул «*Lex Salica*» ссылался и Н. П. Грацианский, указывая на общие выпасы и общие стада у франков. Н. П. Грацианский. О толковании термина «*villa*» в «Салической Правде», стр. 76.

Борьбу новых раннефеодальных отношений со старыми формами общинной жизни по документам можно проследить и здесь. Историка интересуют конкретные условия этой борьбы, отраженной в письменных памятниках эпохи — варварских «Правдах».

В общем «Салическая Правда» безусловно сохранила в своих титулах черты, характеризующие жизнь франков до зарождения у них феодальных отношений. Эти черты отражают приведенные выше титулы об общинной собственности на луга, леса, водоемы, дороги. Такая, отмеченная нами на конкретном материале титулов «Салической Правды», фактическая подробность из жизни ранних франков нашла отражение в обобщающем труде Энгельса «Марка». В этом труде Энгельс, указывая на закономерные изменения, происходившие в марке-общине, писал о том, что, во-первых, когда франки поселились в Галлии в V в., «у них еще должна была существовать общность пахотной земли, — иначе мы не могли бы находить там теперь дворовые общины и жеребьевые участки»¹.

Во-вторых, Энгельс указал на то, что даже после того, как выделены были в частное пользование из общины пахотные участки земли, все что не входило в усадебное хозяйство: лес, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли — оставалось, как и в старину, общей собственностью для общего пользования².

Что касается наших наблюдений по титулам «Салической Правды» за характером скотоводства у салических франков и собственностью на стада, то и здесь, указав на двойственный характер данной собственности (частной в период составления «Правды» и общинной в более ранний период), мы, видимо, не ошиблись.

Энгельс указывает на то, что выпасы, где паслись стада франков, на долгое время сохраняли свой общинный характер: «На всех полях, где происходил общественный выпас, владелец (пашни. — Г. Д.) должен был удалить изгороди»³. Общность пастбищ, соответствовавшая, в свое время, общности стад, сохранилась в обычном праве франков на более долгое время, чем общая собственность на скот, который, судя по титулам «Правды», в V—VI вв. уже стал объектом частной собственности.

Процесс, характеризующий новое феодальное общество, хотя и в зародыше, но дает о себе знать, отражаясь в изменяющихся титулах «Правды».

¹ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XV, стр. 634.

² Там же, стр. 635.

³ Там же.

«РИПУАРСКАЯ ПРАВДА» ОБ ОБЩИНЕ У РИПУАРСКИХ ФРАНКОВ

Рипуары мало принимали участия в больших завоевательных походах салических франков, захвативших северную Галлию при Хлодвиге I (481—511 гг.). Рипуары меньше подверглись влиянию Рима и римских порядков, с которыми столкнулись салические франки с приходом в Галлию. Эти порядки оказали на них несомненное влияние, ибо «...завоевания привели германцев в римские области, где много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной) и где завоеватели, при своей малочисленности, никак не могли совершенно уничтожить так глубоко укоренившуюся форму владения»¹. Рипуары были дальше от Рима, оставаясь на берегу Рейна, и это влияние римской традиции и римской частной собственности могло оказать на них лишь посредственное влияние.

ПЕРЕЖИТКИ РАННЕЙ ОБЩИНЫ ПО «РИПУАРСКОЙ ПРАВДЕ»

По «Рипуарской Правде» представляется широкое поле для наблюдений над экономикой и общественными отношениями у рипуарских франков, аналогично тому, как это было нами проделано с «Салической Правдой». Следует также обратить внимание на следы общинных отношений у рипуаров, которые сохранила их «Правда».

В I части рипуарского закона², в наиболее древней его части, наблюдается неоднократное упоминание о штрафе за убийство и увечье. По-видимому, это является попыткой компенсации денежной вирой — обычая кровавой мести, что несомненно имело место в более ранний период варварства у рипуарских франков. В этой части «Рипуарской Правды» (сравнительно с более поздними к ней добавлениями из «Салической Правды») реже встречается (почти не встречается) упоминание о штрафах за различные покражи, т. е. за нарушение частной собственности. По этому поводу можно сделать предположение, что охрана частной собственности еще не являлась основой закона, по-видимому, вследствие того, что сама частная собственность в VI в. еще не была широко распространена у рипуаров. Общинные формы собственности, в частности землевладение общины, тогда еще существовали, а частная собственность на землю только начинала распространяться. Это резко бросается в глаза при сравнении с «Салической Правдой», где на наличие частной

¹ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 633.

² См. во «Введении» часть, посвященную анализу источников.

собственности на ряд объектов прямо указывает «Правда»¹. Это вполне совпадает с теми наблюдениями, которые приведены у Энгельса в «Марке», где он говорит о причине такого быстрого распространения частной собственности у салических франков и замедленности ее распространения у рипуаров. «Подтверждением связи между наследственной частной собственностью на поля и луга и римским правом,— по крайней мере в бывших римских владениях,— служит также тот факт, что сохранившиеся до нашего времени остатки общинной собственности на пахотную землю встречаются именно на левом берегу Рейна, т. е. тоже в завоеванной, но совершенно германизированной области (курсив Энгельса). Когда франки поселились здесь в V столетии, у них еще должна была существовать общность пахотной земли (разрядка наша.— Г. Д.),— иначе мы не могли бы находить там теперь дворовые общины и жеребьевые участки...»²

Помимо приведенных выше косвенных доказательств наличия общинных земель у рипуарских франков, можно найти еще и другие доказательства существования у них «общности пахотной земли» и другие признаки ранней варварской общины. Полезно для этого пересмотреть ряд титулов «Рипуарской Правды», сопоставляя их тексты с титулами «Салической Правды».

Мы уже указывали в данной главе, что у салических франков притязание на пахотные земли нашло отражение в законе. Правда, и у салических франков в их законе сказано осторожно (не «terra aliena», а «messa aliena») ³. Видимо, и у саликов эта аллодиальная собственность на землю еще не прочно укрепились, а только начала распространяться и, в первую очередь, на посевы. У рипуарских франков эта стадия развития частной собственности на посевы найдет отражение в более поздних титулах «Рипуарской Правды» (мы это отметим ниже). А в данном случае I часть «Рипуарской Правды» еще не отражает и этой частной собственности у рипуаров (т. е. на посевы и на землю). Эти наши наблюдения над текстами Рипуарской и Салической «Правд» и аналогичные указания Энгельса о более позднем развитии частной собственности на землю у рипуаров совпадают.

Некоторые данные о характере собственности на скот дает исследователю анализ титула XVIII «Рипуарской Правды» — «De Sonesti». Здесь хотя и указывается на крупный размер штрафа (600 солидов) за покражу скота, но нет

¹ См. титулы «Салической Правды» и выше наш анализ вопроса о салических франках.

² Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 633—634.

³ «Lex Salica», tit. IX, 1.

прямых указаний на то, что само стадо является объектом частной собственности. Нет, например, термина «alienus» или «suus», как в «Салической Правде», а это в какой-то степени отражает имущественные отношения у ранних рипуаров. Это отсутствие в I части «Рипуарской Правды» частных притязаний на скот особенно бросается в глаза при сравнении с более поздними титулами «Рипуарской Правды» (во II и III частях ее), где эти притязания появляются¹ и где, видимо, отражена уже частная собственность на скот.

В «Салической Правде», например, таксирована высоким штрафом каждая голова скота (до поросенка-сосунка включительно), а к отдельным пунктам имеются добавления: «если кто украдет чужую корову, свинью, кабана, стадо и т. д.» с обязательным упоминанием о наличии хозяина стада (коров или свиней), который резко выделяет свою скотину, свои стада от ему не принадлежащих. В этом случае можно с уверенностью сказать, что в «Салической Правде» частная собственность на скот отражена значительно сильнее, чем в I части рипуарского закона. В древнейшей по времени составления и наиболее оригинальной части «Рипуарской Правды», отражающей наиболее ранний самобытный период жизни рипуарского общества, не упоминается и та подробная «скотская» номенклатура, которая отражена в «Салической Правде». По-видимому, это свидетельствует и о менее развитом скотоводческом хозяйстве у рипуаров. Размеры стад у рипуаров тоже были значительно меньше, чем у салических франков (хотя сумма штрафа была выше). Титул XVIII «Рипуарской Правды» свидетельствует: 1) «...если кто украдет 6 свиней с кабаном или 12 коров с быком, присуждается к уплате 600 солидов»². По этому поводу в «Салической Правде» значит: титул II (по «Эмендата»), параграф 17-й: «Если кто украдет из стада 16 свиней и там еще останется, присуждается к уплате 35 солидов»³. Штраф в несколько раз меньше.

Еще пример из «Салической Правды». Тот же титул, параграф 14-й (по рукописи «Paris 4404») ⁴:

«Если кто украдет 25 свиней и в стаде больше ничего не останется, то вор (уличенный) присуждается за кражу всего стада к уплате 2500 дин., что составляет 63 солида». Параграф 15-й: «Если в стаде останутся еще неукраденные свиньи, он присуждается к уплате 1400 дин., что составляет 35 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков». Параграф 16-й: «Если же будут украдены 50 свиней и еще останутся (неукраденные), вор присуждается к уплате

¹ «Lex Ribuaria», tit. XLV, XLIX, LXXXVIII etc.

² «Рипуарская Правда», тит. XVIII.

³ «Салическая Правда», «Эмендата», тит. II, 17.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. II, 14.

2500 дин., что составляет 63 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков»¹. Значит, число голов украденного скота в свином стаде салических франков могло доходить до 50 и выше, а штраф во всяком случае не превышал 63 солидов. Это нужно учесть. По-видимому, обилие голов скота в стаде влияло на понижение суммы штрафа по «Салической Правде» и, наоборот, высокая сумма штрафа могла быть объяснена по «Рипуарской Правде» ограниченными размерами свиных стад.

Что касается рогатого скота, то в «Рипуарской Правде» есть свои особенности по сравнению с «Салической Правдой»². Титул III, параграф 7-й: «...если кто украдет до 25 (рогатых) животных и если еще некоторые останутся, присуждается к уплате 2500 дин., что составляет 63 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков»³ (а в «Рипуарской Правде» за похищение 12 коров с быком — штраф в 600 солидов)⁴. Видимо, в последнем случае подчеркивается кража целого стада у рипуаров. Но размеры этого стада незначительны.

В «Салической Правде» есть указание на кражу 40 и более баранов, о чем совсем не упомянуто в «Рипуарской Правде». Все это говорит о более развитом хозяйстве у салических франков и о распространении на все эти объекты хозяйства частной собственности. У рипуаров в I части закона отражена, по-видимому, более ранняя — переходная (от общинной к индивидуальной) форма собственности на скот. За это предположение говорит то, что в «Рипуарской Правде» четко сказано именно о стадах (6 свиней с кабаном, 12 коров с быком и т. д.), а не о краже отдельных животных, как в «Салической Правде», а также отсутствуют слова: «мой», «твой», «его» и т. д., о чем говорилось выше. Другие части «Рипуарской Правды» уже употребляют все эти местоимения.

Любопытно, что относительно табунов лошадей сказано почти аналогично и в Салической и в Рипуарской «Правдах».

Титул XXXVIII «Салической Правды»: «Если кто украдет жеребца (заводчика) с его стадом в 12 кобыл, присуждается к уплате 2500 дин., что составляет 63 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков». А в «Рипуарской Правде» значится: «...если какой-либо свободный украдет стадо, т. е. 12 кобыл с жеребцом-производителем, присуждается к уплате 600 солидов и сверх того должен возместить убытки»⁵.

¹ «Салическая Правда», тит. II, 16.

² «Lex Salica», tit. III, 7.

³ «Lex Salica», tit. III. Add. 5.

⁴ «Lex Ribuaria», tit. XVIII.

⁵ «Lex Ribuaria», tit. XVIII, 1.

Здесь, как видно из анализа статей, размеры конского стада указаны одни и те же у салических и рипуарских франков (только сумма штрафа у рипуарских франков почти в 10 раз превышает то, что есть в «Салической Правде»). Но эту закономерность мы заметили и в отношении штрафа за покражу других стад у рипуаров. Упоминание о конском стаде (и заголовок статьи на это указывает) заставляет предположить, что частная собственность на лошадей, по-видимому, и у рипуарских франков имеет распространение в первую очередь (т. е. раньше, чем на другие стада). Да это и понятно, т. к. известно, что у франков той эпохи лошадь применялась преимущественно воинами в походах (в тот ранний период лошадь мало применялась в сельском хозяйстве). Охрана лошади (вероятно, завоеванной или купленной) составляла особую заботу франков как салических, так и рипуарских. Лошади стояли на особом учете. По-видимому, по отношению к этим животным раньше, чем в отношении других стад начинают проявляться у рипуаров частновладельческие интересы (аналогичный случай и в других «Правдах». То же можно наблюдать и по «Правде» русской).

За это же говорит и титул XLII «Рипуарской Правды» «О пользовании чужим конем без позволения хозяина», где за указанную вину свободный человек подвергался штрафу в размере 30 солидов. На этом титуле явно заметно влияние «Салической Правды» на Рипуарскую. Данный титул помещен во II части «Правды» рипуаров. Тут даже и сумма штрафа аналогична.

Но при всем, почти детальном, текстовом сходстве данного титула по салической и рипуарской «Правдам» есть, одно, чуть заметное различие. В «Правде» рипуаров нет термина «alienus» — чужой (конь). По-видимому, такое понятие еще не вошло полностью в язык «Правды». В связи с этим мы можем предположить, что и в языке рипуаров-общинников термин «alienus» чужой, принадлежавший кому-то, не имеет еще значительного применения. И в самом деле, любопытное явление: при полном подробном копировании заголовка титула, его содержания и суммы штрафа в XLII титуле «Рипуарской Правды» с титула XXIII «Салической Правды» одно слово «alienus» не нашло там отражения. Проследив внимательно за каждым текстом «Рипуарской Правды» с I титула, мы нашли впервые термин «alienus» в XXXVII титуле¹, который носит наименование: «De eo qui uxorem alienam tulerit» (о том, кто возьмет, уведет чужую жену). Т. е. впервые это слово дается в применении к члену семьи — жене («своя жена», «чужая жена»). Эти понятия, по-видимому,

¹ XXXVII титул стоит уже во II, более поздней части «Рипуарской Правды», которая носит уже влияние «Салической Правды».

вполне сложившиеся в данном обществе, говорят о наличии моногамной семьи, о власти «мужа над женой» и т. д. Однако в применении к объектам хозяйства (скот, земля, постройки, даже рабы и т. д.) этот термин до данного титула не применялся. По-видимому, укоренившееся веками понятие общинной собственности на объекты хозяйства изживалось медленно. Следует продолжить анализ дальше в указанном направлении — проследить за употреблением слова «alienus» в «Рипуарской Правде». Следующий титул, где применено это слово — титул XLVI «Рипуарской Правды». Дано оно по поводу жатвы (чужой), по которой кто-то проехал на телеге. Титул XLVI «De his qui in messe aliena (разрядка наша.— Г. Д.) cum carro transerit».

В этом титуле жатва «чужая». Она является чьей-то собственностью. Но здесь для нас еще неясно, что является собственностью — земля, на которой произведен посев, или результат труда — сам урожай. Скорее последнее, т. к. в противном случае мог быть применен не термин «жатва» («messa»), а термин «земля» («terra»). Это мы отметили в «Салической Правде». Видимо, у рипуарских франков, как и у салических, отражено в «Правде» постепенное выделение малой индивидуальной семьи из большей семьи, а с ней и выделение земельных участков пахотной земли (во всяком случае — жатвы, т. к. земля еще окончательно могла быть не поделена в семейной общине, но урожай уже мог присваиваться в собственность малой семьей). Аналогичное положение было и со скотом. Он тоже начинает отделяться в пользу малой семьи от общих неподеленных большесемейных стад. И в первую очередь выделяется лошадь, т. к. ею рипуар пользовался индивидуально, приручая и приучая ее к несению военной службы вместе с ним. Тут указание на применение в законе терминов «suus» и «alienus» вполне закономерно. Лошадь, даже при наличии еще большей семьи, могла быть индивидуализирована воинами. Она могла быть и приобретена воином во время похода, как военная добыча франка рипуара, которая составляла его личную собственность, послужив, видимо, одним из начал индивидуального накопления.

С ростом новых отношений выделялась из общины и сама земля в частную собственность индивидуальной моногамной семьи. Но данный документ сохранил следы постепенного выделения малой семьи. Продолжая анализ слова «alienus» по следующим титулам «Правды» рипуаров, можно обнаружить его дальше в титуле LIII, где речь идет о чужой вещи («res alienus»), взятой во время отсутствия хозяина, но с санкции графа или королевского судьи. Еще раз это слово

встречается в титуле LXXII «Рипуарской Правды» (п. 5-й) и относится уже к «чужому» животному, которое оказалось выведенным за пределы владения (изгороди) и там было убито или изувечено кем-либо.

В этой части «Правды», которую мы называем третьей, более поздней по времени составления, термин «alienus» в применении к скоту показывает на значительное изменение характера собственности на скот у рипуаров. Тут уже не может быть никакого сомнения в том, что скот в это время у рипуаров является полной частной собственностью.

А в титуле LXXVI то же употребление термина встречаем в применении к указанию принадлежности раба («servo aliene»). При дальнейшем анализе последующих текстов наблюдаем, что и термин «alienus» и термин «alterius» встречаются все чаще и чаще в применении к различным объектам хозяйства. Это понятие входит в обиход жизни рипуаров, отраженной в «Правде», и в то же время свидетельствует о новых взаимоотношениях в обществе рипуаров. О постепенном выделении все новых и новых объектов хозяйства в пользу малой семьи свидетельствуют скупые строчки памятника.

Некоторые поздние титулы «Рипуарской Правды» указывают на наличие элементов частной собственности и на землю (во всяком случае, приусадебную землю) и продукты земледельческого труда.

Так, например, свидетельствует титул XLV «Рипуарской Правды»: «Если кто отрежет 3 прута, которыми связывается изгородь, или цепи, которыми она сдерживается, или 3 кола вырвет, или в чужом заборе проделает отверстие для прохода, присуждается к уплате 15 солидов»¹.

По «Салической Правде» упоминается об аналогичном явлении в титуле «Об изгороди»².

По содержанию то же самое, но в «Салической Правде» более уточнен текст титула. В «Рипуарской Правде» он более примитивен. Но он уже говорит о наличии и у рипуаров (как и у саликов) частной собственности на возделанную землю и продукты сельскохозяйственного труда. Это указание мы находим в работе Энгельса «Марка», с упоминанием о законе рипуарских франков. «Но и сюда вскоре неудержимо проникло частное владение; в рипуарском народном праве VI столетия упоминается только о такого рода владении, поскольку речь идет о возделанной земле. И внутри Германии пахотная земля, как сказано выше, также быстро перешла в частное владение»³.

¹ «Lex Ribuaria», tit. XLV.

² «Lex Salica», tit. XXXIV, 3.

³ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 634.

Таким образом, анализируя ранние тексты «Рипуарской Правды» (I ее часть), можно было заметить в ней неоспоримые доказательства существования общинной собственности. В более поздних текстах намечается рост частной собственности на объекты хозяйства. Сравнительный анализ более ранних текстов одного и того же документа с более поздними по времени происхождения текстами дает и в этом случае важный для выводов материал. Тексты «Рипуарской Правды» только подтверждают на своем материале гениальные положения основоположников марксизма о жизни и борьбе раннегерманской общины-марки. Целесообразно и по «Рипуарской Правде» проанализировать те же тексты, которые были затронуты в «Салической Правде», — о лесе, воде и дороге. Сравнительный анализ в этом плане даст исследователю новый материал.

О лесе, воде и дороге по «Рипуарской Правде». В «Рипуарской Правде» можно найти указания на наличие или пережитки существования общинного леса, вод и дорог. На это указывается, например, в титуле LXXVIII — «О краже материала и дров»¹: «Если какой-либо рипуар из общественного леса, или принадлежащего королю, или кому-нибудь другому унесет находящиеся там материалы или нарезанные дрова, он присуждается к уплате 15 солидов, подобно тому, как это имеет место в отношении охоты и рыбной ловли... И если станет отрицать, должен поклясться с 3-мя (свидетелями-соприсяжниками. — Г. Д.)»².

Обратим внимание на нумерацию титула LXXVIII. Это III часть «Правды». Она оригинальна, но время ее составления значительно более позднее, чем составление I части.

Трактовка аналогичных титулов в III части «Рипуарской Правды» значительно отклоняется от того, что приводит «Салическая Правда» по этим титулам. Резко чувствуется более поздний период в развитии общественных отношений и рост частной собственности. Здесь «Правда» упоминает о лесе общины, но наряду с этим даются совершенно точные указания и на наличие леса, принадлежащего королю и «другим лицам», т. е., по-видимому, собственность на леса хотя еще и не вполне утрачена общиной, но оспаривается у нее «землевладельцами-помещиками и правителями страны» (Энгельс). На различных редакциях «Салической Правды» мы проследили процесс борьбы общины за лес.

«Рипуарская Правда» указывает, по-видимому, следующий этап борьбы за этот объект общинного хозяйства.

По титулу LXXVIII «Рипуарской Правды» можно констатировать наличие собственности на лес одновременно:

¹ «Lex Ribuaria», tit. LXXVIII.

² Там же.

у общины (во всяком случае о ней упоминается в статье закона, приведенной выше), у короля и у знати. По-видимому, к этой категории лиц оспаривающих у общины право собственности на лес, нужно отнести и церковных феодалов, владеющих большими массивами лесов.

При внимательном анализе текста можно заметить, что собственно упоминание об общинном лесе является скорее лишь традицией, а не отражением его подлинного существования в упомянутый период. На такое предположение наталкивает еще и тот факт, что в этом пункте упоминается о штрафе в 15 солидов за покражу из леса материала и дров, т. е. хотя по традиции и упоминается общинный лес, но на него, по-видимому, распространились уже в какой-то мере частновладельческие права захвативших его собственников — короля, знати и «других лиц»¹. В «Салической Правде», где мы отметили принадлежность леса общине, штраф не упоминается даже за вывоз из леса целого дерева. «В этом нет никакой вины», — говорит «Салическая Правда». И это совершенно естественно, т. к. по «Салической Правде» лес общинный, и все члены общины имеют право безвозмездно им пользоваться, соблюдая лишь необходимые условия взаимной договоренности о праве на помеченное дерево в течение определенного срока (один год).

В рипуарском законе отражена уже другая действительность и право общины на лес, по-видимому, осталось только в статье закона как отражение прошлого, как пережиток. Но для нас и это важно. Учение о пережитках ранее существовавших явлений для марксистской исторической науки имеет большую ценность. Наличие общины, хотя бы и в прошлом, этим все же подтверждается. Подтверждается и другое положение — о наступлении феодалов на общину.

Обращаем внимание на вторую часть LXXVIII титула, где говорится об охоте и рыбной ловле².

В законе сказано: «подобно тому, как это имеет место в отношении охоты и рыбной ловли», т. е. надо понимать так, что штраф в 15 солидов распространяется и на тех, кто ловит рыбу в водах или охотится в лесах. Нужно ли доказывать, что подобное постановление в законе не может уже отражать полной общинной собственности ни на лес, ни на воды. В «Салической Правде» мы подчеркивали как раз обратное. Там нигде не ограничивалось это право общинника ловить рыбу и охотиться. Здесь это право не только оговорено, но фактически даже отвергнуто, т. к. охотник и рыболов штрафуются за свои занятия. Это дает нам право сказать, что как на леса, так и на воды у рипуаров в этот

¹ «Lex Ribuaria», tit. LXXVIII.

² Там же, tit. LXXVIII, 2.

период уже распространяется частная собственность, вытесняющая общинную собственность на леса и воды, подобно тому, как это вытеснение происходило и в отношении других объектов общинного хозяйства. Собственность становится феодальной, а закон, как явление надстройки, фиксирует ее.

Наступление на общину и ее права со стороны землевладельцев и правителей страны здесь удалось явно прощупать, применив метод сравнительного анализа документов.

В «Рипуарской Правде» имеется титул и о препятствии на пути (ср. в «Салической Правде» титул о «*Vialasina*») — титул LXXVII. Но здесь (в «Рипуарской Правде») он составлен так: «Если свободный рипуар будет мешать в пути свободному рипуару (рибуару), то он присуждается к уплате 15 солидов, или же должен поклясться с 6-ю (свидетелями-соприсяжниками.— Г. Д.), что он никогда не оказывал препятствия на пути с оружием»¹.

В этой трактовке («Рипуарской Правды») центр внимания в статье переносится на личность свободного человека, которому другой свободный оказывает препятствие в пути его следования. Но и здесь, хотя бы и косвенно, мы можем найти указание на то, что дорога не была еще присвоена в собственность кем-либо. Иначе это было бы оговорено в законе².

Кроме того, необходимо отметить и тот факт, что титул LXXXII, принадлежащий к IV части «Рипуарской Правды», отражает более поздние отношения в обществе рипуаров. Все же и здесь упоминается еще «свободный рипуар», т. е. эта категория людей еще не утратила свое существование.

Значит, борьба со свободной общиной еще не закончена. Борьба продолжается. Следы общины не стерты окончательно. Их можно еще рассмотреть по «Рипуарской Правде», так же как были обнаружены они в «Салической Правде».

Отражение в указанном титуле права свободного общинника на дорогу и беспрепятственное пользование ею характерно после «Салической Правды» только для «Рипуарской Правды». При дальнейшем исследовании других прав, относящихся к более позднему времени, когда сказался рост феодальных отношений, появляются претензии у феодалов на захват и присвоение в собственность прав и на дорогу³. Результаты анализа текстов «Рипуарской Правды» чрезвычайно показательны, как пришлось в этом убедиться, для демонстрации тех изменений, которые происходят в общине при ее соприкосновении с нарастающей феодальной властью. Первая часть «Рипуарской Правды» отражает еще почти

¹ «*Lex Ribuariorum*», tit. LXXVII.

² Как это оговорено, например, в «*Lex Burgundionum*».

³ «*Lex Saxonum*».

полную неприкосновенность земли и угодий общины и суверенитет ее прав при едва ощутимых намеках на рост частной собственности.

Вторая, третья, а особенно четвертая части «Рипуарской Правды» по их титулам показывают рост частной собственности в общине, рост частновладельческих интересов, ущемление прав общины, наступление на общину и узурпацию власти общины правителями страны. При сравнении с данными «Салической Правды» картина жизни франков VI—VII вв. и их борьба за общинные угодья и свободу отражается выпукло и ярко.

Вопрос о собственности общины у франков по «Рипуарской Правде» почти не затронут исследователями. Если и были попытки связать существование общины у франков с их варварским законодательством¹, то эти попытки базировались главным образом на «Правде» салических франков². Между тем, упоминание Энгельса о «рипуарском праве» в связи с переходом когда-то общинных земель в частную собственность³, обязывает нас вскрыть глубоко все то, что может сказать рипуарское право об общине у рипуаров и об изменениях, которые происходили с общинной собственностью у рипуаров, в период генезиса феодализма.

Итак, ранние титулы «Рипуарской Правды» (I—XXXII) отражают наиболее архаичные формы производственных отношений у рипуарских франков: наличие еще общинной земли, общинных стад и т. д., что во многом иллюстрирует указанное выше высказывание Энгельса по этому вопросу⁴.

То, что в более поздних титулах «Рипуарской Правды» встречаются указания на проникновение частной собственности в общину и на захват этой частной собственностью не только пахотной земли в общине, но и посягательство ее на альменду, как нельзя более ярко иллюстрирует другое положение Энгельса, данное в той же работе «Марка»: «Но и сюда вскоре неудержимо проникло частное владение; в рипуарском народном праве VI столетия упоминается только о такого рода владении, поскольку речь идет о возделанной земле»⁵.

Характеризуя все данные об общине у франков эпохи Меровингов, встретившиеся в Салической и Рипуарской

¹ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы.

² Там же.

³ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 634.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«Правдах», приходится констатировать, что эти данные вскрывают этапы закономерного развития производственных отношений у франков эпохи возникновения феодализма.

Данные источники отражают переходный характер эпохи в жизни франкского общества, смену одного базиса другим, смену производственных отношений первобытно-общинного строя феодальными.

В следующей части данной главы дается характеристика положения общины-марки по «Правде» франков-хамавов. В этой «Правде», составленной значительно позднее, чем «Салическая Правда», борьба растущей феодальной собственности с общинной собственностью сказалась еще ярче.

«ПРАВДА» ХАМАВОВ ОБ ОБЩИНЕ И ЕЕ ПЕРЕЖИТКАХ¹

В «Lex Namavorum» или «Ewa Namavorum» можно отметить некоторые, уже знакомые по другим кодексам явления.

Остановимся на тех из них, которые указывают и здесь на наличие или следы общины или на ее борьбу с нарастающей феодальной властью. Более позднее время составления закона (IX в.) отражает в статьях закона другие взаимоотношения людей, другую обстановку, отражающую новые явления в жизни общества. Но и тут мы находим важный материал для наблюдения, подвергая исследованию хотя бы даже те же явления: о лесе, воде и дороге по «Правде» хамавов.

Так, например, об общественной дороге в «Правде» хамавов говорится: «Если кто загородит общественную дорогу, уплатит в виде штрафа в королевскую казну 4 солида» (т. XLI)². (В «Правде» хамавов указанные 4 солида встречаются очень часто как штраф, уплачиваемый в королевскую казну за различные преступления: неявка в суд, неявка по зову короля, воровство, грабеж, нанесение обиды и т. д.)

Но вернемся к титулу XLI. Самый факт упоминания общественной (общинной) дороги отражает или ее наличие или установленную традицию. Текст титула XLI несколько напоминает аналогичные тексты из Салической и Рипуарской «Правд»³, но он очень краток и, самое главное, имеет вполне определенную формулировку с упоминанием о королевской казне, королевском фиске, который требует уплаты суммы

¹ «Lex Namavorum».

² «Ewa Namavorum», tit. XLI.

³ «Салическая Правда», тит. XXXI; «Рипуарская Правда», тит. LXXVI.

штрафа в пользу короля, о чем ни «Правда» салических франков, ни «Правда» рипуаров так прямо и открыто не упоминают.

Таким образом, мы подметили и наличие старой традиции (о дороге) и кое-что новое, свидетельствующее о росте новых отношений в обществе.

Есть пункты, где упоминается собственность на лес. Например, титул XLII «О наследстве»: «Если какой-либо франк имеет сыновей, то свое наследство — леса, земли, рабов (разрядка наша. — Г. Д.) и отдельное имущество он должен оставить им. Что касается материнского наследства, то оно подобным образом переходит к дочери».

И в этом титуле нас привлекает несколько очень интересных подробностей. Первое — вопрос о наследовании. Здесь имеются значительные изменения по сравнению с тем, что констатировано по «Салической Правде». Тут прямое наследование от отца к сыновьям (в «Салической Правде» наследование показано еще по линии сородичей). Иными словами, по «Салической Правде» в вопросах наследования преобладающим моментом являются отношения родового общества, патриархальной семьи, родовой общины, а позднее сельской общины¹.

В «Правде» хамавов вопрос о наследовании разрешается так, как это принято уже в обществе, где преобладает индивидуальная семья, т. е. свидетельствует уже о полном разложении родовых отношений.

Второе — вопрос о лесе и собственности на него. В «Правде» хамавов он тоже поставлен совсем иначе. Там прямо сказано, что лес (и другие объекты хозяйства) передаются по наследству сыновьям умершего, но нужно заметить, что в том виде, как это передает «Правда» хамавов, по наследству можно передать только то, что является полной частной собственностью умершего. Вопрос о наследовании — очень важный вопрос с точки зрения развития общественных взаимоотношений и роста частной собственности.

«Салическая Правда» отразила факты наследования имущества сородичами (до 6-го поколения)², наследования со стороны матери и со стороны отца (а в более поздних кодексах — сначала со стороны отца, потом со стороны матери), наследования соседями («vicini»); «Салическая Правда» говорит даже о наследовании по завещанию в пользу односельчан с очень сложным ритуалом, цель которого — имитация родственных отношений завещателя с наследником, но «Салическая Правда» не знает прямого наследования от отца к сыну без вмешательства родных и соседей. «Рипуарская

¹ «Lex Salica», tit. XLIV, XLVI, LVIII.

² Там же, tit. LVIII, LIX.

Правда» тоже сохраняет следы близких родовых отношений и отношений между односельчанами.

В «Правде» хамавов мы впервые встречаемся с фактом наследования только по прямой линии — от отца к сыну, с фактом существования полной собственности на имущество, которое передается по наследству, независимо от наличия других родственников, которые, следовательно, никакого права уже на это имущество не имеют. Здесь указаны и объекты наследования: леса, земли, рабы и т. д., следовательно, частная собственность у хамавов уже распространяется и на леса, которые в «Правде» салических франков явно принадлежали общине, а в «Правде» рипуаров оспариваются у общины правителями страны.

В вопросе о материнском наследовании у хамавов не совсем ясно показано, при каких условиях оно передается дочери (и почему именно дочери только от матери). Однако в законе не перечислены вторично объекты наследования дочерьми от матери, но есть упоминание: «подобным же образом переходит к дочери». Следовательно, можно считать, что речь идет о тех же объектах, которые перечислены выше. Если так, то, следовательно, в этой «Правде» найден путь для наследования земли, леса и т. д. и женщиной (дочерью), не так, как было у салических франков¹, у которых земельное наследство не передавалось женщине. Хамавы и в этом факте передачи земли женщине опередили салических франков. Следовательно, у хамавов можно проследить распространение частной собственности даже на леса и другие объекты хозяйства и передачу этой собственности по прямому наследованию. Хамавы далеко отошли уже от родовой общины. Однако вопрос о материнском наследстве в титуле XLII (а таким образом, и о материнской собственности) является снова как бы напоминанием о наличии когда-то у франков-хамавов общины. Это напоминает и более ранние отношения, близкие к матриархату.

Но в «Правде» хамавов очень немного сохранилось этих пережитков от архаичных форм быта и родственных взаимоотношений у франков-хамавов.

В основной своей массе титулы «Lex Hamavorum» (а их вообще не так много — всего 48) отражают эпоху последних Меровингов и первых Каролингов. В «Lex Hamavorum» есть упоминание о государевых посланцах², о развитой системе королевского фиска³ и внесении штрафа в королевскую казну, о королевских должностных лицах⁴, о призыве на

¹ «Lex Salica», tit. LIX — «De alodis».

² «Lex Hamavorum», tit. VIII (missi).

³ Ibid, tit.: III, IV, V, IX, XVII, XVIII, XIX, XX etc.

⁴ «Lex Hamavorum», tit. VII, XXX, XL.

войну с оружием¹ и с конем² и о штрафах за неявку на этот призыв.

Другие титулы, помимо приведенных выше, сведений об общине или ее пережитках не содержат, кроме упоминаний о свободных («*ingenius*»). Эти сведения тоже очень ограничены³. Исследователей «Правды» этот вопрос (вопрос об общине и ее пережитках) не занимал. Все описания «Правды» хамавов и все попытки анализа ее текстов сводились к выяснению степени влияния на «Правду» хамавов других «Правд», характеру исчисления штрафов, определению времени и места составления «Правды», значению в ней королевских постановлений и т. д.

Ввиду того, что нас в этом анализе интересует особая тема (община, ее пережитки и возникновение феодального базиса), мы подробнее «Правду» хамавов не анализируем, ограничиваясь лишь приведенными титулами.

Приходится констатировать, что в этих двух титулах (XLI и XLII) можно указать не на наличие общины, а на весьма отдаленные следы ее и констатировать переход уже в частные руки таких объектов хозяйства, как например, лес, остававшийся по «Салической Правде» полной собственностью общины, а по «Правде» рипуаров частичной ее собственностью.

«Правда» хамавов ценна тем, что благодаря позднему времени составления она рисует черты нового в жизни франков, рисует зарождение нового базиса, базиса уже феодального общества.

* * *

Сопоставление теперь всех трех «Правд» — Салической, Рипуарской и «Правды» хамавов — по вопросу об община-марке и ее борьбе с растущей земельной собственностью помогает исследователю рассмотреть вопрос о становлении у франков нового в их социально-экономическом развитии.

Если ранние кодексы «Салической Правды» отражали еще полное наличие и, может быть, преобладание общинной земельной собственности у франков, а «Правда» рипуарских франков (в поздних титулах) показала значительное ослабление общинных связей, то «Правда» франков-хамавов рисует финал борьбы общины с растущим феодальным землевладением при значительном преобладании уже этого последнего вида земельной собственности. Борьба оформляющегося феодального землевладения с общиной показана

¹ Ibid, tit. XXXIV.

² «*Lex Hamavorum*», tit. XXXV.

³ «*Lex Hamavorum*», tit. IV, X, XII, XIII, XIV, XXI, XLIII.

на конкретном материале «Правд». Родо-племенное общество, как вскрывают источники, ушло далеко в прошлое. Остались лишь некоторые его пережитки, отраженные в народных «Правдах». Очень показательны то, что чем позднее составлена «Правда», тем меньше отражено в ней следов первобытно-общинного строя. Его место начинает занимать раннефеодальное общество, имеющее свой особый способ производства, свой особый характер собственности, свои особые новые социальные отношения.

К анализу этих черт, присущих раннефеодальному франкскому обществу, мы и обратимся в следующих главах работы.

Глава II

ХОЗЯЙСТВО У ФРАНКОВ VI—VII вв. И ЗАРОЖДЕНИЕ У НИХ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ¹

Проблема состояния и роста производительных сил любого народа естественно привлекает к себе внимание историка-марксиста, так как раскрытие ее на материале источников и литературы поможет историкам точнее воспроизвести картину жизни, характер занятий, условий труда и быта, уровня производства того или другого народа на определенном отрезке времени. Особенно заостряется эта проблема, когда вопрос касается переходных эпох, как в данном случае.

Наш анализ источников и литературы по данному вопросу имеет целью раскрыть состояние производительных сил у франков VI—VII вв., проследить процесс роста этих производительных сил в указанное время и выяснить причины этого роста.

Экономика переходного периода отражается в документах эпохи, одним из которых (причем наиболее ярким) является «Салическая Правда». Исследуя ее, как источник по истории материальной жизни общества, можно подметить ряд существенных явлений в состоянии производительных сил франкского общества и некоторый рост этих производительных сил к изучаемому периоду. Ценный материал также дает хроника Григория Турского, составленная в VI в. и дополняющая те данные о хозяйстве германского племени франков, которые дает «Салическая Правда».

¹ Сельское хозяйство у салических и рипуарских франков по их «Правдам». Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена, т. 68. Л., 1948.

Если сравнить два памятника разных эпох — «Германию» Тацита¹ и «Салическую Правду», то резко бросается в глаза разница в системе хозяйства и развитии ремесла у древних германцев I в. нашей эры и у франков в VI—VII вв.

В главе V «Германии» Тацит описывает природу страны и занятия населения. О Германии он говорит: «Для хлебов плодородна, для плодородных деревьев неблагоприятна, скотом изобилует, но в большинстве он невзрачен». Из главы XXVI (того же произведения): «...не состязаются они трудом с плодородием и обширностью земли, чтобы сажать плодовые деревья, делить луга и орошать сады; они требуют от земли только хлеба». Следовательно, во времена Тацита сельское хозяйство у германских племен было примитивным. Тацит отмечает только наличие земледелия и скотоводства, упоминая мимоходом о некоторых огородных культурах. Совершенно иное впечатление оставляет «Салическая Правда». Ее данные о состоянии сельского хозяйства франков более разнообразны и более колоритны по сравнению со свидетельством Тацита.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО У ФРАНКОВ

Исследуя титулы «Салической Правды», можно найти указание на более развитое хозяйство франков эпохи Меровингов. Конечно, и для данного периода основными видами сельского хозяйства остаются земледелие и скотоводство. Об этом свидетельствуют приводимые ниже титулы и пункты «Салической Правды». Но, как увидим, и скотоводческое хозяйство значительно возросло со времен Тацита и земледелие стало уже не таким примитивным.

Кроме того, «Салическая Правда» содержит в своих титулах указания на такие отрасли и виды хозяйства, о которых совсем не упоминает Тацит.

Переходим к анализу «Правды», используя различные по времени составления списки этого документа. О хозяйстве франков можно почерпнуть сведения в следующих титулах «Салической Правды» (по рукописи «Paris 4404»): II—V — о различных породах скота, VII—VIII — о птицах и пчелах, IX — о жатве, XVI — о поджогах. В титулах XXII, XXVII, XXXIII, XXXVIII — о мельнице, о краже дичи, плодов из сада, о конокрадстве и др.

Отметим, прежде всего, титулы, характеризующие состояние земледелия у франков эпохи Меровингов².

¹ Tacitus. Germania, V, XXVI etc.

² «Lex Salica», tit. IX, XVIII, XXII, XXVII etc.

М. М. Ковалевский¹, С. М. Шпилевский², Бруннер³, Зом⁴, Рожер Гранд⁵ и другие историки XIX и XX вв. уже установили несомненное наличие хлебопашества, как одного из основных занятий у франков данной эпохи.

Приведем для подтверждения этого факта некоторые титулы «Салической Правды».

Титул XVIII по «Эмендата» упоминает о годовом урожае хлеба и каре за его сожжение. Данный титул имеет место во всех более ранних рукописях, начиная с рукописей VI в. Следовательно, это говорит о наличии посевов, сборе урожая и хранении запасов зерна у франков в VI—VII вв. и позднее. Особых изменений в поздних текстах «Салической Правды» по данному вопросу мы не обнаружили. Это дает право сделать вывод, что уже к VI в. уход за полями и обработка пашни у франков являлись типичными, обыденными занятиями, основой хозяйства.

В настоящее время уже не этот вопрос стоит в центре внимания советских исследователей, а вопрос о том, как производились земледельческие работы, чем характеризовалась земледельческая техника франков и в чем отличие этой техники от земледельческой техники древних германцев эпохи Тацита, с одной стороны, и от земледельческой техники римлян, на территории которой поселились франки,— с другой.

На этом вопросе мы и задержим наше внимание.

Земледельческая техника древних германцев времен Тацита была весьма примитивна. Плуга они в то время не знали. Используя в основном подсеку для своих посевов, они мало заботились о тщательном разрыхлении почвы и урожая имели низкие. Не так обстояло дело с пахотой и посевами у римлян. Высокая техника обработки почвы, основанная на использовании даровой рабской силы (в латифундиях), создала определенные традиции в земледельческом хозяйстве римлян.

У М. Е. Сергеевко в его статье «Пахота в древней Италии» есть описание этих традиций. Римляне, применяя плуг с железным лемехом, производили не одну, а 3—4 вспашки земли под посев. В тех же местах, где почва была особенно неблагоприятна (например, в Этрурии), вспахивание повторялось 8 и 9 раз. Почву взрыхляли в разных направлениях (и вдоль и поперек поля). Традиция таких многократных

¹ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. I.

² С. М. Шпилевский. Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866.

³ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte.

⁴ Sohm. Process der Lex Salica.

⁵ R. Grand et R. Delatouche. L'agriculture du Moyen Age de la fin de l'Empire. Paris, 1950, p. 273, 278.

вспашек у римлян была прочной, устоявшейся, о чем свидетельствует своеобразная терминология разных видов вспашки (первая — «*prescissio*», вторая — «*iteratio*», третья — «*tertiatio*» и т. д.)¹. Римляне, захватив Галлию в I в. до н. э., перенесли туда свою систему хозяйства, основав в Галлии новые «*fundus*»².

Франки, придя в Галлию в V в., тоже стали употреблять плуг, заимствовав, видимо, его употребление у римлян³. На это предположение о заимствовании франками плуга у римлян нас наталкивает тот факт, что упоминание о плуге у франков встречается не в самой ранней из дошедших до нас рукописей «Салической Правды»⁴, а во II «семье» рукописей, составленной значительно позднее I «семьи»⁵.

Видимо, до прихода в Галлию, как и во времена Тацита, франки плуг еще не употребляли, поэтому он и не нашел отражения в I «семье» рукописей.

Но, заимствовав у римлян плуг, франки не заимствовали у них (и не могли заимствовать в силу других производственных отношений) систему обработки полей с многократной их вспашкой, возможной лишь при условии использования большой дешевой рабской силы, которой располагали римляне. Франки применяли индивидуальную вспашку поля. Об этом свидетельствует самый текст указанного титула, в котором сказано: «Если кто будет мешать проезду плуга в чужое поле или выгонит пахаря (разрядка наша.— Г. Д.)... присуждается к уплате 15 солидов»⁶. Текст упоминает об одном пахаре, а не о многих.

Франки, живя в общине-марке, обрабатывали свои поля при помощи больших, а позже и малых семей⁷. Им не под силу была та система обработки поля, которой пользовались римляне или галло-римляне. Франки, используя тяжелый плуг, в который впрягались 2—3—4 пары волов, отказались от многократного вспахивания поля под посев. Сошлемся в этом вопросе на суждение А. И. Неусыхина: «Тяжелый плуг, наряду с более легким в VI веке был уже широко распространен у варварских народов Западной Европы, как это видно и из сельскохозяйственных трактатов (например, из «Этимологии» Исидора Севильского) и из варварских

¹ М. Е. Сергеевко. Пахота в древней Италии. «Советская археология», 1941, т. VII, стр. 220—228.

² E. Lavissee. Histoire de la France. Paris, 1900 (перевод О. А. Добиащ-Рождественской). «Общая история европейской культуры», т. VII, стр. 260, Пб., 1913.

³ «Lex Salica», tit. XXVII, Add. 9.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404».

⁵ «Lex Salica», tit. XXVII, Add. 9 (дают II, III «семьи»). «Heroldina», «Emendata».

⁶ «Lex Salica», tit. XXVII, Add. 9.

⁷ При выделении малой семьи из большой.

«Правд»¹. Нам представляется, что этот новый вид запашки поля, к которому прибегают франки в силу присущих им производственных отношений, используя все же заимствованную у римлян сельскохозяйственную технику (плуг), дает нам право сказать 'здесь о некотором наличии синтеза римского и варварского начал.

Пашня, на которой трудились франки, становилась собственностью большой, а потом малой семьи в силу того труда, который был затрачен данной семьей на ее обработку. «Салическая Правда» нигде не упоминает о собственности на землю вообще, а упоминает лишь о «своей» и «чужой» жатве или ниве, «своем» и «чужом» луге, винограднике и т. д.²

Так постепенно право индивидуальной собственности на землю у франков растет, расширяется. Но это право собственности основано у них пока не на насильственном захвате земли общины ее членами, а на выделении из общины отдельных семей и на освоении, обработке, лучшем культивировании земли, т. е. собственно свидетельствует о росте производительных сил у франков.

Из тех же вышеупомянутых титулов «Салической Правды» видно, что франки занимаются луговодством³, садоводством, виноградарством. И эти отрасли действительно выросли у них уже после переселения франков в Галлию.

Об огородных растениях титул XXVII «Салической Правды» раскрывает следующее: «Если кто сделает нападение с целью воровства в чужое поле с бобами, чечевицей или подобными растениями (культурами.— Г. Д.), платит за свою вину 120 динариев, что составляет 3 солида». Здесь имеется указание на наличие полей (долин), засаженных стручковыми, чечевичными или подобными им культурами. Пункт 14-й того же титула свидетельствует о посевах и урожае льна. Кара за покражу льна с поля («...если кто увезет на телеге...») 15 солидов⁴.

Продолжая обзор текстов «Правды», находим несколько пунктов, которые говорят об использовании леса у франков и о правонарушениях в этой области хозяйства. Читаем дальше: «Если кто испортит или подожжет в лесу чужой материал, платит за свою вину 600 динариев, что составляет 15 солидов.

Если кто посмеет употребить часть другого материала в лесу, платит за свою вину 120 динариев, что составляет 3 солида.

¹ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков, стр. 27.

² «Lex Salica», tit. XXVII, 5, 6, 8, 10, 13.

³ «Lex Salica», tit. XXVII.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXVII, 14.

Если кто возьмет в лесу дерево, помеченное более года тому назад, в этом нет никакой вины»¹.

Все приведенные пункты «Салической Правды» о лесе свидетельствуют о том, что лес у франков этой эпохи используется значительно рациональнее, чем во времена Цезаря и Тацита, когда лесные массивы часто уничтожались хищнически, при элементарном способе земледелия.

Упоминаемые в «Салической Правде» «лесные материалы» заставляют предполагать, что у франков происходило строительство домов, надворных построек, мостов и т. д. В одном из пунктов титула XXVII² по списку «Paris 4404» упоминается термин «обтесать» чужой материал в лесу (и приводится соответствующий штраф за этот проступок). Этот термин говорит за то, что материал, заготовленный в лесу, мог быть строевым лесом, а не просто дровами. О дровах имеется особое упоминание³.

Наличие пунктов о сохранности леса и лесных материалов в законе салических франков свидетельствует о большом внимании к лесу, как объекту хозяйства.

Центральное место среди указанных пунктов о лесе занимает пункт 19-й, где говорится о том, что за срубленное дерево, помеченное «более года тому назад», нет «никакой вины»⁴, т. е. не взимается никакого штрафа.

Это дало нам право предполагать, что лес у франков в эпоху Меровингов оставался общинным, и на него не распространялась еще частная собственность⁵.

Обобщая изложенный по «Салической Правде» материал о земледельческом хозяйстве у франков, можно отметить, что со времен, описанных Тацитом, это хозяйство обогатилось целым рядом новых сельскохозяйственных культур, не известных древним германцам при Таците. Франки занимаются хлебопашеством, льноводством, огородничеством, садоводством, виноградарством, охраняют леса и посе-вы.

Выросли и другие отрасли хозяйства у франков. На первое место после земледелия необходимо поставить скотоводство. О нем свидетельствует то особое место, какое уделено в «Салической Правде» титулам об охране различных пород домашнего и находящегося на воле скота. Титулы, имеющие целью сберечь, сохранить скот, стоят в самом начале «Правды».

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXVII, 19.

² «Lex Salica», tit. XXVII: «Si quis materium alienum ex una parte dolare praesumpserit...» etc.

³ «Салическая Правда», тит. XXVII, п. 18-й.

⁴ «Nullam habeat culpa...» «Lex Salica», tit. XXVII, 19. «Paris 4404».

⁵ См. выше в гл. I.

О разнообразии различных пород скота можно найти указание в следующих титулах «Правды» по «Эмендата»:

Титул II «De porcorum»	(о свиньях),
» III «De ovium»	(об овцах),
» IV «De animalis»	(о рогатых животных),
» V «De capranus»	(о козах),
» VI «De caballo»	(о лошади).

Эти же титулы имеют место во всех дошедших до нас рукописях¹ и свидетельствуют о том, что уже в V—VI вв. франки уделяли большое внимание скотоводству и за покражу скота и порчу его следовали большие штрафы (от 3 до 63-х солидов).

Так, например, титул III по «Paris 4404» гласит:

«1. Если кто украдет молочного теленка, присуждается к уплате 120 динариев, что составляет 3 солида»².

Приведенные титулы говорят о значительных размерах стад у отдельных хозяев (до 25 и выше голов рогатого скота, до 50 и выше голов свиней). О том, кому в изучаемый период, т. е. в эпоху Меровингов принадлежат эти стада у франков, можно судить, хотя бы основываясь на частом упоминании в «Салической Правде» терминов «чужой», «свой», «его» и т. д. Эти термины заставляют признать здесь распространение частной собственности на скот. Все пункты закона в их совокупности свидетельствуют о том, что как интересы скотовода, так и земледельца достаточно ярко отражены в «Правде» салических франков.

Из других отраслей хозяйства у франков эпохи Меровингов большое распространение получило пчеловодство, которому франки уделяли большое внимание, значительно культивируя эту отрасль.

О пчеловодстве свидетельствует титул IX по «Эмендата» «De furtis apium» (VIII по «Paris 4404»):

«За покражу одного или нескольких ульев укравший их из-под замка должен уплатить 45 солидов»³.

Сравнительно высокий штраф (45 солидов) можно объяснить тем, что, по-видимому, пчеловодство являлось еще новшеством и ульи были большой ценностью. Франки всячески стремились к росту этой отрасли хозяйства.

Что касается других основных и подсобных занятий франков, то из них «Салическая Правда» упоминает об охоте и рыболовстве. Об охоте упоминает XXXIII титул Парижской рукописи, о рыболовстве — титул XXVII⁴.

¹ В том числе и в рукописи «Paris 4404».

² «Si quis vetellum lactantem furaverit et ei fuerit adprobatum mal podero hoc est CXX din. fac. sol. III culp. iud.»

³ «Paris 4404», tit. VIII, 1.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXXIII et XXVII, p. 20 et 21.

Суммируя все данные «Салической Правды», делаем вывод, что основными занятиями франков являются земледелие и скотоводство, что из сельскохозяйственных культур производятся зерновые хлеба, стручковые растения, корнеплоды (брюква), лен. Энгельс указывает, что «...в ту эпоху, которой мы занимаемся, земледелие и скотоводство были решающими отраслями производства»¹. Большое значение имеет луговое хозяйство, но указаний на травосеяние не встречается. Широкое распространение имели садоводство, виноградарство и пчеловодство. Охота и рыбная ловля упоминаются, но к основным занятиям франков той эпохи их, по-видимому, уже отнести нельзя.

Трудно найти в самой «Правде» прямые указания на существование севооборота или системы переменных полей. Однако сопоставление данных о том, что поля отводились то под жатву, то занимались лугами и пастбищами, то часть поля у отдельного хозяина отводилась под репу, брюкву, горох, фасоль и другие растения, дает нам право сделать некоторые предположения. Очевидно, эти виды посева в какой-то степени чередовались, т. е. существовала смена полей.

Итак, из сравнительного анализа источников² следует вывод о том, что улучшение хозяйства у франков VI—VII вв. идет не только за счет заимствования ими у римлян образцов сельскохозяйственной техники, но должно быть отнесено и за счет изменений производственных отношений у франков в их ранний феодальный период, а также за счет синтеза двух миров («римского» и «варварского»), которые пришли в соприкосновение на заре феодальной формации. Во всяком случае рост производительных сил у франков в сельском хозяйстве в изучаемый период очевиден. Переходим к рассмотрению франкского ремесла.

РЕМЕСЛО

Непосредственные производители материальных благ у франков эпохи Меровингов предстают перед нашим взором в титулах «Салической Правды» в самых различных профессиях. Вот некоторые из этих профессий:

пахари	конюхи	охотники
пастухи	мельники	плотники
косцы	садоводы	кузнецы
огородники	рыболовы	золотых дел мастера
виноградари	дровосеки	господская челядь

¹ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

² Tacitus. «Germania» et «Lex Salica».

В большинстве своем это люди, занятые в сельском хозяйстве или обслуживающие хозяйство крупного землевладельца (конюхи, господская челядь). Но есть среди непосредственных производителей эпохи и ремесленники. «Салическая Правда» упоминает о кузнецах, плотниках, золотых дел мастерах (из других источников выступают и еще некоторые специальности ремесленников).

Видимо, для характеристики ремесла и занятий франкского населения VI—VII вв. одной «Салической Правды» недостаточно. Нужно с этой целью привлечь другие источники и в какой-то степени данные археологии, хотя бы уже опубликованные и апробированные. В этом отношении довольно богатый материал дает работа Баррьер-Флави, посвященная археологическим находкам франкской эпохи и главным образом вопросам состояния в то время занятий и ремесел франков¹.

Автор отмечает, используя археологические данные и значительную литературу, наличие у варваров, в том числе и у франков V—VII вв., многих занятий и ремесел. Особенно большое значение автор придает варварским погребениям, которые дали при раскопках богатый материал для характеристики состояния занятий и ремесел у франков. Найденные богатое оружие и конская сбруя, следы одежды и украшений, предметы обихода и т. д., — все это дает большую пищу для суждений о состоянии занятий и ремесел у франков эпохи Меровингов.

Судя по снимкам вещей, найденных археологами, можно говорить о ремесле: оружейников, изготовлявших богатые мечи, ножи, копья, щиты; кожевников, которые искусно обрабатывали кожу, делали из нее ремни, седла, обувь; золотых и серебряных дел мастеров, выполнявших тонкую работу на различного рода металлической посуде и кубках, богато украшенном оружии и т. д. Тут же следует отметить очень тонкую работу по изготовлению различных пряжек и застежек, которыми славились франкские мастера.

Другие авторы, в частности Лоньон², приводят данные о том, что франки рано научились добывать и обрабатывать металлы. Автор для большей убедительности приводит ряд географических названий, сохранивших в корне своих слов указания на название железа, серебра и т. д.³

Энгельс, опираясь на данные современных ему археологических раскопок, тоже писал о древних германцах до их прихода в Галлию, находя у них наличие подобных видов ремесел.

¹ M. C. Barrièrres-Flavy. Des Arts industriels des peuples barbares de la Gaule du V au VIII siècles. Paris, 1901.

² Aug. Longnon. Les noms de lieux de la France. Paris, 1920.

³ Там же, стр. 152—153.

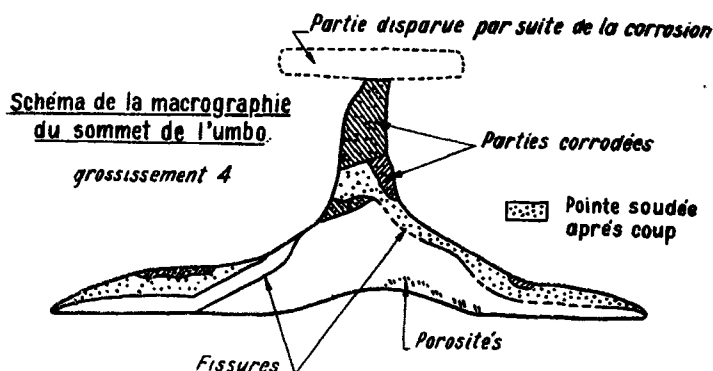

Рис. 1. Изображение франкского щита в разрезе

Так, например, в работе Энгельса «К истории древних германцев» говорится об этом следующее: «Застежки, металлические бляхи для украшений с изображениями голов животных и людей, серебряный шлем., кольчуги из сплетенных проволок., золотой головной обруч...»¹ Так описывает Энгельс археологические находки у германцев. Помимо этого, Энгельс отмечает: «Не только железо и бронза, но и золото и серебро постоянно обрабатывались, по образцу римских монет чеканились золотые брактеаты², производилось золочение неблагородных металлов...»³ Это знакомство германцев с обработкой металла Энгельс относит и к V в. («ко времени переселения народов»)⁴.

Из новейших работ французских авторов следует остановить внимание на работе Салена, который в наши дни написал трехтомный труд, посвятив его главным образом анализу документальных и археологических памятников франков эпохи Меровингов⁵. В I томе автор делает общий обзор, II том посвящает погребениям у франков, III том — технике (этот том наиболее интересен). Автор приводит в нем подробные данные об изделиях из металла и кожи. Подробнее всего анализируется изготовление франками различного типа ножей и другого холодного оружия⁶. Автор приводит ряд снимков с объектов, найденных при раскопках. Приводим некоторые из них.

На рис. 1 изображена железная крышка, набиваемая на щит франкского воина. На снимке показаны и уцелевшие

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 373.

² Монеты с чеканкой на одной стороне.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 373.

⁴ Там же.

⁵ Ed. Salin. La civilisation Mérovingienne. Paris, 1950—1957, p. 1—14.

⁶ См. снимки с экспонатов.

и подвергшиеся разрушению части этой крыши. Интересно, что автор показывает умение франков в свое время чинить (сплавлять) разрывы на этих крышках, происшедшие от ударов по щиту (видимо, во время боя). Сам щит был из дерева, но снаружи он был покрыт железом.

Рис. 2 дает представление об одном из основных видов вооружения свободного франкского воина — о франциске или топорике, которым или рубили непосредственно врага, сражаясь врукопашную, или ловко запускали этот топорик во врага на расстоянии.

На данном снимке центральный объект представляет собой именно такой топорик для бросания (*la hache de jet*).

Франциски производились франкскими ремесленниками, труд которых сейчас непосредственно интересует исследователей. Интересует и сама техника изготовления франциски. В указанном труде Салена есть попытка анализа некоторых трудовых процессов в изготовлении франциски, для чего используется микро- и макроанализ поверхности и изломов различных частей франциски. В этом отношении особенный интерес представляет рис. 3, на котором показаны различные образцы и техника изготовления франциски. В основном при изготовлении франциски применялась ковка, на что указывают наружные грани франциски, но местами видны следы сварочных включений.

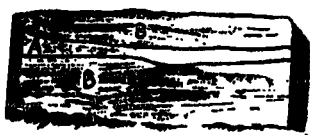
Таким образом, можно смело говорить о ковке и сварке железа, как производственных процессах, которые были знакомы франкам. Употреблялась также полировка металла (для придания особой гладкости поверхности франциски).

Но особенно интересные сведения Сален приводит об изготовлении других видов франкского оружия, так называемых пик или копий (рис. 4). Эти пики или копья изготовлялись из стали, которую выделявали франкские мастера по типуковки славянского булата (или дамасской стали). На снимке замечен сложный узорковки, близкий к булатному рисунку. Технологияковки показана очень высокая и свидетельствует о большом мастерстве ремесленников.

La forme F 16 est la hache de jet par excellence.

Рис. 2. Формы франциски (топорика)

Macro n° 3

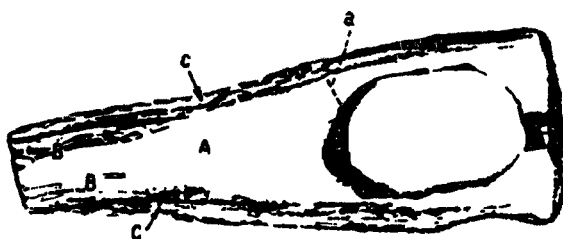
Macro n° 2

Macro n° 5

Macro n° 4

Macro n° 1

Рис. 3. Техника изготовления франциски

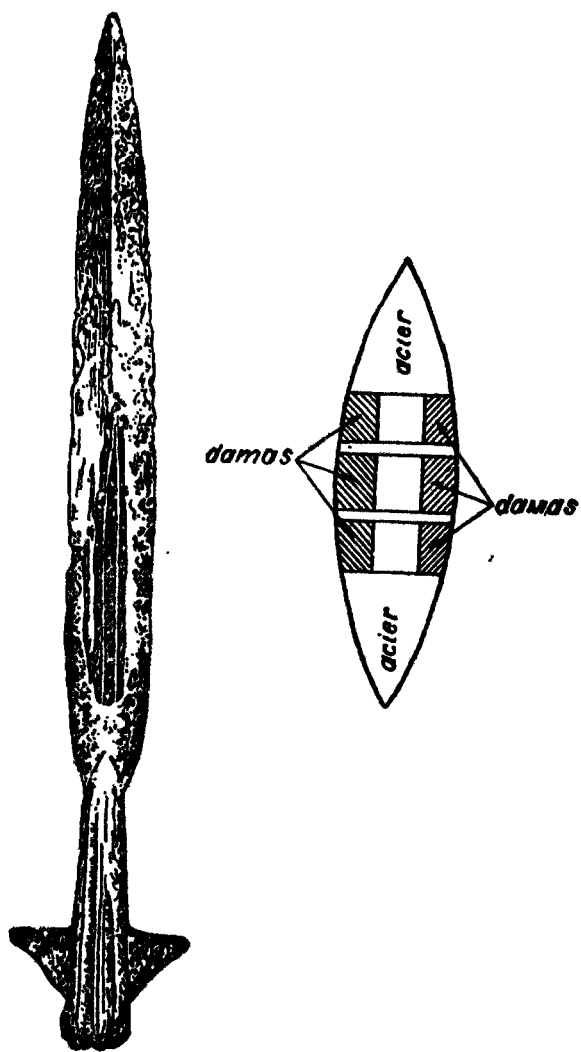

Рис. 4. Изображение копья

LES TECHNIQUES

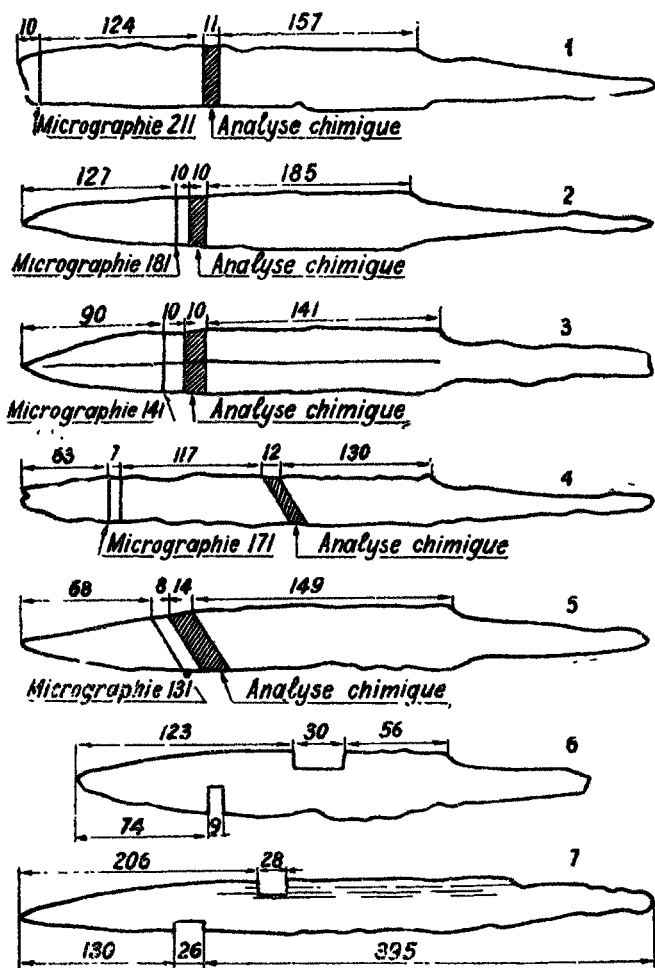

Рис. 5. Франкские ножи (скрамассаки) разного типа

На рис. 5 воспроизведены различного типа скрамассаки (франкские ножи, применяемые в битвах). Цель автора — уточнить технику изготовления и выяснить состав сплава, из которого изготовлены данные ножи. Микрография и химический анализ, доступные современной науке, помогают уточнению того типа сплава, из которого выковано то или другое оружие.

В том же III томе труда Салена приводятся несколько образцов изделий из бронзы (бронзовая посуда, пряжки, украшения). На бронзовой посуде видны кое-где украшения из латуни (рис. 6).

Бронзовые пряжки, представленные на рис. 7, позволяют судить об эволюции данного мастерства у франков.

Показаны и примитивные образцы и более сложная модель, требующая большого мастерства ремесленника.

Особенно поражают своим разнообразием и художественностью экспонаты различных аграфов (пряжек, застёжек), исполненных в плане изображения птиц самых разнообразных пород, названий, размеров, поз, в которых они изобра-

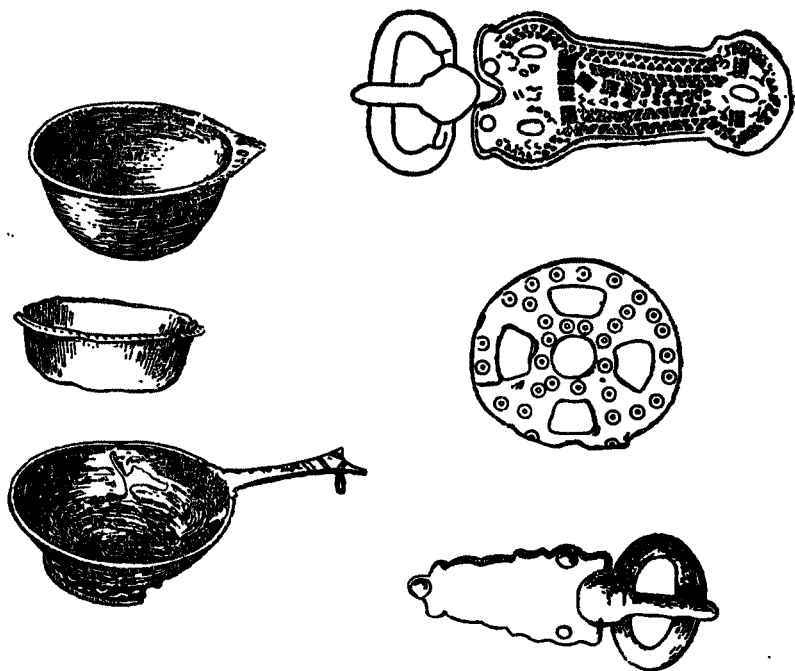

Рис. 6. Посуда из бронзы

Рис. 7. Бронзовые пряжки разного типа

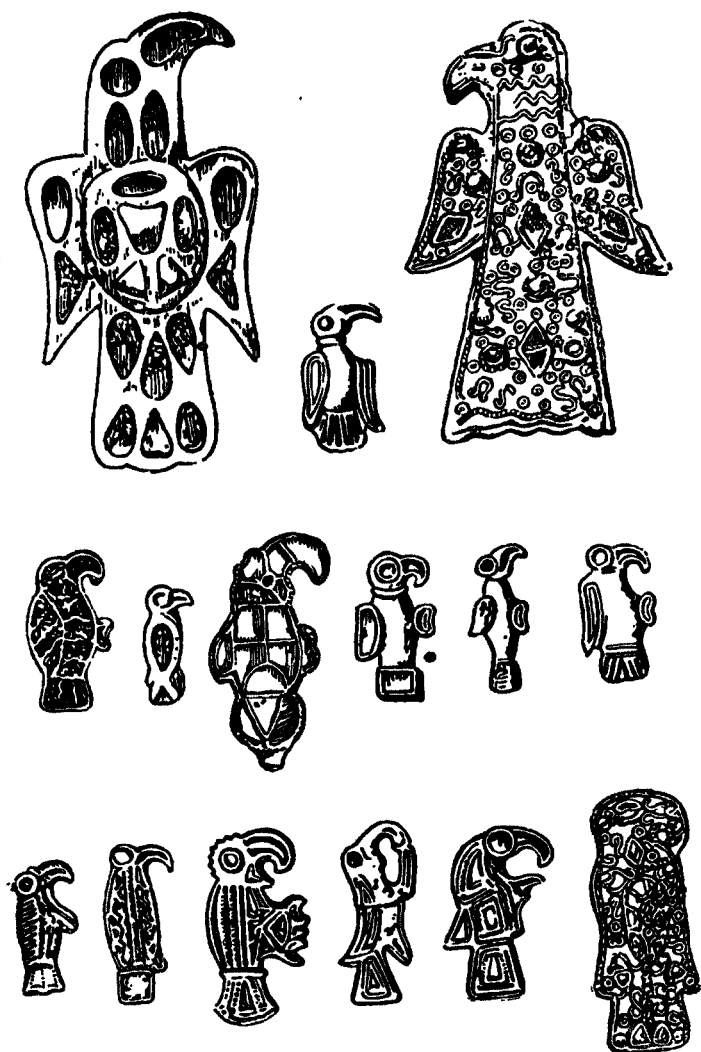

Рис. 8. Разного типа аграфы и застежки

жены. Выразительность рисунка и тонкость работы удивительны (рис. 8). У Салена указано и время изготовления этих украшений (VI—VII вв.).

Во II томе труда Салена, посвященном погребениям франкской эпохи, показаны различной формы и качества саркофаги, в которых хоронили знатных покойников.

На рис. 9 показан такой саркофаг (собственно, крышка с него) от захоронения епископа из Шартра в 573 г. Хорошо

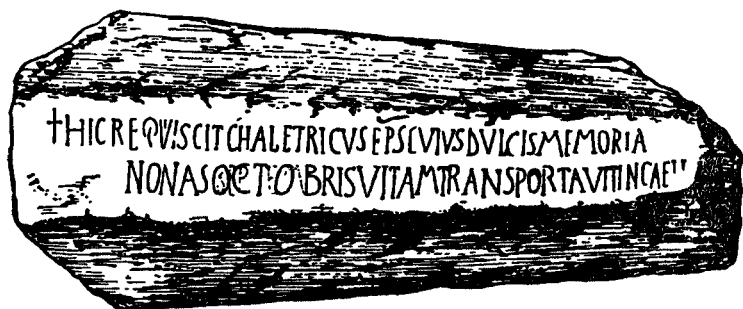

Рис. 9. Крышка саркофага (VI в.)

сохранилась надпись на латинском языке, сделанная при захоронении на крышке саркофага.

На рис. 10 дан образец инкрустации, произведенной на серебре. Работа тонкая. Узор хорошо сохранился, хотя со времени его изготовления прошло значительно больше, чем 1000 лет.

Таким образом, данные археологических раскопок, обнаружившие металлические и другие изделия у варваров (в том числе и у франков), исследования Энгельса и некоторых других авторов свидетельствуют о некотором развитии ремесла у германцев (франков) VI—VII вв. Энгельс пишет также: «...встречаются инкрустации, эмалевые и филигранные работы..., с большим вкусом сделанные украшения, лишь отчасти представляющие подражание римским; это главным образом относится к застежкам и пряжкам...»¹

Стоит лишь взглянуть на изделия, обнаруженные при раскопках, чтобы в этом убедиться.

У Энгельса в указанной работе есть прямое указание на то, как широко распространено было это производство в VI—VII вв. Ссылаясь на народные «Правды», Энгельс указывает, что у аламаннов по «Аламманской Правде» кузнецы изготовляют мечи из железа и упоминается о золотых

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 373—374.

Рис. 10. Инкрустации на серебре

и серебряных дел мастерах¹. Ссылаясь на знакомую нам «Салическую Правду», Энгельс писал: «Салическая Правда» оценивает обыкновенного крепостного в 12 солидов, а крепостного кузнеца («faber») в 35 солидов»², показывая этим высокую цену кузнеца-специалиста.

Характерно, что Энгельс заменяет здесь наименование «раб» (как в тексте «Правды») наименованием «крепостной». По-видимому, он учитывал здесь эволюцию рабства в крепостничество, что происходило как в сфере сельского хозяйства, так и ремесла.

Ряд буржуазных авторов, посвятивших свои работы выяснению особенностей одежды у франков, указывает на развитие ткачества в меровингское время. Например, это можно отметить в работе Квишера, посвященной истории костюма во Франции³.

Обычно франки носили простую домотканную одежду. Ткачество стало им знакомо рано. Среди женщин, принадлежавших даже к привилегированным слоям общества, были искусные прядильщицы и вышивальщицы. О последних упоминает, между прочим, и Григорий Турский, характеризуя похождения меровингских королей и нравы их возлюбленных⁴.

Хроника Григория Турского неоднократно упоминает и о других занятиях и ремеслах свободных франков, живших в Галлии. Неоднократно упоминаются плотники и каменщики, строящие дома для знати. Упоминаются искусные ремесленники, занимавшиеся выделкой оружия, изделий из золота, серебра и кожи, прядением и тканьем из шерсти и льна, вышиванием шелком и золотом⁵.

У Энгельса мы тоже находим указание на искусство германцев в ткачестве и других ремеслах. «Тонкие ткани, изящные сандалии и хорошо сработанные шорные изделия указывают на гораздо более высокую ступень культуры, чем та, на которой стояли тацитовские германцы...»⁶

Все это вместе взятое раскрывает перед нами картину значительного распространения ремесла у франков во времена Меровингов.

Правда, Энгельс о франках оговаривается, считая их искусство в выделке металлических изделий менее совер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, I, стр. 373—374.

² Там же.

³ J. Guichera t. *Historie du costume en France*. Paris, 1875.

⁴ Monum. Germ. Hist. *Scriptores rerum Meroving.* ed. Krusch. t. II, Lib. IV.

⁵ Greg. Turon. *Liber Historia Francorum*, IV. M. C. H. *Scriptores rerum Meroving.* ed. Krusch. t. II, p. 205.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 372.

шенным, чем искусство других германских племен (например, англов)¹, но все же он приводит немало примеров и для показа наличия у франков разнообразных ремесел², как свидетельствуют об этом различные источники, данные раскопок и авторы ряда исследований³.

ТОРГОВЛЯ

Торговля почти не отражена в «Салической Правде», так как и в самом обществе при его натуральном хозяйстве и наличии мелких сельских общин обмена почти не существовало.

Об этом есть положение Энгельса, данное в работе «Франкский период»: «...народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка сама удовлетворяла свои нужды, сама производила необходимое, тем более, что продукты отдельных близлежащих марок были почти в точности одни и те же. Обмен между ними был поэтому почти невозможен»⁴. Однако при почти полном отсутствии внутренней торговли у франков есть сведения о некоторых внешних торговых связях этого народа. О них неоднократно упоминает в своей работе Сален⁵, а также свидетельствуют некоторые документы⁶. Неоднократно, например, упоминается о торговле с Сирией⁷, причем здесь немалую роль играла торговля солью, о чем тоже неоднократно упоминают источники⁸. В этой внешней торговле франков, видимо, было весьма заинтересовано духовенство римско-католической церкви. Оно снабжало купцов деньгами под проценты, предоставляло помещения храмов под склады товаров (за определенную плату, конечно), имело доход и от самой торговли.

Эта заинтересованность духовенства в торговых связях с внешним миром тоже отражена в источниках, как отражена и борьба между отдельными представителями духовенства за право вести торговые связи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 376. «Франки и алеманны и еще позднее саксы производят metallические товары худшего качества, чем англо-саксы, скандинавы...»

² См. выше.

³ Ed. Salin. Указ. соч. и другие авторы (см. выше).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 391.

⁵ Ed. Salin. La civilisation Merovingienne, т. I, гл. XIII, XIV и «Приложения».

⁶ «Historia Francorum» Григория Турского.

⁷ «Historia Francorum», X, 26; Ed. Salin. Указ. соч., стр. 466.

⁸ Там же.

Так, например, в одной из глав хроники Григория Турского сказано, что в 591 г. после смерти епископа Рагнемоды право торговли с Сирией выпросили себе духовные лица парижского епископства, и торговля с Сирией перешла к епископству города Парижа¹.

Подведем теперь некоторые итоги тем сведениям, которые дали источники о хозяйстве франков VI—VII вв. Хозяйство франков в целом в VI—VII вв. обнаруживает значительный рост. Изменившиеся в V—VI вв. производственные отношения у франков создают условия для общего роста производительных сил в этом обществе.

Рост производительных сил замечался не только в сельском хозяйстве, но и в ремесле. Некоторые успехи сделал обмен, хотя в основном экономика франков сохраняла натуральный характер. В свою очередь, рост производительных сил у франков имел следствием все увеличивавшуюся социальную дифференциацию общества. Все эти закономерные явления отразили источники.

Ведущим занятием франков указанного периода оставалось земледелие, которому в перспективе открывались большие возможности и которое, как основное занятие данной эпохи, будет оказывать особенное влияние и на характер земельной собственности у франков.

РАННИЕ ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Документы отмечают у франков в VI в. наличие 3-х видов земельной собственности: общинной, аллодиальной, феодальной. Первая — общинная была у франков еще до их прихода в Галлию и вместе с ними проникла на вновь завоеванные франками галло-римские земли. Наличие у франков этих общинных земель отмечает неоднократно «Салическая Правда», о чем у нас уже была речь в соответствующих главах работы².

Аллод³ возник у франков с их приходом в Галлию и скоро стал основой их земельной собственности на пахотные земли и луга. «Салическая Правда», например, уделяет большое внимание аллоду, выделив статьи о нем, как об особом земельном владении в специальную главу или титул,

¹ «Historia Francorum», X, 26.

² См. гл. I и II.

³ Аллод — отдельные наделы пахоты и луга — как свободная собственность владельца, обязанного лишь обычными для марки повинностями (Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392).

который и носит особое наименование «Об аллодах»¹. Этот титул имел место уже в самом раннем (из дошедших до нас) списке «Салической Правды» — «Lex Salica», «Paris 4404».

Следовательно, самый факт возникновения аллода относится уже к моменту поселения франков в Галлии на галло-римской земле.

И аллод тесно связан на первых порах с общиной, выделившись из нее, являясь как бы ее прямым порождением при выделении малой семьи. На эту тесную связь аллода с общиной указывает титул LIX «Салической Правды», в котором, особенно в ранних ее списках², явно выступают на первый план традиции, имеющие основу в общинном строе.

Это сказывается и в праве наследования аллода, которое в первое время включает большое число родственников умершего владельца аллода как со стороны отца, так и со стороны матери (в ранних списках «Правды» родственники со стороны матери упомянуты раньше, чем родственники со стороны отца)³. Это кладет отпечаток и на запрещение в «Салической Правде» передавать земельное владение по наследству женщине⁴.

Но наличие аллода у франков накладывает уже свой отпечаток и на характер общинных земель и земельных отношений между общинниками. Прекращаются, например, переделы общинных земель, как это имело место до прихода франков в Галлию.

«Салическая Правда» нигде не упоминает о переделах земель. Наоборот, она фиксирует неизменно частновладельческие права на посев, жатву, луг, сад, виноградник и т. д. И это понятно. С возникновением аллода пахотные земли и луга (а также, разумеется, сады и виноградники и т. д.) закрепляются за определенными лицами — владельцами аллода и не возвращаются уже больше общине. За общиной остается собственность на уголья: леса, выгоны, реки, дороги и т. д., что вполне четко зафиксировано «Салической Правдой» и нами было отмечено в другом месте⁵.

Но за членами общины остается как бы верховный надзор за бывшими общинными землями.

Таким образом, мы отметили, что аллод тесно связан еще с общиной и традициями и пережитками и в то же время представляет собою уже новую форму землевладения — сво-

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIX.

² В списках I «семьи».

³ Подробнее об этом см. в I гл. данной работы.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIX, 5.

⁵ См. «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXVII и I главу данной работы.

бодную собственность владельца аллода. Эта свободная собственность только первое время испытывает на себе некоторое ограничительное влияние общинных порядков и традиций, отраженных и в титуле об аллоде «Салической Правды»¹.

Но позже, с течением времени аллод становится тем, к чему зовет его же собственная природа — товаром, свободно отчуждаемой земельной собственностью.

Не нужно забывать, что в Галлии, где поселились франки, оставалось и при них в неприкосновенности на значительно большей земельной территории римское частное землевладение, не стесненное никакими ограничительными рамками.

Естественно, что это соседство с частновладельческими римскими землями не могло не влиять на характер аллодиального земельного владения, втягивая его в орбиту частновладельческих отношений.

Энгельс прямо отмечает, что «с момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была лежащая рядом с ним римская земельная собственность, — товаром»².

Для ранней меровингской эпохи аллодиальная земельная собственность может считаться основным видом земельной собственности, поскольку община уже утратила свою собственность на пахотные земли и луга, как свидетельствует основной источник эпохи³, а феодальная собственность находилась еще в первичной стадии своего распространения.

Аллодиальная земельная собственность, однако, по своему внутреннему ей дуализму, отмеченному нами выше, и по тому индивидуальному свойству ее, которое отмечено Энгельсом в работе «Франкский период»⁴, не была устойчивой земельной собственностью.

Она проявила определенную тенденцию к своему довольно быстрому сокращению, что произошло за счет роста крупной феодальной собственности на землю.

Очень важно для исторической науки на некотором конкретном материале установить условия, при которых аллодиальная земля становилась землей феодальной, переходила в собственность к феодальному землевладельцу.

Мы уже указывали на то обстоятельство, что феодальная собственность возникла у франков тоже с приходом их в Галлию⁵ (одновременно с аллодом).

Основой для возникновения феодальной собственности на землю у франков послужила раздача франкскими

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIX.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

³ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. IX, XXVII, XXXIV, LIX.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

⁵ См. начало данной главы.

королями своим дружинникам и церкви огромных земель, захваченных ими у галло-римлян при вторжении франков в Галлию¹.

Эта феодальная (крупная) земельная собственность господствующего класса, не в пример собственности аллодиальной, наоборот, имела тенденцию к росту, тем более, что эта тенденция основывалась на прямом захвате земель общины и отдельных аллодистов.

Сама «Салическая Правда» ни в одном из своих ранних титулов не дает повода судить о захвате земель общины феодалами. Эта тенденция не отражена еще в 65 титулах I «семьи» «Салической Правды», но некоторое отражение растущей феодальной собственности можно подметить, анализируя капитулярии к «Правде».

В капитулярии IV, в Эдикте короля Хлотаря упоминается о «могущественных людях», владеющих «землями по разным местам» и, вдобавок, имеющих рабов². Кто, кроме феодализирующейся знати у франков мог проявить могущество, владеть землями (да еще в разных местах) и владеть рабами (их розыску, собственно, и посвящается данный пункт из капитулярия).

Тут ясно чувствуется наличие большого хозяйства землевладельца, который приобрел земли в разных местах (едва ли могла это быть только унаследованная земля. Тут, естественно, напрашивается предположение о захвате им земель общины)³. На большую силу и могущество растущего феодала указывает и формулировка 12 пункта IV капитулярия и тон самого капитулярия, в котором интересы королевского фиска сталкиваются с интересами хозяина раба, совершившего преступление. Тон капитулярия явно свидетельствует о компромиссе с этим могущественным хозяином раба, на который идет пункт закона, предоставляя рабу и его хозяину ряд льгот (отсрочка на 20 суток, разрешение хозяина на предание суду раба и т. д.). Такая не свойственная закону «мягкость» в отношении к интересам землевладельца явно говорит о его силе и возможности нанести ущерб не только землям соседних с ним общин, но и самой королевской власти. Возможность внеэкономического принуждения по отношению к свободным общинникам здесь вполне очевидна.

В какой-то степени о системе захвата земель общины-марки отдельными лицами свидетельствует и пункт 9 седьмого капитулярия, в котором даже само понятие «villa»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 393.

² «Lex Salica». Capitul. IV, 12. «Si cuiuslibet de potentibus servus qui per diversa possedent de crimino habere suspectus, domino secrecius cum testibus condicatur ut intra XX noctes ipsum ante iudicem debet praesentare».

³ И королевские пожалования способствовали укрупнению земель.

приобретает новый смысл (не деревня-община, как в «Lex Salica», а индивидуальное владение, которое оспаривают друг у друга разные лица) ¹.

Но характеризовать происхождение феодальной собственности на землю у франков, только исходя из захватов феодалами общинных земель, было бы односторонне. Нужно принимать во внимание и экономическую основу данного явления, а также основной экономический закон феодального общества. К сожалению, в «Салической Правде» это явление не нашло отражения.

Исследуя другие документы эпохи (формулы, грамоты), мы вынуждены отметить, что они свидетельствуют, во-первых, о наличии повсеместно аллода, а во-вторых, о распространении форм экономической зависимости непосредственных производителей от крупных землевладельцев у франков и вместе с тем о дальнейшем ходе процесса поглощения аллодиальной земельной собственности крупной феодальной собственностью. И первое и второе отражают документы. Используя формулы Маркульфа ², мы наблюдаем, как в них выступает аллодиальная собственность отдельных людей, границы участков которых прилегают друг к другу с разных сторон, и их наличие отражают документы ³.

Так, например, одна из формул Маркульфа под № 24 ⁴, приводит данные о том, что такой-то владелец аллода может обменяться с другим владельцем аллода (*inter illo et illo*) ⁵ любым своим участком земли, будь то луг или виноградник (*aut prato, aut vinea*) ⁶. Это указывает на прямое право владельца земель (аллодистов) распоряжаться своими землями, своими аллодами.

Помимо этого, в данной из формул можно найти сообщения о границах отдельных участков, отдельных аллодов с другими участками, с другими аллодами.

Указано, что этот (данный) участок примыкал одной боковой стороной к участку (такого-то), а другой боковой стороной к участку другого (такого-то) ⁷.

Формулы говорят об установившейся у франков традиции — манипулировать своими земельными участками-аллодами — и свидетельствуют о большом числе этих участков.

¹ «Lex Salica». Capitulum VII, 9.

² См. во «Введении» об источниках.

³ Capitulum regum Francorum ed. St. Balusius. Paris, 1677, t. II, Formulae, p. 411 и сл.

⁴ Formulae Marculfi, XXIV.

⁵ Там же, т. II, стр. 420—421.

⁶ Там же, стр. 420.

⁷ «...qui subjungit a latere «uno illo, ab alio latere aut fronte illo...» (Capitulum regum Francorum. Ed. St. Balusius, Paris, 1677, t. II, Formulae, p. 420).

Сам тот факт, что возникла в практике жизни потребность в создании подобных формул, т. е. образцов документов, по которым производились различные сделки между аллодистами, уже говорит за то, что аллодистов было много, и различных сделок с аллодами они заключили между собой немало, если понадобилось для этого создание формул.

Данная формула подчеркивает, что каждый из владельцев может свободно распоряжаться своим участком (или полученным за него в обмен) и держать у себя этот участок земли¹.

Таким образом, из данной формулы нам становится ясно, что аллод еще в это время (в VI—VII вв.) у франков существует, и его владельцы вольны обращаться с ним так, как им заблагорассудится. Все, казалось бы, с аллодом и в это время обстоит так, как и в момент прихода франков в Галлию, т. е. аллод был полной собственностью свободных франков. Но и в данной формуле есть один штрих, который ставит под сомнение полную свободу аллодиста распоряжаться его землями в данный период. В формуле Маркульфа № 24 приписано, что, если кто-либо из владельцев земли или его наследников вздумает, со временем, изменить договор, то он лишается в пользу другой стороны полученной им земли и, сверх того, должен внести другой стороне и в казну денежный взнос².

Это добавление звучит уже несколько по-другому и свидетельствует о какой-то зависимости владельца аллода от другого лица, который может его заставить потерять свои земли, если он отступит от договора. Видимо, этот другой землевладелец диктующий ему условия, был значительно сильнее данного аллодиста, если мог распоряжаться его землями и ставить ему условия. Сильным же в эпоху феодализма считался тот, кто имел больше земли. Все это подводит нас к выводу о том, что при заключении сделки между мелкими аллодистами и более крупным землевладельцем последний, в конце концов, использовав многие, ему доступные средства, мог овладеть (и овладевал), полностью или частично, землями аллодиста. Самый факт наличия формулы³ и в ней этих положений говорит за то, что это не был единичный случай в эпоху Меровингов, а было то, что напоминало собой систему.

¹ «...Tenendi vel quicquid exinde elegerint faciendi liberam habeant potestatem» (указ. изд., стр. 420).

² «Si quis vero aliquid exipsis aut heredes eorum vel quicunque hoc emutare voluerit, quam acceperit pari suo amittat et in super interat cum cogenti fisco auri tantum...» (указ. изд., стр. 421).

³ О характере данного вида документа см. во «Введении». Это документ не единичной сделки, а массового характера.

Грамота из серии других формул¹, посвященная той же теме обмена землями между собственниками земли — франками, вносит, однако, некоторую ясность в вопрос о том, кто и с кем обменивается участками земли. Один из таких владельцев оказывается, например, владельцем монастырских земель или земель, принадлежащих «святому», как говорит грамота², и отражает интересы этого «святого» (т. е. фактически монастыря). Он заботится только о том, чтобы не было нанесено ущерба интересам этого «святого». Если бы оказалось, что интересы монахов нарушены, ответчик (другая обмениваемая сторона) должен возратить «святому» участок земли в возмещение своей «вины»³. Заметим, что ни в первой из указанных формул, ни во второй грамоте, взятой из другой серии формул, нет указаний на то, что ответчиком явится сильная сторона (в данном случае — представитель земли «святого»). И в том и в другом случае «отвечает» мелкий аллодист, вступивший в сделку с крупным землевладельцем (в данном случае — с монастырем). И так как формулы сохраняют следы от прошлого — как явление массовое, типичное, можно предположить, что и «обмен» землями, следствием которого было (почти как правило) присвоение монастырем (и частными лицами) земель аллодистов, было явлением массовым, типичным.

Что побуждало людей монастыря прибегать к обмену? Об этом нетрудно догадаться, коль скоро этот «обмен» вел к увеличению территории, принадлежавшей «святому».

Владельцы церковных земель стремились обычно «обменивать» земли так, чтобы получить участки, которые лежали по соседству с их землями.

Об этом говорит еще одна грамота из формул Маркульфа, в которой (даже с упоминанием имен обменивающихся) показано, что аббату монастыря такого-то предоставлена земля, лежащая в местности Марли и граничащая с землями самого аббата⁴.

Монастырю, церкви, «святому», а также и светскому феодалу требовалось расширение границ своих земельных участков за счет земель, прежде всего, лежащих вблизи от земель монастыря, церкви и других феодалов. Они и побуждали местных аллодистов к обмену территориями, а в результате этого «обмена» становились полными владельцами

¹ *Formulae andecavenses.*

² „...absque preajudicium Sancti illius cujus terra esse videtur... (Do m. M. Bouquet. *Recueil des Historiens des Gaules et de la France.* Paris, 1741, t. IV, p. 566).

³ „...insuper multu legis domnum incurrit... (Указ. изд., т. IV, стр. 566).

⁴ Pardessus, *Diplomata, Chartae, epistolae, leges aliquae instrumenta ed res Galla-Francicas spectantia*, t. II, Add. 9. (Form. 697).

данной территории, претендуя и на ту, что была дана в обмен при завершении сделки.

Надо еще раз отметить, что другого исхода (обратного явления при обмене земли, чтобы, например, монастырь или земля «святого» были в ущербе от обмена) ни одна грамота ни в одной из серий формул не дает. Везде процесс перехода земли в руки крупного владельца имеет одну и ту же тенденцию, направленность, что граничит уже с закономерностью.

Есть основание думать, что самый акт «обмена» земель, отраженный в формулах, носил в ряде случаев фиктивный характер, прикрывая собой простую передачу земли аллодистом в руки более крупного землевладельца. Причин для такой передачи (или сначала безвозвратного обмена) у аллодиста могло быть немало: какое-либо обязательство материального характера перед сильным соседом (одолжение муки, семян, земли под пашню, денег, одежды, инвентаря и пр.), «чудесное исцеление от действительного или мнимого недуга, исполнение заветного желания, например рождение сына, спасение от опасности приносили дарения той церкви, чей святой проявил милосердие», — писал Энгельс о росте богатства церкви у франков¹.

К этой же группе причин, побуждающих аллодиста к обмену или дарению, нужно отнести страх перед муками ада, которыми и пугало темных людей алчное духовенство римско-католической церкви, ожидая новых приношений и дарений от верующих.

Формулы, раскрывающие факты о своеобразном «обмене» земель, уже в какой-то степени отражают и «дарения» в пользу церкви, которые тоже нашли себе место в грамотах.

В «дарениях», которые особенно полно представлены в «Полиптике» аббата Ирминона², прямо и незавуалированно говорится о предоставлении церкви тем-то и там-то (с указанием имен лиц) столько земли, виноградника, леса и т. д. (даже с обозначением точных мер длины и ширины дарованных участков).

Любопытно, что большинство «дарителей» церкви земель и угодий (упомянутых в XII «Brevia» «Полиптика») — женщины. Они оказывались наиболее щедрыми для церкви и, видимо, более богобоязненными, чем мужчины, а также, очевидно, больше находились под влиянием духовенства, которое, конечно, использовало в своих целях и страх, и внимание своих послушных «дочерей».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394.

² «Полиптик» относится к IX в., но мы используем те данные в нем о дарениях, которые относятся к более раннему времени.

Но для самостоятельных «дарений» эти «дочери» церкви должны были обладать своим собственным земельным имуществом, а по «Салической Правде» этого земельного имущества (владения, наследства) у франкских женщин не должно было быть (женщины не могли наследовать земли)¹.

Однако среди формул Маркульфа есть одна, в которой устанавливается новая традиция с передачей земельного наследия дочери (т. е. и по женской линии)².

Эта новая традиция, без сомнения, была всемерно поддержана и распространена среди франков духовными лицами, с интересами которых, как нельзя более совпадало введение этого новшества, т. е. наследование земли и женщинами, которые были наиболее щедры в завещаниях земель церкви.

О заинтересованности духовенства в этом новом акте — передачи наследования земель и по женской линии, свидетельствует тот факт, что появился этот акт наследования впервые в формулах Маркульфа (т. е. в VII в.). Формулы же, во-первых, создавались под опекой духовных лиц, а во-вторых, были явлением массового употребления и распространялись только в том случае, если их содержание соответствовало интересам церкви и духовенства.

В данном случае это так и было — и формула Маркульфа № 12 получила широкое распространение у франков, а с нею и практика передачи земельного наследства женщинам.

Дальнейшим шагом, который способствовал укрупнению земельных богатств церкви и светских феодалов, после «обменов» землями, дарений и пожалований были институты: прекария (для церковных земель)³ и коммендации (для земель светских магнатов). Расцвет прекарных отношений и коммендирования себя более сильным людям падает, главным образом, на VIII в., но начало этих институтов следует отнести и к VI—VII вв., когда начинала складываться крупная земельная собственность светских феодалов и церкви, растущая за счет ограбления и различных форм присвоения феодалами земель общинных и аллодиальных.

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIX, 5.

² ...Ideoque per hanc epistolam te, dulcissima filia mea, contra germanos tuos filios meos illos in omni hereditate mea dequalemet legitimam esse constituo heredem, ut tam de alode paterna quam de comparatum vel mancipia aut praesidium nostrum vel quodcunque morient es relinqueremus lance cum filiis meis germanis tuis dividere vel exi quare chaveas... (Capitulare regum Francorum ed. A. Boretius, Hannover, 1883. Formula № 12).

³ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 395 и след.

Подводя общий итог анализу вопроса о хозяйстве франков и росте у них земельной собственности в VI—VII вв., еще раз подчеркиваем, что рост производительных сил в хозяйстве франков этого времени несомненен. С другой стороны, во франкском обществе именно в связи с ростом производительных сил развивается частная земельная собственность — аллод, а на базе дальнейшей эволюции аллода вырос и класс крупных землевладельцев — феодалов¹, господствующий класс феодального общества. Появилось крупное феодальное поместье, основанное на использовании труда крестьян и рабов, прикрепленных к наделу. Феодал, принуждая крестьян к работе на его полях, опирается и на право грубой силы (т. е. внеэкономическое принуждение) и на экономическую зависимость крестьян, вынужденных обращаться к нему за помощью для нужд своего хозяйства.

Однако феодальное поместье, при сравнении его с рабовладельческой латифундией, все же показывает рост производительных сил (особенно в период раннего феодализма). Его несомненное преимущество перед рабовладельческой латифундией в том, что в нем используется труд непосредственных производителей, наделенных средствами производства. В феодальном поместье упрощалась проблема воспроизводства рабочей силы, т. к. она теперь переносилась в сферу крестьянского хозяйства².

«Салическая Правда» в некоторых своих титулах дает намек на наличие крупного хозяйства у франков³. Но крупное концентрированное феодальное хозяйство само по себе не является главным показателем роста производительных сил франкского общества VI—VII вв. Основой его являлось мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Зависимый крестьянин — мелкий производитель надолго становился основным производителем нового феодального общества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392. «...с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени».

² Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. М., 1956, стр. 42.

³ «Lex Salica», tit. X, XII, XXV etc.

Глава III

ФРАНКСКОЕ ОБЩЕСТВО VI—VII вв.¹

Франкское общество изучаемого периода представляет собой сложный комплекс различных людских группировок, положение которых не остается неизменным даже за те два века, на которые обращено внимание исследователя (за VI—VII вв.). Основными группировками франкского свободного общества этого времени принято считать: свободных франков, вергельд которых «Правдой» определялся в 200 солидов (без изменения этой суммы во всех редакциях «Салической Правды»), знатных людей королевства, чья знатность определялась только по признаку приближения к королю, а вергельд устанавливался до 600 солидов; свободных воинов в походе, за убийство которых накладывался тот же высокий вергельд, как за убийство знатного человека (600 солидов); знатных воинов, приближенных короля (королевских антрустионов), за убийство которых следовал самый высокий по «Салической Правде» вергельд—1800 солидов². Этот титул в «Салической Правде» об убийстве антрустиона и высоком вергельде за его жизнь остается неизменным во всех «семьях» и редакциях «Салической Правды»³, передавая этим особый колорит эпохи и общества, в котором дороже всего ценилась жизнь военачальника.

Кроме указанных выше группировок свободных франкских людей, у франков к свободным причислялись еще и римляне, убийство которых хотя и определялось пониженным

¹ По материалам данной главы опубликованы следующие статьи автора: «К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков)». Уч. зап. КФ госуниверситета, 1954, т. IV, вып. 1; «Свободное франкское общество VI—VII вв.» Уч. зап. Карельского пед. ин-та, 1959. В книге глава печатается в сокращенном виде.

² «Lex Salica», tit. LXIII.

³ «Lex Salica», «Paris 4404», I, II, III, IV, V «семьи» рукописей.

вергельдом (100 солидов), но этот пониженный вергельд не свидетельствует о каком-либо ущемлении свободы римлянина¹.

К группам зависимых людей во франкском обществе отнесли литы, волноотпущенники, рабы².

Каждая из перечисленных группировок франкского общества требует особого внимания, а потому остановимся на каждой из них в отдельности. Основную массу франкского общества представляют собой свободные франки («*ingenii*»). Удельный вес их в обществе, судя по «Салической Правде», значителен (и вергельд за убийство солидный — 200 солидов, и в «Правде» франков чаще всего упоминают их имя).

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»

Термин «*ingenius*» упомянут в 23 титулах из 65 (по тексту I «семьи»), кроме того, 50% остальных титулов начинаются со слов «*si quis*» (что тоже касается только свободных, т. к. о рабах и других группах общества сказано особо). Следовательно, есть основания сказать, судя по этим данным, что к моменту составления «Салической Правды» (ссылаясь хотя бы на список «Paris 4404»), свободные франки, т. е. свободные члены общины, составляли подавляющее большинство франкского общества. И это были именно только свободные, а не знать, т. к. о ней говорят другие титулы, в которых упоминается о знати (о приближенных короля, графах, о рахинбургах и т. д.).

Этот вопрос об общественных группировках франкского общества нашел отражение в научной литературе и имеет различные толкования. Фюстель де Куланж абсолютно далек от вывода о наличии, а тем более о преобладании свободных франков. Он говорит, что в «Салической Правде» нигде не встречается слово «*vicus*» (деревня), а везде имеется лишь слово «*villa*», которое он переводит словом «поместье»³.

Далее он замечает, что «некоторые ученые с предвзятым убеждением, будто свободная деревня должна была составлять основу франкского общества, предположили, что в виде исключения слово «*villa*», нигде не имевшее значения деревни, приобрело его в «Салической Правде». Это чересчур смелое предположение. Фюстель де Куланж стремится

¹ См. об этом ниже.

² За убийство лита — вергельд 100 солидов, за убийство раба — штраф 35 солидов.

³ Fustel de Coulanges. L'alleu et le domaine rural. Paris, 1893, p. 240—245.

доказать обратное, а именно то, что основой франкского общества было поместье, а не деревня. «На более чем тысячу двести *«villagium»* мне удалось найти их (т. е. свободных деревень.— Г. Д.) десятков пять, не больше. Такова была, по-видимому, пропорция между деревнями и поместьями»¹. На 1200 поместий—50 деревень: меньше 5% деревень на 100% поместий. Правильно ли это?

Исходя из своего положения о преобладании поместья над деревней, Фюстель де Куланж обрисовывает население поместья так: «На только что рассмотренном нами частновладельческом поместье обитало целое особое население земледельцев—не собственников (разрядка наша.— Г. Д.), среди которых мы должны различать несколько классов людей»², и он перечисляет их: «рабы, вольноотпущенники и колоны», чтобы сказать в заключение:

«В итоге рабство, вольноотпущенничество и колонат перешли из римской эпохи в мерovingскую без всякого существенного изменения»³.

Таким образом, по данным Фюстель де Куланжа устанавливается, что 95% всего населения (т. е. живущего в поместьях—по его наблюдениям) составляют рабы, вольноотпущенники и колоны, и только 5% (см. выше)—свободные крестьяне.

Сравнивая их с очевидными данными, которые дает «Салическая Правда», видим, что данные, которыми оперирует Фюстель де Куланж, совершенно недостоверны. Прежде всего указанное процентное отношение неверно, не подтверждается никакими фактами, о колонах же нет даже упоминания в «Салической Правде». В этом сознается и сам автор «Истории общественного строя древней Франции»⁴, признав, что «ни Салическая, ни Рипуарская «Правды» не говорят о колонах или, по крайней мере, не пользуются этим названием»⁵.

Едва ли «забыла» бы «Салическая Правда» упомянуть о такой крупной категории, как колоны, если бы они действительно имели большой удельный вес в составе населения салических франков изучаемой эпохи.

Более того, сам крупный владелец земельной собственности—владелец поместья, которое, по выводам Фюстель де Куланжа, составляет основу землевладения в тот период, тоже не упоминается в «Салической Правде».

Упоминание о «*possessores*» встречается один раз в текстах «Салической Правды» и то по отношению к римлянам,

¹ Fustel de Coulanges. *L'alleu et le domaine rural*, стр. 266.

² Там же, стр. 329.

³ Там же, стр. 437.

⁴ Fustel de Coulanges. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*. Paris, 1892, p. 434.

⁵ Там же.

а не франкам (см. ниже). Франкский землевладелец еще не нашел отражения в этих ранних списках «Правды».

В противоположность Фюстель де Куланжу, Маурер¹ указывал на то, что у варварских племен в древней общине-марке преобладали свободные общинники — члены общины. Он говорил, что каждый член такой общины владел в самом селении домом и двором, а в полевой марке — равным с другими членами жеребьевым участком (земли).

Далее он находил, что пока сохранялось первоначальное равенство, ни один владелец участка не имел никаких преимуществ перед другими, права всех владельцев были, напротив, совершенно одинаковы². Следовательно, Маурер определенно считал, что основным населением у варварских племен (к которым относились и франки) были свободные общинники. Но он же замечает, что «после завоевания римских провинций и по другим причинам исчезло первоначальное равенство, и землевладение перешло в руки сравнительно немногих»³.

Определяя таким образом время возникновения неравенства, признавая связь между варварским завоеванием и образованием крупных поместий в завоеванных областях, Маурер, однако, недостаточно оценивает и показывает значение социальной борьбы в общине и с общиной. Этот вопрос его не интересует. Нас же, наоборот, он крайне интересует, и мы это постараемся проиллюстрировать в соответствующем месте.

Можно назвать еще целый ряд исследований вопроса о составе населения древней Франции и Германии. Многие из них стоят очень близко к Мауреру. Бруннер, например, считал, что в областях с чисто германским населением широкий слой свободного крестьянства сохранился дольше, чем в областях галло-романских, где численность его уже в IV—V вв. сильно сократилась⁴. Но, следовательно, хотя бы в далеком прошлом, он готов был признать существование свободного крестьянства у франков.

М. М. Ковалевский неоднократно указывал на преобладание свободного общинника во франкском обществе⁵.

Д. М. Петрушевский, в наиболее прогрессивный период своей деятельности, прямо писал о франках: «Основную массу населения составляли простые свободные *«ingenui»*

¹ G. Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadt Verfassung, S. 142.

² Там же, стр. 143.

³ Там же, стр. 144.

⁴ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, S. 285—287.

⁵ М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы, т. I, гл. «Франки».

(разрядка автора), как и у германцев Тацита, с вергельдом в 200 солидов¹.

А. Д. Удадьцов («Свободная деревня в Западной Нейстрии»)² отмечает наличие у франков, наряду с мелким крестьянином, обрабатывающим землю лишь силами своей семьи, «более крупного, который, сам обрабатывая землю, пользуется в то же время помощью немногих дворовых рабов или несвободных, посаженных на землю, а его хозяйство уже приближается к хозяйству вотчинника, живущего исключительно за счет оброка и барщины своих крепостных».

А. Д. Удадьцовым подмечена уже более дробная дифференциация общества, соответственно более поздней эпохе, которую описывает автор, но даже в этот период он подмечает наличие мелкого свободного производителя-крестьянина, которого «проглядел» Фюстель де Куланж.

Н. П. Грацианский неоднократно подтверждал, что франки были свободные люди, сохранившие родовые связи даже после своего переселения в Галлию. «Надо полагать, что франки, как и древние германцы, селились кровными соединениями — «большими семьями», — писал он в одной из своих последних работ о франках³.

А. И. Неусыхин во всех своих работах, посвященных франкам, указывал на несомненное наличие во франкском обществе свободных франков. В своей последней выдающейся работе, вышедшей в свет в 1956 году⁴, А. И. Неусыхин писал о франках: «Основную массу племени составляют свободные общинники, которые не подвергаются эксплуатации со стороны какого бы то ни было господствующего класса (хотя отдельные общинники и могут вступать в долговую зависимость, главным образом, от агентов королевской власти»⁵.

ЗНАТНЫЕ

В ранних списках «Салической Правды», где отражен более ранний период истории франкского общества, этот свободный франкский общинник особенно ярко выделяется в титулах «Правды», как было подмечено нами выше. Что касается франкской знати, то по свидетельству тех же источ-

¹ Д. М. Петрушевский. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907—1908.

² А. Д. Удадьцов. Свободная деревня в Западной Нейстрии. Журнал Мин. нар. просв. за 1912 г. (октябрь—ноябрь).

³ Н. П. Грацианский. К толкованию термина «villa» в «Салической Правде», стр. 19, 74.

⁴ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков.

⁵ Там же, стр. 122.

ников, она имеет своеобразный характер. Это преимущественно представители служилой знати при дворе: дружина, должностные лица, приближенные короля.

Другого признака «знатного человека», кроме близости его к королю или службы ему (т. е. по существу, еще признака, которым отличался дружинник от недружинника в более раннюю эпоху), «Салическая Правда» в ранних списках еще не успела отразить. Хотя частная собственность на землю продолжала распространяться (главным образом на землях церкви), но знатность по состоянию еще не нашла себе места в ранних кодексах «Салической Правды»¹. И те пункты и титулы, в которых говорится о знатности франков, о приближенных короля, о повышенном вергельде за их жизнь, составляют весьма незначительный процент в «Правде». Таких титулов, в которых говорится о знати, сравнительно немного. Вот они:

Титул XLI, параграф 3-й: «Если кто лишит жизни человека, состоящего на королевской службе, или свободную женщину, присуждается к уплате 24 000 дин., что составляет 600 солидов»².

Интересно сопоставление со свободной женщиной. Оно указывает на то, что в этом когда-то свободном обществе, где дружинник ценился не выше женщины, способной производить потомство, существовало равенство всех свободных перед законом. Мы это подчеркиваем, т. к. в будущем такое положение изменится.

Титул LIV «Об убийстве графа» (*De grafione occisum*) гласит следующее: «*Si quis grafionem occiderit, XXIV M M din., qui fac. sol. DC culp. iud.*» «Кто убьет графа, должен заплатить за свою вину 24 тысячи динариев или 600 солидов»³. Вергельд тот же.

Здесь граф рассматривается только как состоящий на службе у короля. Вопрос о знатности его происхождения не затрагивается «Салической Правдой».

За другое должностное лицо, за так называемого сацебарона («*Sacebaro*») вергельд тот же, если он из свободных франков, как говорит 3-й параграф⁴, и вергельд понижается вдвое только в том случае, если этот сацебарон из рабов (см. п. 2-й), что значит, тоже иногда имело место.

Приводим 2-й и 3-й параграфы указанного титула (LIV «*Paris 4404*»):

¹ Рано составленные кодексы «Салической Правды» не успели отразить изменений в обществе, происшедших в процессе феодализации.

² *Si uero eum qui in truste dominica fuit aut mulierem ingenuam occiderit mal leodem, hoc est XXIV M din., qui fac. sol. DC culp. iud.*

³ «Салическая Правда», тит. LIV.

⁴ Там же, тит. LIV, III.

«2. Si quis sacebarone aut. obgrafionem occiderit qui puer regius fuit. XII M. din., qui fac. sol. CCC culp. iud.»

«Если кто убьет сацебарона или графского помощника (вицеграфа) из рабов, королевского мальчика (раба), присуждается к уплате 12 000 динариев, что составляет 300 солидов».

«3. Si quis sacebarone qui ingenuus est occiderit, XXIV M din., qui fac. sol. DC culp. iud.»

«Если кто сацебарона из свободных людей убьет, платит 24 тысячи динариев, что составляет 600 солидов».

Во всех приведенных случаях, где в «Салической Правде» повышается вергельд за убийство «знатного», имеется определенная закономерность: за свободного — вергельд 200 солидов, за свободного, состоящего на службе у короля (граф, вицеграф, сацебарон и т. д.) — 600 солидов, за раба, состоящего на королевской службе, — 300 солидов или $\frac{1}{2}$ вергельда свободного человека¹. Наличие неоднократных упоминаний о рабах, состоящих на службе у короля и знати, укрепляет наше суждение о наличии рабского уклада во франкском обществе². В ранних кодексах «Правды» характер королевской службы не дифференцирован еще повышением вергельда за более ответственную службу и более близкое приближение к особе короля, что позже будет иметь место.

Но, сравнивая 1-й и 2-й параграфы XLII титула, мы видим, что опять предпочтение отдается тем, кто состоит на королевской службе (их вергельд в 3 раза больше). Однако других преимуществ, кроме этого, как мотивов для повышения вергельда, мы не находим в «Салической Правде». Это обстоятельство еще раз укрепляет положение о том, что «Салическая Правда» отражает франкское общество, состоящее из свободных людей. Но в этом обществе уже налицо дифференциация, уже выделилась дружинная знать, готовая захватить в свои руки и земли, и власть, готовая превратить свободных общинников в зависимых людей. «Созданная уже экономически основа новой аристократии признается государством, становится одним из правомерно действующих маховых колес государственной машины»³.

Ниже нами показано на примерах, как это происходило.

Продолжаем наш анализ титулов «Салической Правды».

Титул LXIII «Об убийстве свободного человека в походе» упоминает о повышенном вергельде за просто свободного воина, убитого в походе, что оценивается в 600 солидов, а за убийство воина, состоящего на королевской службе, — в три раза дороже, т. е. 1800 солидов. Данный титул имеет место

¹ «Салическая Правда», тит. LIV.

² О положении рабов см. работу автора «К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков)».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 403.

во всех списках «Салической Правды»¹. За время похода существует как бы усиленная охрана воинов, что выражается в утроенном вергельде за их убийство.

Но характерно, что и здесь соотношение между вергельдом просто свободного общинника (*ingenuus*) и состоящего на королевской службе (как говорит закон) остается тем же (1:3). А знатность и в этом случае определяется только тем, служит он королю или не служит. Но, по-видимому, иерархия королевской службы (т. е. выполнение должностей) еще не отражена в законе, т. к. все королевские должностные лица, как видно из указанных титулов, оцениваются одинаковым вергельдом — в 600 солидов². Отражена только военная служба. Вергельд за воина в походе увеличивается в три раза (а за воина, приближенного к королю, за антрустиона еще увеличивается). По-видимому, в этом закон («Правда») отразил еще следы существовавшей когда-то военной демократии у франков, пришедших в Галлию, хотя к тому времени, когда писалась «Правда», у франков уже было государство. Но вместе с тем, это может служить и отражением уже новых отношений во франкском обществе, в котором королевская власть, опираясь на военную силу, могла осуществлять функции, свойственные классовой государственной власти (завоевания, подавление сопротивления внутри государства и т. д.).

Очень характерно, что в «Правде» ранних редакций нет указания на влияние церкви и церковнослужителей (впоследствии крупных землевладельцев). Это говорит, во-первых, о том, что влияние их было еще незначительно, а во-вторых, и о том, что это влияние не нашло еще отражения в кодексах «Правды». В более поздних рукописях³ появляется несколько указаний на вергельд за убийство епископов, священников.

В этом появлении, а потом увеличении вергельда за убийство священников в более поздних рукописях сказывается уже влияние распространившегося христианства и усилившегося влияния церкви, и это подтверждает предположение о том, что при составлении новых списков «Салической Правды» это влияние отсутствовало, т. е. говорит за правильность предположения, что первые списки «Салической Правды» можно отнести к концу V или началу VI в., когда церковь еще не успела захватить в свои руки монополии на участие в составлении законов и вмешательство в дела государства.

¹ Но в «Эмендате» он стоит под № LXVI.

² Обратим внимание на эту особенность и в «Правде» русской, где тоже нет дифференциации виры по должностям. Напр., «Русская Правда» («Пространная Правда»), ст. 1: «За княжа мужа и тиуна княжего — 80 гривен».

³ «Салическая Правда», III «семья», «Герольдина», «Эмендата».

Из приведенных пунктов титула LV (прибавл. 5, 6, 7)¹ можно видеть, что вергельд, взимаемый за убийство служителей религиозного культа, чрезвычайно высокий². Как видим из титулов «Правды», он равняется 300 солидам (за дьякона), 600 солидов (за пресвитера) и 900 солидов (за епископа). Последнее указание относится к IX в.

Все это говорит за усиление власти и значения церкви в государстве и за тесную связь, которая существовала между церковью и королевской властью — между светскими и церковными землевладельцами. Хотя в этот период, как мы уже говорили, в основном вергельд зависел не от величины земельного надела убитого человека и не от значения занимаемой им при дворе должности (все приближенные к королю люди имели вергельд в 600 солидов), однако зародившаяся иерархия в уплате вергельда у франков проявилась раньше всего в отношении служителей церкви, т. к. вергельд епископа (900 солидов) выше, чем вергельд священника (600 солидов), а вергельд священника в свою очередь, выше вергельда дьякона (300 солидов).

Этот текст появляется только в III «семье» «Салической Правды», где он стоит под особым титулом LXXII — «De presbiteris vel diaconis interfectus»³.

Списки III «семьи» появились почти на два века позднее, чем списки «Paris 4404»; они отражают новые взаимоотношения в обществе франков.

Вместе со списками III «семьи» появляется в «Салической Правде» определение вергельда, основанное на иерархии церковных должностей. Но крупная церковная должность, как правило, соответствовала и крупному землевладению.

АНТРУСТИОНЫ И РЯДОВЫЕ ФРАНКСКИЕ ВОИНЫ

«Салическая Правда» выделяет особо дружинников-антрустионов⁴. Уже во времена Тацита германский воин выделялся из общей среды общинников. Тацит подчеркивал привилегированное положение воинов в обществе древних германцев, описывая их образ жизни, в котором не находилось

¹ «Lex Salica», tit. LV, Add. 5, 6, 7.

² «Lex Salica», III «семья», tit. LV, Add. 5. «Si quis praesbiterum interfecerit, XXIV M. dinarios qui faciunt solidos DC culpabilis iudicetur»; «Lex Salica», III «семья» et «Emendata», tit. LV, Add. 6. «Si quis diaconum interfecerit, XII M. dinarios qui faciunt solidos CCC culpabilis iudicetur»; «Lex Salica», «Emendata», tit. LXVII, Add. 7. «Si quis episcopum interfecerit D CCCC solidus culpabilis iudicetur» (последнее встречается только в «Эмэндате»).

³ III «семья» (или группа C, по Экхардту) имеет текст «Lex Salica» в 99 и 100 титулов.

⁴ «Lex Salica», tit. XLI, 3; tit. XLII, 1; tit. LXIII, 2; Capitul. II.

места для мирных занятий земледельческим хозяйством или скотоводством¹. Тацит сообщает, что если данное племя не находилось в состоянии войны, то воины могли наниматься к соседнему герцогу (вождю)² и вести войну под его начальством с другим народом³.

Тацит подчеркивает особое положение дружинников-воинов у германцев и некоторое подчинение им со стороны своих соплеменников и других народов, особенно тех, кто почувствовал на себе силу этой дружины, был побит в боях с воинами-дружинниками данного племени.

Тацит в этом случае прямо упоминает о дарах, приносимых вождям («*principes*») и дружине от людей своего племени в виде быков и земных плодов для удовлетворения нужд воинов⁴, и о подарках, приносимых соседними племенами (отборных боевых лошадей, ценного орудия, украшений)⁵. Все это говорит о несомненном выделении воинов-дружинников в особую группу людей у древних германцев, о знатности по праву военной демократии, по праву силы и военной доблести, подчеркивая именно эти качества воина, а не его родовитость.

Еще в записках Цезаря о Галльской войне показано, что военная служба у германцев выполняется всеми свободными мужчинами попеременно (у свевов — одни воюют, другие остаются дома, а через год они меняются)⁶. В описании Тацита это право свободных германцев на участие в военном деле нашло подтверждение в описании народного собрания, в котором принимают участие все вооруженные воины⁷. У салических франков, вступивших в Галлию, это право тоже не оспаривается. Для каждого свободного воина («*gemeinfreie*») защита его страны — и право и обязанность⁸.

Но, как мы подметили выше, уже во времена Тацита началась у германцев некоторая дифференциация общества и выделение воинов в особую и привилегированную группу, которая предпочитала состояние войны мирным занятиям и видела в войне источник накопления богатств⁹.

В «Салической Правде» на первое место выступает государство и интересы королевской власти (что тоже вполне закономерно для этого периода). В пользу короля поступают и различные штрафы за проступки, отраженные «Сали-

¹ Tacitus. *Germania*, XV.

² Dux, princeps.

³ Tacitus. *Germania*, XIV.

⁴ Tacitus. *Germania*, XV.

⁵ Ibid.

⁶ Caesar. *De bello Gallico*, IV.

⁷ Tacitus. *Germania*, V.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 409.

⁹ См. выше в данной главе.

ческой Правдой». Королевская власть опирается на силу воинов, на силу дружины, и дружинники (антрустионы) не могут не занимать первого места в государстве, что и отразил закон франков, установив повышенный вергельд за убийство антрустиона¹, отделив тем самым воина от мирного человека и явно выделяя воинов.

«Рипуарская Правда», реже упоминающая об антрустионах, содержит однако титул², повторяющий титул «Салической Правды» о тройной вине за убийство человека в походе. «Салическая Правда» не дает такого красочного богатого материала о положении дружинников-воинов у франков, какой дается в «Германии» Тацита. Ни о вооружении дружинника-антрустиона, ни об условиях его службы нет упоминаний в «Салической Правде». Его привилегированное положение в обществе франков проступает наружу только по наличию в «Правде» утроенной вины за жизнь антрустиона. Чтобы вскрыть некоторые черты, присущие жизни и быту антрустионов во франкском обществе, нужно прибегнуть к некоторым другим источникам. Во-первых, следует еще раз внимательно познакомиться с описанием одежды и вооружения германского воина, данным Тацитом. Не так уж много истекло времени с I по V в. н. э. и не так высока была техника военного дела у франков, чтобы могли произойти радикальные изменения в вооружении воина эпохи, описанной Тацитом, и эпохи составления «Салической Правды».

Тацит писал о том, что дружинники-воины германцы его времени редко пользовались мечом или длинным копьем (из-за скудости железа), а употребляли дротик с узким и коротким железным наконечником. Это оружие они именовали фрамеей (framea)³ и пользовались им с большим искусством, сражаясь им и в рукопашном бою и издали посылая его в грудь или спину врага. Важным средством защиты от ударов врага служит щит (по преимуществу деревянный)⁴.

«Рипуарская Правда», однако, в своем перечислении предметов, которые требовали уплаты известным количеством голов скота, упоминает: «Меч с ножнами — 7 солидов (или 7 коров), меч без ножен — 3 солида (или 3 коровы), хорошая броня — 12 солидов (или соответствующее число коров)», шлем кожаный, разукрашенный — 6 солидов, хорошие набедренники — 6 солидов, щит с копьем — 2 солида»⁵.

¹ См. выше «Lex Salica», tit. XLI, XLII, LXIII etc.

² «Lex Ribuaria», tit. LXV, 1.

³ Tacitus. Germania, VI.

⁴ Ibid.

⁵ «Lex Ribuaria», tit. XXXVIII, 11.

Едва ли «Рипуарская Правда» стала бы упоминать те предметы вооружения, которые не имели прямого отношения к франкским воинам-дружи́нникам. Из этого можно, следовательно, заключить, что вооружение франков эпохи составления Салической и Рипуарской «Правд» обогатилось по сравнению с тем, что описывал Тацит о вооружении германцев такими средствами вооружения, как меч, кожаный шлем, набедренники. А щит значительно усовершенствовался¹.

Григорий Турский упоминает еще и боевой топорик, который воин носил обычно за поясом, употребляя его и острой и тупой стороной, смотря по надобности. Он же упоминает и о стрелах с колчаном².

Из книги Салена³ мы выяснили, что кроме этого топорика («franciskii») франкский воин имел еще и щит не только деревянный или кожаный, но и обтянутый металлом и разнообразное количество ножей («scramassaki»).

Любопытно установить и характер франкского войска и его построение. У Григория Турского мы находим упоминание о том, что у франков в его время была конница⁴.

О боевом строе германцев тоже неоднократно упоминал Тацит, указывая, что их главная сила — пехота, а вооруженная конница целиком согласует свои действия с пехотой. Отряды германцев, как говорил Тацит, строились из комбинарованного состава воинов (пехота и конница)⁵, имели определенное число воинов — по сто человек из каждого населенного округа. Такой отряд по числу воинов именовался сотней. А так как этот отряд набирался в определенном округе, то мы вправе предположить, что и сам округ стал именоваться сотней по имени своего отряда. В работе Энгельса «Марка» есть указание на то, что германцы (в том числе и франки), совершая свои завоевания, строились в отряды (или клинья) по родовому принципу, представляя (особенно в первое время) группы родственников, сражавшихся вместе плечом к плечу⁶. Расселение на новых местах тоже происходило по такому же принципу. «Более крупным группам, близким по родству, доставался определенный округ, в пределах которого опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села. Несколько родственных сел составляли сотню...⁷ И в характеристике Энгельса, данной в «Мар-

¹ См. текст и рисунки во II гл.

² Greg. Turon. Historia Francorum, II, 27.

³ См. выше во II главе.

⁴ Ibid.

⁵ Greg. Turon. Historia Francorum, II, 28; IV, 30; VIII, 45.

⁶ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 629.

⁷ Там же, стр. 630.

ке» поселениям германцев на новой территории, отмечено сочетание понятий «сотня» как «округ» и как «военное подразделение».

Первоначальное значение слова «сотня» как военная единица постепенно утратилось после перестройки армии франков, в которой родство перестало иметь значение. Другое значение этого слова «сотня» как «о к р у г» уцелело и позже.

Новые условия, в которые попали франки после завоевания ими Галлии, включение всех их, как непосредственных производителей, в сельское хозяйство и общинные порядки марки в этом хозяйстве, требующие участия в нем всех взрослых мужчин, оказывают несомненное влияние на их отношение к войнам и участию в них. Ф. Энгельс в работе «Франкский период» убедительно показал на основании источников, что свободные франкские люди, общинники (*Gemeinfreie*) в первый период существования молодого государства имели и право и обязанность лично защищать свое отечество, участвуя для этого в народном ополчении. Но с течением времени, при наличии разорительных войн франкских королей, это право свободных франков участвовать в войнах стало для многих из них слишком разорительным¹. Нам представляется, что, кроме того, затрудняло несение военной службы при этом и выделение из общины малой семьи, требующей непосредственного участия в хозяйстве каждого взрослого человека, а особенно мужчин данной семьи. Не случайно источник² в своих титулах сохранил следы того факта, что военная служба франков, становясь для них все более обременительной, вызывает у многих из них желание освободиться от нее, не явившись по зову короля на эту службу. Чем позднее датирован титул Салической или Рипуарской «Правд» (или добавлений к ним), тем более часто встречаются в нем указания на наказания за неявку воина на сбор, в поход, на некоторое игнорирование приказа короля³.

Судя по исследованным источникам, франки, вторгаясь в Галлию, обладали большой военной силой, позволившей им не только победить римлян, но и одолеть другие варварские народы. Военная сила франков, при их приходе в Галлию, составляла силу всего франкского народа, взявшегося за оружие. Но, осев на земле римлян, франки в большинстве своем перешли к мирным занятиям (как мы выше уже отметили), поднимаясь в поход только по призыву короля⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 409.

² «Салическая Правда».

³ «Салическая Правда», тит. I, XXXIX, 2.

⁴ В «Хронике» Григория Турского неоднократно упомянуты эти призывы (см. ниже).

Однако какая-то часть дружины вместе со своими военными вождями должна была со временем составить костяк франкского войска, его основу. А военное дело становилось для них своего рода специальностью. Вот эта-то, собственно, привилегированная часть королевских дружинников, обязанных королю личной службой при нем, и отражена в «Салической Правде» под именем антрустионов — королевских телохранителей. Они были лично связаны с королем, давали ему присягу в верности, которую произносили с оружием в руках. Антрустионы «Салической Правды» в какой-то степени родственны дружинникам Тацита, являясь как бы их преемниками, но они служат только королю, как это отмечает «Салическая Правда». Новый государственный порядок, отраженный в документах эпохи, представляет право в этот период только королю иметь своих антрустионов, в какой-то степени обеспечивая единство власти в государстве. Вопрос о положении и происхождении антрустионов неоднократно дебатировался в научной литературе. Большинство исследователей признает родственность понятий «антрустион» и «древнегерманский дружинник», т. е. считает антрустионов чисто германскими воинами¹. Но некоторые из буржуазных историков склонны этот термин (а следовательно, и фигуру антрустиона) вывести из римской эпохи, отождествляя антрустиона с наемным римским солдатом². Эта версия не находит подтверждения в источниках, а поэтому может быть нами отброшена.

Итак, антрустионы в меровингское время — особые, более или менее постоянные королевские телохранители, воины, образующие между собой нечто вроде союза или корпорации, несколько замкнутой по своему характеру. Их жизнь закон охраняет тройной вирой, как жизнь королевских сотрапезников или приближенных к королю лиц³. Во время войн эта тройная вира, уплачиваемая за убийство антрустиона, как королевского приближенного, утраивается еще раз и доходит до баснословной суммы — 1800 солидов⁴. Во время войны сумма виры, уплачиваемая и за убийство обыкновенного рядового воина, свободного франка, тоже утраивается, доходя до 600 солидов⁵.

Антрустионы, представляющие собой в совокупности нечто вроде военной корпорации при дворе короля, связаны

¹ P. Roth. *Geschichte des Beneficialwesens*.

² P. Guilhaumes. *Essai sur l'origine de la Noblesse en France au Moyen Age*. Paris, 1902, s. 71.

³ «Lex Salica», tit. XLI, 3. Capitul. II, 8.

⁴ «Lex Salica», tit. LXIII, 1.

⁵ Ibid, tit. LXIII, 2.

между собой и некоторыми обязательствами. Об этом нетрудно узнать, анализируя один из капитуляриев к «Салической Правде»¹. В этом капитулярии такими бесконечными формальностями сопровождается «дело», которое один антрустион затевал против другого, что сразу становится ясным, что между антрустионами не приняты распри, суды, тяжбы и т. д. А в одном из пунктов² того же капитулярия к «Правде» прямо сказано: «Если антрустион поклянется против антрустиона, повинен уплатить 15 солидов»³. Ни одна группировка общества салических франков не имела такой внутренней спаянности, как данная корпорация антрустионов.

Эта внутренняя спаянность санкционировалась, даже более того, предписывалась, регламентировалась законом салических франков, видимо, в интересах той же господствующей власти, которая предпочитала не допускать ссор и междоусобий между антрустионами, призванными укреплять силу и единство королевской власти.

Антрустионы, как телохранители королей при франках эпохи Меровингов, были единственной, постоянно действующей военной силой в государстве. Остальная армия франков не была постоянной. Народное ополчение собирали по мере надобности, в ожидании неприятельских походов или нападений. Призыв в армию свободных простых людей — франков происходил обычно ежегодно весной через графов и других военачальников⁴. Во главе франкского войска стояли или сами короли, или их мажордомы. Обычно такая армия, созданная из народного ополчения, к зиме распускалась. Каждый идущий на войну франкий воин должен был одеть, вооружить и кормить себя сам. Но в конечном счете прокорм и содержание войск ложились тяжким бременем на плечи тех же крестьян, общинников, особенно тех, которые проживали на местах стоянки войск.

Помимо регулярных военных сборов народного ополчения у франков, происходивших обычно весной, имели место и сборы экстренного характера. Обычно такие военные сборы бывали вызваны угрозой нападения со стороны соседей или алчными агрессивными намерениями королей, правителей франков. Особенно часто такие экстренные сборы франкских войск наблюдаются при сыновьях и внуках короля Хлодвиг.

¹ «Lex Salica», Capitul. II, 8.

² Там же, 8, 3.

³ Ibid («Si antrustio antruscione iuraverit, XV solidos culpabilis iudicetur»).

⁴ P. Roth. Geschichte des Beneficialwesens, S. 178.

Григорий Турский неоднократно упоминает в своей «*Historia Francorum*» о созывах таких экстренных ополчений у франков. У него есть упоминания о сборах, производимых на территории всего королевства франков, и есть упоминание о войске, созванном на территории отдельных провинций. Так, например, он упоминает о короле Гунтрамне, который созвал большое войско со всего королевства франков¹. Хильперих же, собираясь в поход на Бретань, созвал в свое войско мужское население только двух провинций: Пуатье и Тура². Тот же Григорий Турский рисует в своей хронике порядок созыва войска королем, который в случае войны приказывал графам объявить по округам о созыве воинов и следить за их явкой³.

Обычно при Меровингах сам граф должен был стать во главе собранного им войска и вести его по приказу короля на определенный город или область. Григорий Турский упоминает о таких графах, собравших войска франков и направивших их в различных направлениях⁴ в угоду своим королям.

Григорий Турский упоминает даже о таком случае, когда войско собрано было только в одной провинции (в Бурже) и брошено в битву. В этом случае приведены даже численность этого войска и количество убитых воинов. Григорий Турский исчисляет число людей отряда в 15 тысяч человек, а число убитых — в 7 тысяч человек⁵.

Это единственное место в хронике Григория Турского, где упомянуто о численности франкского войска, хотя бы в одном из его отрядов. Основываясь на этом указании, можно предположить априорно, что численность всего франкского ополчения могла быть весьма значительной. Но, судя по данным той же хроники Григория Турского, это войско не было достаточно надежным и боеспособным. Григорий Турский приводит многочисленные факты, характеризующие плохую дисциплину в войске франков, случаи панического бегства с поля боя и полную непопулярность среди воинов франков их военачальников — графов, герцогов и даже королей⁶.

В одной из глав своей хроники Григорий Турский приводит даже факты о случаях возмущения в войске франков,

¹ Greg. Turon. *Historia Francorum*, VII, 24 («*Rex Huntranius com-motis Gentibus regni sui magnum Junxit exercitum*»).

² Там же, V, 26.

³ Там же, VI, 19.

⁴ Там же, IV, 30; VI, 30; VII, 12; VII, 29; VII, 38 etc.

⁵ Там же, VI, 31.

⁶ Там же, IV, 49, 56; VIII, 30. Судя по этому пункту хроники, во главе войска стояли и военачальники и герцоги.

если применялось наказание за какую-либо вину или нарушение дисциплины¹.

Все эти случаи неповиновения властям, нарушения дисциплины в войске (доходящие до повального бегства воинов, как было под Каркассоной)², возмущения при наказаниях, уклонения от военной службы³ показывают на основании документов не только полную незаинтересованность простых людей — франков в несении ими военной службы, но и полное отвращение их к этой службе, разорение их военной службой. Не помогают в наборе войск и назначенные королем за уклонение от военной повинности высокие штрафы и пени⁴, доходящие до 60 солидов с тех, кто не явится по зову короля в войско.

Это очень симптоматично и свидетельствует о том, что рядовые франкские воины, крестьяне, разоренные войнами, которые вела меровингская знать, и испытывавшие на себе уже зародившееся имущественное неравенство, не в состоянии были нести бремя военной службы и стремились любой ценой (даже путем лишения свободы) избавиться от этой обязанности. Они уступали свои земли тем, кто давал им гарантию избавиться от военной службы, будь это церковный или светский землевладелец. Уступив земли патронам, они становятся зависимыми от этих патронов. В числе патронов могли быть и антрустионы — королевские дружинники, получавшие от короля земельные пожалования — дарения.

О наличии этих дарений упоминает Энгельс в «Марке», указав, что франкские короли, завладев огромными земельными пространствами, принадлежавшими всему народу, расточительным образом раздаривали их «...своей придворной челяди, своим военачальникам, епископам, аббатам»⁵.

Таким образом, из анализа наших источников можно сделать заключение, что когда-то однородный состав воинов-дружинников германцев времен Тацита и военной демократии стал у франков времен Меровингов расслаиваться, как и все франкское общество. Мы находим военную знать — антрустионов короля, занимавших явно привилегированное положение в обществе, и рядовых воинов, состоявших из простых свободных людей (*Gemeinfreie*).

¹ Greg. Turon. *Historia Francorum*, VIII, 30.

² Там же.

³ Там же, V, 26; VII, 42.

⁴ Там же, VII, 42; V, 26.

⁵ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 638.

Чрезвычайно интересны пункты титулов «Салической Правды», которые написаны о римлянах. На них следует обратить внимание. Мы не говорим здесь о всем известных фактах, над которыми так много поломано копий у исследователей вопроса, т. е. о разнице в вергельде франка и римлянина. Может быть, здесь можно согласиться с предположением Бруннера, а именно: пониженный вергельд за убийство римлянина можно объяснить тем, что он не являлся членом общины, и следовательно, за него не оплачивалась одна треть в пользу общины¹.

Но дело не в этом. Нас интересуют другие пункты о римлянах, а именно: 6-й и 7-й в том же титуле XLI «De homicidis a contubernio factus».

В пункте 6-м сказано: «Если лишит жизни римлянина — землевладельца (*«Romano possessorem»*) и не королевского сотрапезника (*«et conviva regis non fuerit»*), уплачивает 4000 динариев, что составляет 100 солидов». И дальше пункт 7-й: «Если лишит жизни римлянина, который платит подати, уплачивает 63 солида». «*Si uero Romanum tributarium occiderit, sol. LXIII culp. iud.*»

Ценнейшее указание на то, что крупными частными землевладельцами и лицами, которые платили подати в эпоху завоевания Галлии франками, могли быть только римляне. Только о них это и сказано в разных кодексах «Салической Правды», которая констатирует сложившиеся в ту эпоху отношения между франками и римлянами. О простых людях, свободных франках, их основной законодательный памятник, в ранних списках, об оплате ими налога не сообщает, как не говорит и об их землевладении. Следовательно, можно полагать, что они не были еще тогда ни собственниками-землевладельцами, ни плательщиками податей и налогов. При своем вступлении в Галлию они были свободными общинниками, получавшими свой земельный аллод. Укрупнение земель в руках знати и превращение их в полную собственность начинаются несколько позднее².

Характеризуя в данной главе положение различных групп меровингского общества и отношение государства к ним, следует внимательно присмотреться к группе римской знати, которая тоже сохранила значительные привилегии в государстве франков. Эта группа землевладельческой знати имеет некоторую специфику в данном обществе, так как принадлежит к группе нефранкской знати, а сохраняет свое положение от прошлой рабовладельческой эпохи.

¹ H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, S. 427—442.

² Напр., Capitulare IV к «Lex Salica» упоминает о мсгущественных людях, владевших землями по разным местам (Capitul. IV, 12).

Постараемся, насколько это возможно, раскрыть положение этой знати. Так как в данном изучаемом обществе франков все привилегии в обществе приобретались в связи с приближением к особе короля и король же одарял земель, земельными владениями и богатствами эти господствующие группы, то, видимо, знать обладала и землями.

А вопрос о римской знати нужно ставить как вопрос о римском землевладении при франках эпохи Меровингов, так как римляне и не теряли своих исконных владений при франках.

Галло-римское землевладение при франках слабо отражено в документах меровингской эпохи. Для анализа качества и размеров этого землевладения приходится прибегать к таким наблюдениям над источниками¹, которые не прямо дают ответ на затронутый вопрос, а дают его путем сопоставления данных, их сравнительного анализа и т. д.

С этой целью рассмотрим некоторые ранние кодексы «Салической Правды». Во-первых, припомним то, что парижская рукопись «Салической Правды» показывает о римлянах-землевладельцах². Только о римлянах «Салическая Правда» упоминает как о землевладельцах. О франках она нигде этого не говорит. В то же время «Салическая Правда» упоминает о некоторых землевладельческих хозяйствах³, которые обслуживались по преимуществу рабами.

В указанном титуле «Правды» говорится о наказаниях за похищение из хозяйства рабов, имеющих специальность⁴.

Как видно по специальностям указанных рабов, хозяйство могло быть значительным. Судя по тому, что «Салическая Правда» упоминает на первых порах только о римлянах, как о землевладельцах, можно предположить, что среди владельцев упомянутых в «Правде» хозяйств были римляне, сохранившие свои земли и хозяйства и при франках. Римляне, владевшие землями, держали для обслуживания хозяйства рабов, среди которых «Правда» упоминает и садоводов, и виноградарей, и поваров, и конюхов, и золотых дел мастеров и т. д. Но, как известно, и франкская знать, получая от короля земли, могла по примеру римлян, заводить у себя крупные хозяйства, которые должны были обслуживаться зависимым населением. Это предположение, имеющее под собой основание, отраженное в титулах

¹ «Lex Salica» et Capitularae.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XLI, 6.

³ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXXV, 6.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXXV, 6. «Si quis vasso ad ministerium aut fabrum ferrarium vel aurifice aut porcario vel vinitorem aut strato-rem furaverit aut occiderit cui fuerit adprobatum, MCC dinarios qui faciunt solidos XXX culpabilis iudicetur».

«Правды»¹, помогает нам лучше раскрыть характер самого общества, земельной собственности в этом обществе и конкретнее представить себе моменты синтеза двух миров, происходившего после поселения франков в Галлии. Ведь кроме разницы в вергельде за убийство франка и римлянина, приближенных короля, «Салическая Правда» ничем не выявляет различий между франкскими и римскими знатными людьми. Как те, так и другие, являясь приближенными короля, могли получить от него (и получали) земельные пожалования. Как те, так и другие, имели свои земли. Римляне, видимо, сохраняли в какой-то степени свои прежние хозяйства и, как опытные землевладельцы, они со многим в агротехнике знакомили франков, не имевших еще опыта хозяйствования. Есть некоторые указания в литературе на наличие сохранившихся у галло-римлян земель и при наличии варваров. Г. Блок пишет: «... на развалинах государства возросла та земельная аристократия, которая наряду с церковью устояла после падения империи...»² Тут говорится о римской аристократии, устоявшей при натиске варваров и сохранившей землевладение. То же сказано и о церкви. Следует прибавить и еще некоторые положения того же автора по тому же вопросу, а именно: «Описания Авзония, Павлина Пеллейского, Сидония Аполлинария дают нам представление об этих резиденциях и о жизни, которую там вели. Правда, последние два писателя принадлежат уже к V в., но нравы аристократии не изменились от соприкосновения с варварами и поместье сохранило прежний вид»³. Автор говорит о сохранившихся при франках поместьях римской знати.

Есть свидетельства о том, что к поместьям галло-римской знати, кроме господского дома и земель, принадлежали: службы, жилища рабов (кухня и темница для них), риги, амбары, погреба для масла и вина, мельница, печь, давяльня, мастерские, кузницы и т. д.⁴

«Салическая Правда» неоднократно упоминает о такого типа хозяйствах⁵. Некоторые из них могли принадлежать и галло-римлянам. В этих хозяйствах ход жизни, по мнению буржуазных историков, оставался без изменений. Но эта кажущаяся неизменность жизни в действительности не могла таковой надолго оставаться. Перемены, происшедшие в обществе, сказались, конечно, и на галло-римском землевладении. Галло-римлянам приходилось, во-первых, все время сталки-

¹ «Lex Salica», tit. XLI, 6.

² Общая история европейской культуры, под ред. И. М. Гревса и др. 1913, стр. 267.

³ Указ. соч., стр. 268.

⁴ Там же.

⁵ «Lex Salica», tit. X, XI, XIV, XVI, XXXV, XL etc.

ваться с пришельцами-франками, которые, если не теснили римлян так, как лангобарды теснили их в Италии¹, то в какой-то степени вносили новое в их жизнь. Новым было, во-первых, наличие общинных поселений, основанных в Галлии франками, во-вторых, некоторое ущемление в земельных владениях галло-римлян при поселении там франков. Правда, в литературе упорно отстаивается мнение о том, что разделов земель между галло-римлянами и франками не происходило², т. к. франки были удовлетворены при поселении землями фиска и пустующими землями. Новое, наконец, было в том, что основным производителем эпохи стал не раб, с которым привык иметь дело галло-римлянин до V в., а свободный франк. Это как-то должно было менять и положение рабов в поместьях галло-римлян, ибо рабский труд в том виде, как он применялся в рабовладельческом обществе, уже стал непроизводителен³. Но общение с римлянами, в свою очередь, влияло и на франков и на их образ жизни.

Помимо того, что после прихода франков в Галлию там оставалась римская частная собственность на землю, как и собственность церковная, которая зародилась задолго до прихода франков в Галлию, у римлян нужно еще отметить и среднее и мелкое землевладение, тоже сохранившееся со времен Рима. Об этом прямо говорит «Салическая Правда» в своих титулах, отмечая не только «*gotanes possessores*», но и римлян, которые платят налоги⁴.

Эти «средние» римляне тоже владели и землями и каким-то имуществом. Видимо, о таких римлянах свидетельствуют Анжерские формулы, в которых говорится о различных формах обмена земельной собственности (не крупной) и дарении в пользу частных лиц. Так, например, Анжерская формула № 46⁵ свидетельствует о дарении, которое производит некто (среднего достатка) в пользу своей невесты. Из перечня объектов можно усмотреть, что хозяйство человека, отраженное в данной формуле,—невелико. Тут прямо говорится о скудном достатке, о части дома, которая уступается невесте женихом, об одежде, сосудах, дворовых рабах, овцах, свиньях, телятах и т. д. Но наряду с этим упоминается и о земле, поле и лесе⁶ (тоже, видимо, незначительных размеров). О том, что здесь речь идет о римлянах, свиде-

¹ См. у А. И. Неусыхина статью о лангобардах. Сб. «Средние века», т. II, М., 1946.

² Там же.

³ См. нашу работу «К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков)».

⁴ *Si vero Romanum tributarium occiderit, sol. LXIII culpabilis iudicetur.* «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XLI, 7.

⁵ Monum. German. Historica, Formulae, Ed. St. Balusius, 1677, t. II, № 46.

⁶ Указ. формула.

тельствует то, что упомянут римский закон, по которому живут данные люди. Но эти упомянутые среднего достатка галло-римляне тоже зависят от церкви, т. к. их земли расположены на землях «святого», который, видимо, и их не оставляет в покое своими «милостями». Данная формула, как и приведенные титулы «Салической Правды», свидетельствует о том, что во франкском государстве в VI—VII вв. сосуществовали и знатные франки, и знатные римляне, а также среднего состояния и римляне и франки, владевшие какими-то аллодами, свободное отчуждение которых у франков сдерживалось еще старыми обычаями, отраженными в законе¹.

С точки зрения закона франков все эти группы земельных собственников пользовались одинаковыми правами, если не считать ограничений в передаче аллода, упомянутых «Салической Правдой».

Это, с одной стороны, создавало некоторое единообразие в земельных владениях галло-римлян и франков, с другой стороны, еще более способствовало разложению франкской земельной общины, для сосуществования которой создавались все более неблагоприятные условия. Это отмечено Энгельсом в работе «Марка», где он писал, что «...завоевания привели германцев в римские области, где много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной) и где завоеватели, при своей малочисленности, не могли совершенно уничтожить так глубоко укоренившуюся форму владения»².

Все это в совокупности и вело к быстрому разложению общины у франков и укреплению аллодиальной, а потом и феодальной собственности.

Из несвободных членов франкского общества упомянем о литах, вольноотпущенниках и рабах.

ЛИТЫ

О литах «Салическая Правда» упоминает в ряде титулов³. Фигура лита выступает в «Правде» несколько обособленно. Лита, судя по «Салической Правде», нельзя полностью отнести ни к группе свободных, ни к группе рабов. К свободным франкам лит не может быть отнесен, т. к. «Правда» неоднократно упоминает о его зависимом положе-

¹ «Lex Salica», tit. LIX «De alodis».

² Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 633.

³ «Lex Salica», tit. XIII, 7 et Add. 1; XXVI, XXXV, 4, 5; XLII, 4; L, 1, 2, 3, 4; Capitul. I (II, 9); Capitul. XV, 8.

нии и наличии у него хозяев¹. В этих пунктах он также неоднократно именуется чужим литом («alienum letum») ², («letum alienum») ³, что не может свидетельствовать о его свободном состоянии. Самый тот факт, что лита можно отпустить на волю, как сказано в титуле XXVI, уже подтверждает его несвободное положение. Но в то же время лита нельзя приравнивать и к рабу. Раб («servus») неоднократно упоминается в «Салической Правде». Положение рабов у франков привлекло наше особое внимание, и это отражено нами в специальной работе⁴. Лит — не раб. Об этом свидетельствует то, что и положение лита в обществе франков иное, чем положение раба, и что за лита уплачивается все же вергельд (только в 2 раза меньше, чем за свободного франка), а за раба — штраф, равный его стоимости. «Салическая Правда» в некоторых случаях сближает в своих титулах имя лита и раба. Но тождества между ними мы ни в одном из случаев не находим.

Рассмотрим каждый из тех титулов, в которых «Салическая Правда» сближает имя лита и раба. В титуле XXVI «Салической Правды» сказано, что свободный, отпустивший на волю (перед королем через динарий) чужого лита, уплачивает 100 солидов⁵. Тот же самый акт, но выполненный по отношению к чужому рабу, карается штрафом, равным стоимости раба (правда, сверх того еще 35 солидов)⁶. Аналогии все же нет. Вопрос о лите выделен особо.

В титуле XXXV, где говорится об ограблении и убийстве рабов, тоже есть градация между рабом и литом. За ограбление лита — 35 солидов, за ограбление раба — 30⁷. В том же титуле XXXV сказано о том случае, если кто-либо (раб или лит) лишает жизни свободного человека. На первый взгляд, наказание одно и то же — оба отдаются родственникам убитого человека⁸. Но приведенное здесь же добавление о том, что за раба вторую половину виры уплачивает его хозяин⁹, снова устанавливает градацию между рабом и литом.

Есть сближение имени лита и раба в титуле XLII, 4, где сказано о высоком штрафе за убийство свободного человека, а за убийство римлянина, лита и раба уплачивается половина¹⁰.

¹ «Lex Salica», tit. XXVI, 1; XXXV, 4.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXVI, 1.

³ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXXV, 4.

⁴ См. статью автора «К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков)».

⁵ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXVI, 1.

⁶ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXVI, 2.

⁷ «Lex Salica», tit. XXXV, 4.

⁸ Там же, tit. XXXV, 5.

⁹ Там же.

¹⁰ «Lex Salica», tit. XLII, 4. «De Romanis vero vel letis et pueris haec lex superius conpraehensa ex medietate solvatur».

Но в данном случае имя лита сближается и с именем римлянина, а римлянин, как известно по «Салической Правде», является человеком свободным. В титуле L литка приравнивается тоже к римлянке, но одновременно и к министриалке. Таким образом, «Салическая Правда» ни в одном из титулов не приравнивает полностью лита к рабу ни в материальном, ни в правовом отношении (хотя иногда и упоминает их вместе). Значительно чаще встречается в «Салической Правде» упоминание о лите и римлянине. Нам представляется, что это сближение имен лита и римлянина объясняется, прежде всего, тем, что сумма виры за убийство того и другого была одинакова, т. е. равнялась 100 солидам. Таким образом, закон франков как бы сближал по сумме виры эти две группы людей, видя в них что-то общее. Но что именно? Этим общим не могло быть состояние свободы, т. к. у данных двух групп разные показатели. В «Салической Правде» римляне упомянуты как люди свободные. Они могут иметь землю¹, платят налоги. Многие из них являются королевскими сотрапезниками и приближенными². О литах ничего этого сказать нельзя, как нами отмечено выше. Литы не полностью свободны. Землей, видимо, они не владеют, при особе короля не состоят как равноправные люди, имеют над собой хозяев, к числу которых могут принадлежать и лица королевской фамилии³.

Что же заставило франков в своем законодательном памятнике «Салической Правде» так сблизить эти две группы людей, назначив и за убийство лита и за убийство римлянина одну виру в 100 солидов?

Видимо, для ответа на этот вопрос надо выяснить происхождение литов. Не являлись ли они, как и римляне, не франками? Это очень интересный вопрос, над которым уже много лет работает ряд историков. Различные предположения о происхождении литов делали как зарубежные, так и советские историки. Высказывалось предположение о том, что литы — завоеванные франками племена⁴. Есть также предположение о том, что литы — бывшие сервы германцев, которые, по выражению Тацита, были «посажены на землю». Сервы, как думают эти авторы, остались у германцев с приходом их в Галлию, и положение их было несколько иное, чем положение самих франков и римских рабов⁵.

¹ См. выше.

² Там же.

³ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XIII, 7.

⁴ I. M. Pardessus. Loi Salique, p. 471.

⁵ А. И. Неусыхин в книге «Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков», придерживаясь такой теории, писал: «Разгадку этой двойственности следует, по-видимому, искать в основном характере материальной зависимости лита от господина, наличие кото-

Нам кажется, что это последнее предположение о происхождении литов у франков заслуживает внимания исследователя.

Но кто они, эти «тацитовские сервы», пришедшие со своими господами-франками на территорию Галлии и осевшие на земельных участках своих господ?

Нам представляется, что литы — не франкского происхождения, а скорее всего свободные когда-то варвары, завоеванные франками при их продвижении в Галлию и «посаженные на землю» их хозяевами-франками¹.

Воспоминание об их былой (и может быть, не так отдаленной) свободе не позволяет франкам причислить их в законе к рабам, со всеми вытекающими отсюда последствиями для них, а нефранкское происхождение литов дает повод в «Салической Правде» по вергельду за их убийство сблизить их с группой римлян (тоже не франков).

Двойственность положения литов, выступающая во всех случаях, приведенных в «Салической Правде», все более подтверждает наше предположение о происхождении этой группы франкского общества. Остановимся на некоторых особенностях жизни и быта литов, взяв эти особенности сначала в статике, а потом в динамике, отражающей эволюцию в жизни франкских литов.

У франкского лита подразумевается законом некоторое имущество². О наличии имущества свидетельствует титул XXXV «Салической Правды»³, в котором упоминается об ограблении лита свободным и об уплате за это 35 солидов. Стоимость украденного и размеры имущества лита не указаны, но факт наличия у него имущества отрицать не приходится.

Несколько больше раскрывает наличие имущества у лита титул L «Салической Правды» «Об обязательстве»⁴, в котором упоминается и о доме лита, к которому приходит заимодавец, давший литу некую сумму в долг, и об имуществе лита, которое приходится оценивать при взимании долга. Но это имущество, по всей вероятности, не было велико, если литу приходилось, во-первых, брать в долг и, во-вторых, вовремя не уплачивать долга, что повышало сумму долга прогрессивно на 3 солида (после каждого назначаемого к уплате срока)⁵.

рой дает нам право рассматривать лита этой эпохи, как лицо, сидящее на чужом участке, но не на положении зависимого держателя феодальной эпохи, а скорее на положении того тацитовского серва, который платил натуральные взносы и вел собственное хозяйство» (стр. 138—139).

¹ Мы разовьем это положение ниже.

² У раба его нет.

³ «Lex Salica», tit. XXXV, 4.

⁴ «Lex Salica», tit. L, «De fides factas», 1, 2, 3, 4.

⁵ «Lex Salica», tit. L, 1, 2.

Таким образом, лит выступает в свете этих титулов как человек с малым достатком, но живущий своим небольшим хозяйством в своем доме. Лит в отношении свободы распоряжения личным имуществом равен свободному франку и упомянут в титуле «Салической Правды» наравне с ним¹. Это заставляет нас согласиться с мнением А. И. Неусыхина о том, что лит той эпохи сидит на чужом участке земли «...на положении тацитовского серва...»² У него есть какое-то имущество, хозяйство, свой дом и т. д. А хозяину он, видимо, отдает часть своего продукта. Все это так, но подобное положение могло иметь место только в самый начальный период существования франкского государства. В дальнейшем неизбежна эволюция лита по мере зарождения и развития феодальных отношений. Лит, сидящий на земле своего хозяина, неизбежно превратится в держателя этой земли со всеми вытекающими отсюда типичными последствиями для самого лита (т. е. его постепенным закрепощением).

Ранние кодексы «Салической Правды» не отражают этого момента закрепощения лита. В имущественном отношении он приравнен к свободному человеку и сам отвечает за свое имущество, вплоть до конфискации его за долги.

Приведенный L титул «Салической Правды» позволяет видеть, что имущественное положение лита не блестяще. Он вынужден брать в долг деньги, а может быть и другое имущество (семена на посев, сельскохозяйственный инвентарь и т. д.). Все это в будущем скажется на положении лита и его закрепощении.

Определение положения лита усложняется тем, что он в самом начале, в исходный момент изучаемого процесса (в период составления «Салической Правды»), предстает перед нами в своем двойственном аспекте: свободы и несвободы, являясь уже в какой-то степени лицом, зависимым от своего господина.

Имущественное положение лита в период генезиса феодализма было значительно более тяжелое, чем положение свободного франка, а поэтому он был наиболее уязвим в своем положении с точки зрения втягивания его в сферу возникающих феодальных отношений в качестве эксплуатируемого субъекта.

Обратимся теперь к вопросу о правовом положении лита и его юрисдикции в период составления «Салической Правды». Раб по «Салической Правде» бесправен. Лит же имеет определенные права в обществе франков. Например, он имеет право выступать в суде, о чем свидетельствует тот же приведенный выше L титул «Салической Правды»³.

¹ «Lex Salica», tit. L, 2.

² А. И. Неусыхин. Указ. соч., стр. 139.

³ «Lex Salica», tit. L, 2, 3.

Брак свободного человека с литкой карается штрафом в 30 солидов¹ (а брак свободного с рабыней приводит его в рабское состояние)². Однако похищение рабом или литом свободной девушки карается одинаково — смертью³.

Нам представляется, что некоторая противоречивость данных «Салической Правды» в отношении к литам и их правам объясняется тем, что ранние кодексы «Правды» сравнительно больше сближают положение лита с рабом, чем поздние, исходя, видимо, *de facto* из подневольного положения лита.

Вышеприведенный пункт 7-й титула XIII «Салической Правды», грозящий литу (как и рабу) смертью за похищение свободной девушки, является как раз одним из первых пунктов и титулов «Салической Правды», имевших место в наиболее ранней из редакций «Салической Правды» (в I «семье» рукописей)⁴. Наоборот, указание на сравнительно мягкое наказание свободного человека, женившегося на литке⁵ (учитывая, что свободный франк, женившийся на рабыне, терял свою свободу), является позднейшим добавлением к «Салической Правде»⁶.

Некоторая эволюция положения лита нам кажется здесь несомненной. Та же эволюция положения лита наблюдается и в вопросе о праве лита нести военную службу у франков.

Тексты II и III «семей» «Салической Правды» дают в этом отношении нечто новое по сравнению с тем, что было в самой ранней из дошедших до нас рукописей «Салической Правды»⁷, где не было упоминаний о военной службе лита.

Во II «семье» «*Lex Salica*» мы находим следующее добавление: «*Si quis litum alienum qui apud dominum in hoste fuerit...*»⁸ То же самое и в III «семье» «*Lex Salica*»⁹ и в V «семье» или «Эмендата»¹⁰. Это добавление гласит о том, что лит выступает в походе со своим господином. О рабах нигде «Салическая Правда» этого не упоминает. Все вышеупомянутое: и право лита выступать в суде франков¹¹, и его право принимать участие в походе франков (пусть даже на этом этапе и вместе с хозяином)¹², говорит за то, что лит свободного происхождения близок к франкам-варварам по своим

¹ «*Lex Salica*», tit. XIII, Add. 1.

² «*Lex Salica*», tit. XIII, 7, 9.

³ «*Lex Salica*», tit. XIII, 7.

⁴ «*Lex Salica*», «*Paris 4404*», tit. XIII, 7.

⁵ Штраф в 30 солидов.

⁶ «*Lex Salica*», tit. XIII, Add. 1.

⁷ «*Lex Salica*», «*Paris 4404*».

⁸ «*Lex Salica*» — Hessel's et Kern. London, 1890, Cod. 5—6, p. 140.

⁹ Ibid, p. 141.

¹⁰ Ibid, p. 143.

¹¹ «*Lex Salica*», tit. L, 1, 2

¹² См. выше.

обычаям и наклонностям, т. к. сам в прошлом был варваром. Его условная несвобода — дело случая, как мы отметили выше, а главное то, что сами франки это понимают и с этим считаются, что и отражает их «Правда» о литах.

Любопытно, что дальнейшая эволюция литов выступает в документе, имеющем более позднее происхождение, чем «Lex Salica», а именно в «Recapitulatio Legis Salicae». Этот документ относится к эпохе Карла Великого и гласит о том, что вергельд лита, убитого в походе, равен 300 солидам, а вергельд свободного человека, убитого в походе, равняется 600 солидам¹. Господин лита уже не упоминается в этом случае. Лит, видимо, выступает сам по себе в походе, как и свободный франк, но нефранкское происхождение лита, видимо, и тут нашло свое отражение в сумме вергельда за его смерть, пониженной вдвое, как обычно это делала «Салическая Правда», когда дело шло о франке и лите. Традиция — понижение вергельда вдвое — сохранилась, но эволюция положения лита несомненна.

Напрашивается вопрос: что служило поводом для эволюции положения лита во франкском обществе? Нам представляется, что основная причина заключается в новом способе производства у франков, в зарождении и развитии феодального способа производства, при котором выделяются два основных класса общества: землевладельцы и закрепощаемые крестьяне. Процесс закрепощения крестьян, процесс многогранный, и «трудящиеся субъекты» этой эпохи не все одновременно, но дифференцированно втягиваются в этот процесс. Втягиваются в него и литы, положение которых все более сближается с положением закрепощаемых свободных франков. В статье, посвященной рабам у франков², мы показали, что и рабы, в конечном счете, приближаются у франков к закрепощаемым свободным. Этот процесс сближения с закрепощаемыми свободными должен был коснуться (и коснулся) лита, как непосредственного производителя данной эпохи. Мы готовы согласиться с А. И. Неусыхиним³ в том, что литы времен «Салической Правды» «...жили в обществе, большинство членов которого состояло из «трудящихся субъектов», обрабатывавших свои участки в основном собственным трудом, лишь при очень небольшом участии подсобной рабочей силы рабов»⁴.

¹ Recapitulatio Legis Salicae t — 27 — inde ad solidas CCC ut si quis litum alienum in hoste occiserit... t — 23 — inde ad solidas DC ut si quis hominem ingenuum in hoste occiserit...

² См. нашу статью «К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков)».

³ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков.

⁴ Указ. соч., стр. 139.

Сближение этих групп в производстве, т. е. в базисе общества, неизбежно должно было привести к сближению их и в юридическом отношении (в законах, в правовом положении, в судебных делах и т. д., что и отмечается нами в титулах «Правды»).

Теперь еще раз вернемся к вопросу о происхождении литов. Надо сказать, что соглашаясь с мнением А. И. Неусыхина о том, что литы, подобно тацитовским сервам, сидели на земле, им принадлежавшей¹, мы позволим себе не согласиться с мнением автора о происхождении литов, высказанном в другой работе².

А. И. Неусыхин в этой работе высказал предположение о том, что литы-франки опустились до положения полной зависимости от своих соплеменников. Он писал: «...весьма возможно, что из членов захудалых родов или «больших семей» и образовался промежуточный слой полусвободных литов, фигурирующих в целом ряде варварских «Правд»³.

Нам представляется, что на том этапе развития общества, на котором находились франки, вступая в Галлию, при наличии у них «больших семей» с коллективным хозяйством и при самой начальной стадии выделения малой семьи из состава «большой семьи», такое массовое явление, как закабаление одной части свободных франков — другой частью того же племени едва ли возможно. Единичные семьи, выделившиеся из «большой семьи» и порвавшие связь с родом, еще могли бы, в виде исключения, оказаться в таком бедственном положении и попасть в зависимость от более сильных. Но массовое закабаление одних франков другими (это было бы именно так, потому что литы явление массовое), не отражено ни в одном из документов, известных науке.

Распад «большой семьи» тогда еще был в зачаточном состоянии, о чем неоднократно говорил сам автор данной работы⁴. То, что автор указывает на наличие у литов сородичей⁵, еще не доказывает их франкское происхождение. Любые варвары, взятые в плен большими группами, могли иметь своих сородичей среди пленённых франками людей.

Тацит прямо указывает, что сородичей, обращенных в рабство за долги, германцы стремятся поскорее продать (сбыть с рук продажей), стыдясь такой победы⁶.

Едва ли могли так резко измениться нравы германцев-франков, чтобы они могли спокойно поработать в последующее

¹ См. выше в данной главе.

² А. И. Неусыхин. Первый этап возникновения феодальной зависимости крестьянства. Сб. «Средние века», т. 7, 1956.

³ Указ. соч., стр. 17.

⁴ Там же.

⁵ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков.

⁶ Tacitus. Germania, XXIV.

время «захудалые роды» своих соплеменников, забыв даже о том, что они франки.

Если предположить, что лит — франк, то в таком случае «Салическая Правда» как источник записи обычного права должна была бы в ранних кодексах показать большее сближение между свободным франком и литом в штрафах, пени, наказаниях и т. д. Но «Правда» выявляет как раз обратную тенденцию: в ранних списках ее видим полное отдаление интересов лита и франка и суровость наказаний, применяемых к литу, а позже — смягчение этих наказаний и даже привлечение литов к участию в походах и т. д. Все это никак не вяжется с тем, что литы — порабощенные франки. Если оставить в силе наше предположение о том, что лит — завоеванный франками варвар другого племени, то вопрос значительно проясняется.

Но наше начальное представление о лите, как о человеке, кому-то принадлежавшем и дававшем этому человеку натуральный оброк с земли, которую он получил от этого человека (хозяина), должно быть нами осознано в соотношении с наступающей у франков раннефеодальной эпохой и ее производственными отношениями. А в свете этих новых отношений хозяин лита и земли, на которой «сидит» лит, дающий оброк своему хозяину-землевладельцу новой эпохи, получает от своего лита натуральный оброк или фактически натуральную ренту, т. е. в какой-то степени уже втягивает этого лита в сферу феодальных производственных отношений в их эмбриональном состоянии.

Хозяева лита, судя по «Салической Правде», были разного типа и состояния, начиная с самого высокого, т. е. с короля. В титуле XIII «Салической Правды»¹ упоминается и король, как возможный хозяин лита². Нам представляется, что эта принадлежность лита королю, который действительно, по праву завоевателя, мог иметь наибольшее число литов в своем хозяйстве, объясняет сближение в данном титуле лита и «*ruer regis*», хотя в социальном отношении рабы и литы неоднородны у франков.

О принадлежности литов (и литок) к большому (королевскому, магнатскому) хозяйству свидетельствует факт сближения в титуле II (*Capitul. I, II*)³ слов: *министериялка* и *литка*. Видимо, и те и другие обслуживали большое земельное хозяйство растущего феодала. Но *министериялки* (и *министериялки*) чаще всего были из рабов, а *литы* (и *литки*) являлись полусвободными. Высокое покровительство сильного хозяина (короля, магната) могло уравнивать их права перед законом.

¹ «Lex Salica», tit. XIII, 7.

² Ibid.

³ «Lex Salica», *Capitul. I, tit. II, 9* (*Haec lex de militunias vel letas*).

Но хозяевами литов были и простые свободные франки, захватившие, видимо, в плен литов во время передвижения, в Галлию. О таком среднем свободном франке говорит титул XXVI, 1 «Салической Правды». В нем упоминается случай, когда свободный человек отпустил перед лицом короля через динарий чужого лита, но вещи последнего должны вернуться к бывшему хозяину лита. Едва ли на таком возвращении вещей лита будет настаивать богатый его хозяин. Напрашивается другое предположение, а именно то, с которого мы начали обзор этого титула: хозяин лита человек небогатый; ему важно получить вещи своего лита. Вопрос также вызывает то — что это за вещи? Едва ли это будут личные вещи лита (его одежда, обувь и т. д.). Ведь не голым и босым он уходит от своего хозяина. Это, видимо, сельскохозяйственный инвентарь, которым лит владеет, обрабатывая свое условное поле у хозяина. Возможно, что хозяин когда-то даже дал ему эти вещи (орудия труда), чтобы получить с него оброк. Хозяин (небогатый) заинтересован в получении обратно своих вещей для обработки земли или для того, чтобы передать эти орудия труда кому-либо из подвластных ему лиц.

При таком наличии небогатого хозяина лита еще менее убедительным кажется предположение о франкском происхождении лита «...из захудалых родов...», а захват в плен такого лита его хозяином во время прохождения им военной службы — дело вполне реальное, как мы полагаем.

Таким образом, мы подметили, что по «Салической Правде» лит мог иметь и сильных хозяев (короля, магната), и скромных, небогатых господ — свободных франков.

Посмотрим, как отражен вопрос о литах в «Рипуарской Правде» франков.

«Рипуарская Правда» сравнительно мало обогащает наши сведения о литах у франков. Имя лита хотя и встречается в «Рипуарской Правде», но значительно реже, чем в «Салической Правде»¹.

Из титула XXXVIII «Lex Ribuaria» можно наблюдать, что в «Рипуарской Правде» встречаются те же группировки, что и в «Салической Правде»: свободные (рипуары, франки, фризы, аламанны, римляне, бавары), рабы, королевские или церковные слуги, церковнослужители, литы. Но есть и небольшие детали, которые вносят некоторую специфику в «Рипуарскую Правду», а следовательно отражают и некоторые особенности рипуарского общества. Так, например, судя по титулу XXXVIII «Lex Ribuaria», священник (духовное лицо) мог быть по своему происхождению не только из

¹ «Lex Ribuaria», ed. Sohm — tit. XXXVIII, 5; LXIV, 1; Capitul. de «Lex Ribuaria», 2.

свободных, но и из литов, как он мог быть и из рабов. Его происхождение влияло на сумму вергельда за его убийство. «Рипуарская Правда» так и отмечает в указанном титуле, что если он был из рабов, то следует платить по рабскому состоянию, если лит, то как за лита¹. Суммы вергельда в данном титуле не указаны. «Салическая Правда», упоминая о происхождении духовных лиц из свободных и из рабов, о литском происхождении их умалчивает. Было ли это умалчивание случайностью? Нет. Нам представляется, что данный титул «Рипуарской Правды», составленной позднее, чем «Салическая Правда», отражает новую черту в жизни литов, новые возможности, которые открываются перед ними в связи с ростом новых производственных отношений у франков. Может быть, лит, оставаясь в какой-то зависимости от своего хозяина и платя ему оброк, как это мы отметили выше, во всем остальном мог быть свободен и выбирать себе занятие по вкусу или склонности, что и приводило его к должности духовного лица или соответствующей другой должности. Титул LXIV «Рипуарской Правды» открывает перед нами еще одну интересную подробность о положении лита. Титул трактует о том, что «если кто-либо (свободный) сделает своего раба платящим подати или сделает его литом, то за убийство такого раба следует платить 36 солидов»².

Важная подробность, которая говорит о том, что человека (раба) можно было сделать литом (т. е. посадить его на землю, на оброк), и кроме того, указывает на то, что, видимо, лит платил какие-то взносы (налоги), т. к. убийство раба, платящего налоги, и лита каралось одной суммой штрафа — 36 солидов.

Капитулярный к «Рипуарской Правде», составленный во времена Карла Великого, указывает на единую сумму вергельда за убитого лита и человека, состоявшего на королевской или церковной службе. Эта сумма равна 100 солидам (больше, чем по титулу LXIV «Рипуарской Правды»). Объяснить это повышение суммы вергельда за лита в данном капитулярном можно двояко: а) или повышением удельного веса лита в обществе франков к этому времени (к концу VIII в.); б) или тем, что эта часть «Рипуарской Правды» скопирована с «Салической Правды» так точно, что повторяет даже денежные единицы «Салической Правды» и с ними сумму вергельда за лита — 100 солидов (как в «Салической Правде»).

Для нас в «Рипуарской Правде» обнаружилась еще одна интересная подробность, данная в титуле XXXVIII «Рипуар-

¹ «Lex Ribuaria», tit. XXXVIII, 6.

² «Lex Ribuaria», tit. LXIV. Солид по «Рипуарской Правде» равен 12 динариям.

ской Правды». В этой статье «Рипуарской Правды» дается различная сумма вергельда за свободных варваров (франков, рипуаров, баваров, аламаннов, фризов и т. д.). За свободного франка и рипуара вергельд установлен в размере 200 солидов (что подчеркивает с одной стороны их тождество, а с другой — особое положение в обществе). За убийство свободного фриза, аламанна, бавара, бургунда, сакса и т. д. следует вергельд в 160 солидов. Следовательно, сумма вергельда уменьшается, если дело идет не о франках, а о других свободных варварах. Нам важен самый факт понижения вергельда за свободного нефранкского варвара в законе франков. На том же основании (как сделали это выше) мы вправе предположить, что вергельд за убийство лита (в 100 солидов) был намечен в «Правде» (и салических и рипуарских франков) с учетом его не франкского, варварского, зависимого положения¹. Данный титул «Рипуарской Правды» укрепляет это наше предположение, показывая дифференциацию в суммах вергельда за убийство свободных варваров. Сумма вергельда за убитого римлянина остается в «Рипуарской Правде» та же, что и в «Салической Правде» — 100 солидов.

Сближение лита с королевскими людьми по сумме вергельда встречается так же часто и в «Рипуарской Правде», как оно встречалось в «Салической Правде».

Подводя итоги тому, что говорят о литах Салическая и Рипуарская «Правды», мы можем сказать, что литы стоят ближе всех несвободных к группе свободных.

РАБЫ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ

О рабах «Салическая Правда» содержит много сведений. По числу упоминаний в «Правде» рабы занимают первое место после свободных франков (8 титулов из 65 целиком посвящены рабам)², и есть еще упоминание о них в других титулах «Lex Salica».

Все эти титулы свидетельствуют о том, что раб «Салической Правды» бесправен, подлежит покупке и продаже. Цена жизни раба определяется штрафом в 30 солидов, который поступает в пользу хозяина убитого раба. Раб не имеет семьи и собственности. Его жена, дети, имущество принадлежат хозяину. Женитьба раба на свободной, как и свободного

¹ За свободного не франкского варвара вергельд понижается на 40 солидов, а за несвободного варвара (лита) — на 100 солидов; тут есть закономерность.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. X, XII, XIII, XXV, XXXV, XXXIX, XL, XLVII.

на рабыне, приводит свободных в рабское состояние¹. Обычная стоимость раба у франков 30—35 солидов, но рабы, имеющие специальность (кузнецы, тележники, золотых дел мастера, повара и т. д.), расценивались дороже (до 75 солидов)². Как показывает «Салическая Правда», рабы у франков применялись главным образом в крупном хозяйстве (королевском, магнатском). Об этом свидетельствует ряд титулов «Правды», упоминая такие специальности рабов, как виноградарь, свинопас, заведующий конюшнями, обносящий блюда за столом («infestar»), дворецкий («maior»), виночерпий («scantio»), золотых дел мастер («aurificem») и т. д.³ Все эти специальности и должности рабов применимы только в крупном хозяйстве франков. Во II «семье» «Lex Salica», в «Heroldina» и «Emendata» (Add. 5) упоминается прямо о краже раба или рабыни из состава господской челяди («ministerium»), а это прямо указывает на большие размеры хозяйства⁴.

Но рабы у франков уже не являются основным производящим классом, которым в этот период истории франкского общества становятся свободные франки — основные производители материальных благ. Они трудятся на пашне, на лугу, в огороде, в лесу. Не случайно «Салическая Правда» упоминает основные занятия по сельскому хозяйству у франков только в связи с трудом свободных людей. Раб нигде в «Lex Salica» не упоминается как пахарь, косец, жнец, убирающий или молотящий хлеб. Рабы «Салической Правды» представляют собой уже прослойку общества, а не класс. Кроме того, состав их неоднороден. Одни из рабов, по прихоти их хозяев, возвысились над основной массой рабов, заняв высокие должности (дворецкого, управляющего, сацебарона), другие весь свой век владели подневольное существование. Но для основной массы франкских рабов, как и для рабов других раннефеодальных государств, будущее их рисуется так, как об этом сказал В. И. Ленин, указав на то, что «рабство в громадном большинстве стран в своём развитии превратилось в крепостное право»⁵. Совместный труд в земледелии все больше сближал крестьян и рабов, а закрепощение свободных, происходившее и во франкском государстве, стирало и правовые различия, существовавшие между рабами и свободными франками и отраженные в ранних кодексах «Салической Правды». «Салическая Правда» почти не отразила моментов «сближения» рабов и свободных

¹ «Lex Salica», tit. XIII, 8, 9.

² «Lex Salica», tit. XXXV.

³ См. подробнее в работе автора «К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков)».

⁴ «Lex Salica», tit. X, Add. 5.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 438.

в труде и быту, но варварские «Правды», составленные позже «Салической Правды», это отразили. Так, например, в «Аламманнской Правде» есть титул XXXVIII (о работе в воскресные дни), где сказано: «Если какой-либо раб будет уличен в этом проступке, наказывается плетью (свободный сначала теряет $\frac{1}{3}$ наследства, а впоследствии — свою свободу) ¹. Этот титул, во-первых, показывает общность труда раба и свободного (оба трудятся на своем участке в воскресенье, рискуя получить наказание). Во-вторых, титул колоритно показывает процесс христианизации варварского общества, происходивший в условиях одновременной с ним феодализации.

В «Правде» рипуарских франков с раба, в громадном большинстве случаев, не снимается материальная ответственность за содеянное преступление ². Следовательно, этот раб имеет какую-то собственность, какое-то хозяйство.

«Аламманнская Правда» характеризует такое хозяйство раба совершенно конкретно. У раба есть дом, сарай, амбар и т. д. ³. Следовательно, он ведет земледельческое хозяйство, и как мы видели, в этом хозяйстве близок к свободному человеку.

«Салическая Правда», как наиболее ранняя из варварских «Правд», всех этих путей сближения раба и свободного еще не отразила. О вольноотпущенниках «Салическая Правда» упоминает только один раз — в титуле XXVI, где говорится об отпуске на свободу через динарий (обычный ритаул освобождения) и лита и раба ⁴. Вероятно, и тот и другой, отпущенные таким путем, именовались вольноотпущенниками («liberti»). Положение их в обществе после отпуска на волю нигде не охарактеризовано. Видимо, каждый из них устраивал свою жизнь как умел. Тех ограничений, которые называет Тацит для вольноотпущенников у германцев своей эпохи ⁵, ставящих их вне общины, «Салическая Правда» не дает. Это дает право предполагать, что вольноотпущенники у франков могли пользоваться теми жизненными благами, которыми пользовались свободные, пока все — и рабы, и вольноотпущенники, и свободные — не окажутся в феодальной зависимости от землевладельца.

Общая судьба, которая в будущем ожидает всех этих непосредственных производителей франкского общества

¹ «Lex Alamannorum», tit. XXXVIII, 2.

² «Lex Ribuaria», tit. XVIII, 2, XIX, XX.

³ «Lex Alamannorum», tit. LXXXII, 1, 2.

⁴ «Lex Salica», tit. XXVI, 1, 2.

⁵ Tacitus. Germania, XV.

(свободных общинников, литов и рабов) — одна. Они будут закрепощены, составят класс зависимого, в конечном счете, крепостного среднего крестьянства феодального общества. Уже в самой «Салической Правде» ряд титулов говорит об упадке хозяйства мелких свободных людей, их разорении и начавшемся обезземелении, что свидетельствует о возникновении неравенства между свободными¹.

ФРАНКСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО «РИПУАРСКОЙ ПРАВДЕ» к VII в.

В «Рипуарской Правде» по всем ее 4-м разделам встречаются те же термины для обозначения общественных групп, что и в «Правде» салических франков. Основу в «Рипуарской Правде» составляют две группы: свободные и рабы. Но дифференциация этих групп по «Правде» рипуаров значительно больше, терминология разнообразнее, чем в «Правде» Салической. В «Рипуарской Правде» мы встречаем: свободные, знать, рабы (несколько категорий), вольноотпущенники, колонны (последнее наименование встречается редко, всего два раза, но все же встречается), литы.

Основой общества рипуарских франков тоже является свободный рипуар. В законе о нем упомянуто 160 раз, если считать, что титулы, где прямо упомянуто *«ingenius»* — «свободный», и титулы адекватные им, начинающиеся со слов *«Si quis»*, относятся к одному и тому же — к свободным рипуарам. 40 раз встречается упоминание о рабах, 17 раз о вольноотпущенниках.

Несколько раз упоминается о людях короля (*«Regium hominem»*, t. IX) и церкви (*«hominem eclesisticum»*, tit. X), за убийство которых взимается половина виры свободного человека (не 200, а 100 солидов), что, по-видимому, говорит за их несвободное происхождение, т. к. и в «Салической Правде» отношение между вергельдом свободного королевского приближенного и раба на службе у короля было 2:1².

Упоминание о знати встречается всего в 5 пунктах (в 3 титулах), причем в «Правде» рипуаров, как и в «Правде» Салической, знатность — не по рождению и не по обладанию крупной земельной собственностью, а только лишь выделение лиц, близких к королю или состоящих на службе у короля (*«Si quis in truste regia est»*, tit. XI) или в качестве судьи (*«iudicem fiscalem»*) или графа (*«Comitem vocant»*) и т. д.

¹ «Lex Salica», Capitul. IV, 12; VII, 6.

² В «Салической Правде», тит. LIV.

За убийство этих лиц как правило, следует тройная вира (т. е. не 200 солидов, как за свободного франка, а 600, как и в «Салической Правде»). Других группировок «знатных» людей мы в ранних варварских «Правдах», Салической и Рипуарской, не встречаем.

В «Рипуарской Правде» несколько больше, чем в Салической, чувствуется влияние церковной знати — церковнослужителей и церкви, как экономически и политически сильной верхушки раннего феодального общества, как первых собственников земли.

Упоминание о церкви и церковнослужителях встречается в «Рипуарской Правде» 18 раз¹. При этом здесь следует различать 2 момента: упоминание о вине за убийство церковнослужителей и духовенства и упоминание о церкви, как о мощном хозяйственном объекте, уже и в тот период обладавшем значительными землями и правами.

К первому моменту относится иерархия штрафов за убийство духовных лиц (за субдьякона — 400 солидов, за дьякона — 500, за пресвитера — 600, за епископа — 900 солидов), причем эта иерархия штрафов несколько видоизменяется в связи с происхождением духовного лица (и опять мы видим в вопросе о знатности происхождения не деление по знатности рода, а деление по принципу: свободный и раб. За духовное лицо рабского происхождения — штраф в два раза меньше, чем за свободного в том же чине (титул XXXVIII)²).

Вторая особенность в вопросе о церкви та, что она в «Рипуарской Правде» (так же как и во многих других варварских «Правдах», за исключением «Правды» салических франков) выступает как экономическая и политическая сила раннего средневековья.

Так, в «Рипуарской Правде» мы находим упоминание (в титуле LX) о людях церкви.

Титул LX «О табуляриях» («De tabulariis»). В главе о табуляриях находим, что церковь живет по римским законам, собирает налоги, ведет хозяйство, имеет под своей охраной людей, обязанных церкви отпуском на свободу в церкви, в присутствии пресвитера («in ecclesia cora praesbiteris») и переданных в руки епископа. Люди, получившие свободу от церкви, должны платить все налоги только церкви «et omnis reditus statuit eorum ad ecclesiam reddant» и подлежать суду только церкви.

Эти данные говорят о том, что церковь у рипуаров являлась большой экономической и политической силой как представитель господствующего класса. Она обладала

¹ В «Салической Правде» — 3 раза.

² «Рипуарская Правда», тит. XXXVIII.

правами сбора налогов в свою пользу и судебной юрисдикцией.

В «Рипуарской Правде» есть указание на то, что церковь обладала правом наследства после смерти табулярия, который, умирая, не оставит детей: «*tabularius autem, qui absque liberis disesserit, nullum alium nisi ecclesiam relinquat heredem*»¹.

Это указание рисует положение церкви по «Рипуарской Правде». Оно представляется, по данным «Правды», не менее мощным, чем положение королевской власти, а по некоторым пунктам «Правды» даже превосходит королевскую власть в силе и правах (об этом говорит одна фраза первого параграфа указанного титула², где сказано, что раз отпущенный на волю в присутствии духовного лица и переданный в распоряжение епископа, под охрану церкви, уже не должен «бросать динарий»³ в присутствии короля, т. е. тем самым признается что санкция церкви здесь выше санкции короля). Об этом же говорит и пункт 3-й LX титула: «Никто не может сделать свободным церковного раба без викария» (*Nemo servum ecclesiasticum absque vicaria libertum facere praesumat*).

«Никто» не может, следовательно, и король не может этого сделать. Это значение церкви и церковнослужителей, которое так резко бросается в глаза в «Рипуарской Правде» и которое почти незаметно в «Правде» Салической, как более ранней и отражающей более раннюю стадию развития феодализации, можно объяснить двумя причинами: 1) влиянием римской традиции, на что указывает и самый текст титула LX, где два раза мы находим ссылку на «римский закон» («*Legem romanam*»); 2) усилением влияния церкви как экономически сильной организации при ослаблении влияния франкских королей из династии Меровингов (что совпадает по времени с составлением последних, более поздних частей «Рипуарской Правды»). На это указывают именно те титулы, которые составлены позднее — уже в VII—VIII вв., как и указанный выше титул LX. («Ленивые» короли не могли противостоять усиливающемуся влиянию церкви, крупнейшего духовного феодала-землевладельца, уже с того времени выступавшего с претензиями на то, что духовная власть выше светской.) Важно то, что и «Рипуарская Правда» отражает усиление влияния феодальной знати — духовной и светской.

Таким образом, анализ «Правды» рипуарских франков по вопросу о жизни франкского общества к VIII в. вскрыл некоторые своеобразные особенности в ее титу-

¹ «*Lex Ribuaria*», tit. LX.

² Там же.

³ Там же.

лах, а следовательно, и в самой реальной жизни рипуаров. Но этот же анализ указал и на закономерность целого ряда явлений, встречающихся в законе рипуаров. Сравнивая данные только двух «Правд»: Салической и Рипуарской, с целью установления закономерности явления и их своеобразия, уже можно установить ряд новых оттенков, появившихся в «Правде» рипуаров, по сравнению с «Правдой» Салической. К ним можно отнести и усиление влияния духовенства как крупных землевладельцев, и наличие зависимой от церкви группы людей, именуемых в законе табуляриями, и общий рост экономического могущества церкви.

Своеобразие этих данных «Рипуарской Правды» не исключает и некоторой аналогии явлений, отраженных и той и другой «Правдой»: преобладание группировки свободных людей на определенной стадии общественного развития франков, умолчание о земельных магнатах и пр. Эти данные свидетельствуют о скрытой закономерности явлений развивающегося общества, о чем прекрасно сказано у Энгельса: «Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется представленной чистой случайности, тем с большей силой и необходимостью проби-ваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы»¹.

Бруннер настаивал на том, что «Рипуарская Правда» (ее последние три части) составлена по «Салической Правде» («Эмендата») и отражает наличие сильной королевской власти. Отмечая особенности титулов LVII—LXII, Бруннер находит в них следы королевских постановлений и указывает, кроме того, на большое внимание в «Правде» к правам церкви и на то, что между церковью и королем существует известный компромисс².

Бруннер предполагает, что составление закона рипуаров, возможно, относится еще к периоду Меровингов, но пока королевская власть была еще сильна, т. к. «Правда» не отражает еще сильной власти мажордомов³.

По титулу LIII Бруннер заключает, что король назначал в область («gau») постоянное должностное лицо — графа, выполнявшего административные и служебные функции⁴. Бруннер указывает и на известную зависимость графа от короля, говоря об этом пункте. Но из самого текста титула это не вытекает⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 150.

² H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. «Lex Ribuaria».

³ Ibid, s. 445.

⁴ Ibid.

⁵ «Рипуарская Правда», тит. LIII.

Наблюдения Бруннера, Шредера и других буржуазных историков довольно любопытны, но они носят односторонний характер и касаются только политической истории франков.

Мы вправе сделать более обобщающие выводы, обратив прежде всего внимание на социально-экономическую структуру франкского общества и на те изменения в ней, которые происходили за время с VI по VIII в. В «Рипуарской Правде», по нашему мнению, особенно важное значение имеет вопрос о табуляриях, о которых мы уже говорили выше. Продолжим анализ титула LX.

Вопрос о табуляриях является сложным вопросом. В литературе он освещен сравнительно мало. По-видимому, табулярий был по происхождению свободным человеком, но попавшим в зависимость от церкви.

В титуле LX он приравнивается к свободному франку («Если какой-нибудь франк-рипуар или табулярий...»). Но в том же титуле (пункты 1-й, 4-й) сказано, что некоторая зависимость табулярия есть налицо. Эта зависимость табулярия исходит от церковных феодалов. В пункте 1-м прямо сказано: «...сам табулярий и его потомство остаются табуляриями и должны платить все доходы, связанные с их состоянием, церкви»¹. Следовательно, это состояние уже не вполне свободного человека, а человека, который стоит на грани свободы и закрепощения². А крепостником в данном случае выступает церковь.

Пункт 4-й титула XXXIII «Рипуарской Правды» прямо гласит: «Табулярий, который умрет без детей, должен оставить своим наследником только церковь». Следовательно, на табулярия распространяется уже право «мертвой руки», еще до применения его светскими феодалами. А между тем, табулярий, несомненно, был когда-то свободным человеком, иначе он не владел бы имуществом, и о наследстве табулярия после его смерти не могло быть и речи.

Таким образом, мы нашли еще одну черточку, отражающую некоторые изменения в положении свободных. Перед нами проходит значительная дифференциация когда-то однородной общественной среды.

¹ «Рипуарская Правда», тит. IX, 1, 4.

² По аналогии здесь напрашивается сравнение со смердом «Русской Правды», который в ранних ее редакциях тоже отражен как человек, совершенно независимый, а в более поздних редакциях («Правды Ярославичей», «Пространной Правды») выступает уже в других ролях: закупа, кабально-зависимого и т. д. Опираясь на данные «Правды» русской, можно было бы проследить за изменениями в положении этого свободного смерда, как по «Правдам» западных народов мы пытаемся установить изменения в жизни западного свободного общинника.

Некоторый материал о свободном человеке и росте его зависимого положения дают пункты «Рипуарской Правды», посвященные бракам между свободными и рабами.

Титул LX, пункт 11-й: «Если человек, состоящий на королевской или церковной службе (раб короля или церкви) или римлянин, возьмет свободную рипуарку или, если римлянка или королевская женщина или женщина табулярия возьмет в супруги свободного рипуара, потомство их переходит в низшее состояние».

Тенденция ясна. Во всех возможных случаях — переход в низшее состояние, что, конечно, выгодно растущей знати, но не в интересах свободных рипуаров.

Во времена Тацита, например, эти отношения к свободным не были отражены в жизни свободной общины. «Салическая Правда» их в слабой степени отражает, в «Рипуарской Правде» они, как видим, имеют больший удельный вес. Пункты 14-й, 15-й, 16-й¹ прямо указывают на эту тенденцию роста зависимого состояния свободных рипуаров (дело идет уже не о табуляриях, а о свободных рипуарах).

Пункт 14-й: «Если же рипуар возьмет в жены рабыню (служанку) короля или церкви или служанку табулярия, то не он сам, но его потомки становятся рабами».

Пункт 15-й: «Если же рипуар возьмет в жены служанку (рабыню) рипуара, то сам вместе с нею остается рабом».

Пункт 16-й: «Также, если рипуарка это сделает, она сама и ее потомство остаются в рабстве»².

Здесь есть градации между браками свободных с рабами свободных же людей и рабами знати. Во втором случае имеется некоторая льгота (не сами, а только потомство их остается в рабстве). Может быть эта льгота имеет целью поощрить браки между свободными людьми и рабами короля и церкви с целью получить потом поработщенное потомство и ограничить в то же время браки свободных с рабами рипуаров (непривилегированных).

Вышеуказанные пункты титула касаются уже не только положения табулярия, зависимого от церкви. Они рисуют картину более широкого охвата общественных групп рипуарского общества. В группу эксплуататоров попадают: король, церковь, знать; в группу зависимых, закрепощенных: свободные рипуары, находящиеся на различных ступенях зависимости от первой группы, рабы, вольноотпущенники и литы.

Характерен также пункт 18-й того же титула³: «Если свободная рипуарка последует за рипуарским рабом и ее

¹ «Рипуарская Правда», тит. LX, 14, 15, 16.

² Там же.

³ Там же, п. 18-й.

родители пожелают возразить против этого, ей должны быть предоставлены королем меч или прялка. Если она возьмет меч, раб должен быть убит, если прялку, — она остается в рабстве». По существу изложенного здесь нет принципиальной разницы с тем, что приведено выше о браке свободных рипуаров с рабами. Сущность та же — рабство свободного человека (мужчины и женщины) при вступлении в брак с несвободными. В данном пункте новым моментом является (помимо самого ритуала при выборе невесты) участь раба-жениха. «Если женщина выберет меч, раб должен быть убит». Здесь, видимо, имеется в виду или добровольный выход замуж за раба со стороны невесты (при этом случае она выберет прялку) или похищение ее рабом против ее воли (в этом случае она берет меч, и раб должен быть убит). Разница в правовом отношении между человеком, состоящим на королевской службе, и просто свободным рипуаром подчеркивается пунктом 19-м (титула LX), где при допросе на суде от первого, т. е. состоящего на службе короля, не требуется клятва перед алтарем, а от рипуара требуется¹. Тут уже явное выделение знати. В других титулах мы наблюдали разницу в положении людей разных категорий только по величине вергельда (за приближенных короля вергельд увеличивался втрое). Данный пункт титула указывает на акт особого доверия к этим людям со стороны королевской власти и неравенство в этом отношении между приближенными короля и свободными. Пункт, несомненно, более позднего происхождения, говорящий о росте неравенства между группами общества, об углублении пропасти между растущей знатью и свободными.

Военная служба у рипуарских франков по их «Правде» считалась достоянием всех свободных (так же как когда-то и у салических франков), за убийство человека в походе следовала тройная вира. В отношении уплаты тройной виры человек в походе приравнивался к тем, кто состоит на службе у короля.

Ослушание приказу короля и неявка по его призыву для выполнения какой-либо другой службы или повинности или для похода, или другого полезного дела, если этому не препятствовала болезнь, влекло за собой штраф в 60 солидов (титул XVII)². Римлянин или человек, состоящий на королевской службе, уплачивал только 30 солидов. Любопытно, что здесь еще королевская власть действует очень осторожно, штрафуя там, где впоследствии будет предавать смертной казни. По-видимому, королевская власть еще не чувствует под собой достаточно прочной базы для более энергичного

¹ «Рипуарская Правда», тит. LX, 19.

² Там же, тит. XVII.

проявления своей воли. Эта база создается позднее — при полном ослаблении свободной общины и усилении феодалов.

Титул LXXI, пункт 1-й «О том, кто окажется изменником короля»¹ ясно гласит: «Если какой-либо человек окажется изменником короля, то он платится жизнью и все его имущество конфискуется». Пункт, не требующий комментариев. Но пункт 2-й того же титула по содержанию ничего общего с пунктом 1-м не имеет и непонятно почему он подведен под общий титул. В нем сказано:

«Если кто убьет близкого по крови или совершит кровосмешение, то должен подвергнуться изгнанию, и имущество его конфискуется».

Общее в двух пунктах разве только конфискация имущества, что, вероятно, имело значение для королевского фиска.

Но сам по себе пункт очень любопытен. В нем, вероятно, нашли отражение уже давно отжившие в этом обществе формы родственных связей между сородичами. По архаичному праву часть этой виры обычно шла общине, часть королю (узурпировавшему законные права общины).

Наказание и в 1-м и во 2-м пунктах² одно — изгнание и конфискация имущества. Закон больше не отражает здесь ни прав общины на кровавую месть (что имело отражение в «Салической Правде», «Русской Правде» и других «Правдах»), ни права на виру, $\frac{2}{3}$ которой обычно должно было идти общине за убийство ее члена. Следовательно, должны были произойти значительные изменения в обществе за этот период, если наказание за нарушение прав общины так изменилось не в ее пользу. Следовательно, положение общины тоже изменилось, права ее на виру узурпированы королевской властью. В этой последней (IV) части рипуарского закона статья его уже не отражает прав общины, которая была бы заинтересована в вине за убийство сородича, а отражает возросшее право королевской власти. Статья закона говорит здесь прямо об изгнании и конфискации имущества. Подобное решение нужно только «правителям страны», которые безраздельно получают конфискованное имущество провинившегося изгнанника. Все это свидетельствует об усиливающейся власти «правителей страны» в данный период.

Второй момент, который следует подчеркнуть, — упоминание о кровосмешении. Оно тоже карается изгнанием и конфискацией имущества.

Браки между родственниками, с точки зрения родового общества, — не преступление, караемое так строго. Был период в истории доклассового общества, когда «сестра была

¹ «Рипуарская Правда», тит. LXXI, 1.

² Там же, тит. LXXI, 1, 2.

женой, и это было нравственно»¹. Правда, с тех пор история развития общества дала ряд ограничений в заключении браков между родственниками: эндогамию, групповой брак, парную семью, моногамию.

Но в пределах рода, родовой общины эти ограничения порой носили несколько условный характер и легко нарушались в связи с экономическими потребностями рода (выдача замуж богатой наследницы внутри рода, женитьба на жене брата, на мачехе и т. д.). При усилении своего влияния церковные феодалы берут на себя «охрану чистоты» заключаемых между мирянами браков и вносят в это дело присущие им ригоризм и корыстолюбие. Кровосмешение, т. е. брак между родственниками, становится уже преступлением против церкви, и оно карается по церковным законам аналогично тому, как наказуется убийство родственника по крови.

И в данном случае изгнание, а за ним конфискация имущества идут в пользу королевского фиска, от пополнения которого усиливается и благосостояние церкви. Тесный союз светских и духовных феодалов обеспечил появление этого пункта в законе рипуаров. Здесь явно чувствуется общность интересов королевской власти и церкви, направленных на усиление прав знати и на разорение общинников. Права свободной общины здесь оказываются утраченными, а «законы» и «права» церкви выступают в качестве надстройки феодального базиса, которая активно помогает своему базису укрепиться.

Правовое положение рипуаров, если судить по «Правде», устанавливается с 15 лет. Так гласит титул LXXXIII «Рипуарской Правды»: «Если какой-нибудь человек рипуар умрет или будет убит и оставит сына до 15 лет., то он не может быть ни истцом, не должен отвечать в случае вызова в суд. На 15-м году (15 лет) он и сам может отвечать и избирать защитника. Таким образом и дочь»².

Этот титул не ставит грани между правами сына и дочери. О том, что рипуарская женщина имела некоторое право распоряжаться своей судьбой, упомянуто в LX титуле³ (см. выше), где ей предоставлена была возможность решить — быть или не быть женой раба. Вообще для «Рипуарской Правды» характерны формулировки: «если какой-либо рипуар или рипуарка...» (далее следует самый пункт закона). Такое сопоставление равных прав мужчин и женщин характерно или для раннего периода варварского общества, в котором еще не распространилась патриархальная власть мужчин (отцов, братьев, мужей, сыновей над дочерьми, сестрами,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 23 (Примеч.).

² «Lex Ribuaria», tit. LXXXIII.

³ «Lex Ribuaria», tit. LX.

женами, матерями в роде), или эпохи уже раннефеодального общества, в котором, с выделением моногамной семьи из состава «большой семьи», женщина снова приобретает некоторые равные права в обществе. Первый из упомянутых случаев (в отношении женщины и ее мужа — раба), по нашему мнению, можно отнести к влиянию еще варварского общества в «Рипуарской Правде»; второй случай, отраженный в титуле XXXVIII «Рипуарской Правды»¹, отражает уже новое общество, в котором права мужчин и женщин снова несколько уравнились в связи с выделением в обществе малой семьи и ее экономического значения.

В титуле LXXXV (IV части «Рипуарской Правды» — значит, более поздней) тоже имеют место равные права мужчины и женщины. Формула титула та же: «...если какой-либо мужчина или женщина...» По-видимому, резкой грани между правами мужчин и женщин не отражает и эта последняя часть «Правды» рипуаров.

Упомянутый титул интересен еще и в другом отношении. Приводим его полностью: «Если кто-либо, мужчина или женщина рипуарские погубят кого-нибудь при помощи яда или какого-либо другого злодеяния, то должны платить виру».

В этом титуле вира за любое злодеяние (отравление и пр.) приравнивается к вире за убийство, т. е. 200 солидов за свободного человека. Следовательно, только продажа свободного в чужие страны (за пределы страны) каралась в I части «Правды» рипуаров тройной вирой, как самое страшное из преступлений — покушение на свободу. Но это покушение на свободу имело специфические условия — «продажу за пределы страны».

Незаконное превращение в раба в самом отечестве или связывание свободных каралось значительно слабее. Сравнивая пункты и титулы одной «Правды» («Правды» рипуаров), можно подметить изменение взаимоотношений в обществе рипуаров за время с VI по VIII в. Эти изменения, данные в различных разделах «Правды», имеют везде одну тенденцию — показывают уменьшение, снижение прав свободных общинников. Особенно подчеркнута разница в положении франков в эпоху Меровингов и Каролингов. Об этом можно судить по нижеприведенным титулам. Титулы, составленные во времена Меровингов, еще отражают некоторые следы борьбы общины за свои права и обычаи. Так, например, титул XC («*Ut nemo munera in indicio accipit*») гласит, чтобы никто в суде под страхом смертной казни не брал подарков «для того, чтобы изменить решение суда». Пункт внесен в «Правду», вероятно, по требованию свободных людей, страдавших

¹ См. выше.

от чрезмерного взяточничества должностных людей и знати при дворе. Но поздние титулы «Правды» отражают другую картину, например, «*Capitulare Regi Ribuariorum additum*» (803 г.). Это эпоха Карла Великого. Отношение к свободному человеку далеко не то, что в первых титулах «Правды». Правовое его положение тоже резко изменилось. Там читаем: «*Incipit navo regis constitutio imperatoris qua in lege Ribuariorum mittenda est. 3.XII Cap. Homo ingenuus, qui multa qualibet non potuerit et fideiussores non habuerit liceat ei semelipsum in Wadium ei cui debitor est, mittere usque dum multa, quam debuit persolvat*». «Если свободный человек не может уплатить много и не имеет поручителей, то ему разрешается самого себя представить в качестве залога (разрядка наша.— Г. Д.) тому, кому он должен, пока он не уплатит то многое, что должен»¹.

Очень важное свидетельство о новых взаимоотношениях в обществе! Свободный человек (по названию), свободный когда-то член общины, на которого идет наступление «по всему фронту» со стороны светских феодалов, королевской власти и церкви; этот «свободный» человек может своей свободой заплатить долг или уплатить штраф, который на него наложили. Он может отдать свою свободу в залог, может «заложить» ее с очень слабой надеждой на выкуп (ср. русское «закладничество»). Этот акт далеко стоит от того пункта «Рипуарской Правды», который мы приводили из I части закона о громадном штрафе в 600 солидов тому, кто посмеет покуситься на свободу рипуара, продав его за пределы страны. Там тройная вира за лишение свободы, здесь — узаконение этого акта продажи, как обычного явления, которое наблюдалось часто в повседневной исторической действительности.

На этом сопоставлении двух пунктов одного закона, пунктов, разделенных во времени двумя-тремя веками, мы видим, какой путь прошел свободный общинник в борьбе с наступавшей на него феодальной действительностью и феодальной властью. Путь от полной независимости свободного варвара до состояния, близкого к крепостному.

Энгельс ярко характеризует этот период исторического развития франкского общества. Констатируя, какова «была цена, за которую Карл (Великий.— Г. Д.) купил свою новую Римскую империю»², Энгельс указывает, что произошли большие изменения в составе общества франков ко времени Карла Великого: «уничтожение сословия свободных простых людей, которые в эпоху завоевания Галлии составляли всю массу франкского населения, расслоение народа на крупных

¹ «Рипуарская Правда», капитул. III, 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. I, стр. 412.

землевладельцев, вассалов и крепостных»¹ (разрядка наша.— Г. Д.). Нам на фактах удалось проследить этот путь по «Правде» рипуарских франков и отчасти салических франков.

Конец этого пути, отраженный в капитуляриях Карла Великого, показывает свободного варвара, перешагнувшего за порог цивилизации. Разрушены устои родо-племенного общества. На первый план выступили интересы феодального общества и государства, разделившего возникшее феодальное общество на классы: феодалов и крепостных.

Попытаемся подробнее остановиться на этих изменениях в жизни свободных людей, отраженных другими «Правдами».

Так, например, в титуле LIV «Бургундской Правды» предписывается бургундам не селиться отдельно от римлян, а селиться так, чтобы везде (в лесах, в расчистках) римляне имели бы равную долю с бургундами². Это предписание королевской власти, отраженное в законе, имеет, конечно, в виду не столько заботу о благополучии римлян, сколько заботу о том, чтобы запретить бургундам селиться сообща, общинами, чтобы разрушить скорее общинные связи у бургундов. Кроме этого, «Бургундская Правда» упоминает также о том, что бургунды имели право свои земельные участки продавать, дарить, передавать и т. д.³ Это уже свидетельствует о полном обладании аллодом у бургундов (во-первых) и о том, что распад «большой семьи» на малые семьи происходил у бургундов в это время очень интенсивно с выделением аллода малой семьи (во-вторых).

В «Бургундской Правде» при исчислении вир и штрафов за проступки людей свободные бургунды предстают уже перед нами с определенными признаками дифференциации их свободы. Там упоминается просто свободный человек («ingenium») и «свободный», свобода которого уже ущемлена («...mediocribus personis ingenuis») ⁴ etc.

В «Аламманнской Правде» тоже подчеркнута и значительная дифференциация общества⁵, и рост влияния знати (герцогов)⁶, и рост земельных владений церкви и светских феодалов⁷, и рост зависимости свободных аламманнов от крупных землевладельцев⁸, и свободное отчуждение аллода аламманнами (главным образом на «дарения» и «завещания» в пользу церкви)⁹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 412.

² «Lex Burgundionum», tit. LIV.

³ Там же, tit. XXXIV, XLIII.

⁴ Там же, tit. XXVI, 1—4.

⁵ «Lex Alamannorum», tit. I—XXIII.

⁶ Там же, tit. XXIV—XXV.

⁷ Там же, tit. XXV, XXX, XXXV etc.

⁸ Там же, tit. II, 1.

⁹ Там же, II, 1.

В «Баварской Правде», несмотря на то, что в ней 240 раз упомянуто наименование «свободные» («*ingenii*»), тоже чувствуется, значительно больше, чем в «Салической Правде», дифференциация общества, что нужно отнести за счет более позднего составления «Баварской Правды». «Баварская Правда» уже откровенно упоминает о тех повинностях, которые должен выполнять свободный человек по отношению к тому, кому он чем-либо обязан: гужевую повинность выполнять с телегой, исправлять сеновалы и зернохранилища, поставлять дрова, работать в каменоломнях (группами в 50 человек) и т. д.¹ Все это касается именно свободных, так как о рабах дальше сказано, чтобы они работали в неделю 3 дня на себя, 3 дня на господина².

По этим данным других «Правд», составленных несколько позднее и отражающих поэтому чуть более позднюю ступень общественного развития и роста феодальных отношений в обществе, мы можем судить и о том, что ожидает франков.

Таким образом, последовательно изучая ранние и поздние списки «Правды» салических франков и другие документы эпохи, можно конкретно уловить изменения в составе франкского общества за VI—VII вв. Общество когда-то свободных людей, имевших равные права в общине, сменяется обществом, в котором уже наметилось классовое расслоение, появилось классовое неравенство, определились пути феодальной эксплуатации и закрепощения свободных людей феодализующейся светской и духовной знатью, стали ясны черты новых производственных отношений между людьми нового формирующегося феодального общества.

¹ «*Lex Bajuvariorum*», tit. I, 13.

² *Ibid.*

Глава IV

ФРАНКСКОЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО МЕРОВИНГОВ И ЕГО ПЕРЕХОДНЫЙ ХАРАКТЕР

Раннему поселению франков в Галлии соответствовала и форма образовавшегося у них государства — раннефеодального государства. Как всякое государство, т. е. как надстройка данной эпохи, эпохи зарождения феодализма, франкское государство времен Меровингов отвечало потребностям породившего его класса — зарождающегося класса феодалов. Таким образом, как это отражают документы, меровингское государство франков в какой-то мере способствовало укреплению своего базиса — феодального базиса в ранний период его существования.

Характеризуя франкское государство эпохи Меровингов и особенности его системы, мы будем обращаться частью к «Салической Правде», к приложениям к «Lex Salica», больше всего отражающим и силу королевской власти, и классовый характер государства. Мы имеем в виду капитулярии VI—VII вв., записанные в королевской канцелярии и имеющие силу закона. Мы уже обращали внимание на то, что даже язык капитуляриев, приложенных к «Правде» и составленных от имени франкских королей, начиная с Хлодвиг I, резко отличается от языка титулов «Правды» своей повелительной формой¹. А содержание титулов отличается жестокостью наказаний и совершенно определенной классовой направленностью. Примером может служить пункт 5-й первого капитулярия², в котором говорится снова о браке между свободной женщиной и рабом. В записи обычного права франков, т. е. в «Lex Salica», просто установлено, что

¹ См. во «Введении» пункт об источниках.

² «Lex Salica», Capitul. I, 5.

свободная женщина, соединившая свою судьбу с рабом, теряет свою свободу¹. В капитулярии I эта свободная женщина, избравшая мужем раба, подвергается самому страшному у франков наказанию. Она объявляется вне закона. И всякий, кто убьет ее, не будет наказан, а раб, осмелившийся жениться на свободной, подлежит колесованию². В этом новом варианте наказания за смешанный брак чувствуется прямая тенденция — пресечь, под страхом наказания, подобные браки, которые для растущего класса феодалов становятся уже позорными. Рознь между социальными группами франкского общества становится, по этому пункту капитулярии, все более очевидной.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ

Власть короля франков, начиная с Хлодвига, по источникам, представляется сильной. Хлодвиг — и вождь племени франков, что дает ему неограниченные права, освященные еще прежними отношениями периода военной демократии. Примером этого служит оккупация Хлодвигом, на правах вождя племени, земель Северной Галлии для раздачи их своим приближенным и церкви. Хлодвиг — и военный предводитель, удачно совершивший поход в Северную Галлию и захвативший ее, и король нового (раннефеодального) государства франков, вынужденный управлять этим государством, создавая новые должностные лица, которых не знала прежняя, сломленная варварами, римская рабовладельческая императорская власть. Хлодвиг — и верховный судья в государстве франков, высшая инстанция, к которой обращаются при решении спорных вопросов. Именно эта функция королевской власти (судебная) побудила Хлодвигу, созвав «многих мужей» и выбрав из них четырех³, записать «Салическую Правду». Все эти функции короля, по мере роста франкского государства в борьбе с другими народами, усиливают королевскую власть и ее значение в государстве.

Остановим внимание на некоторых функциях королевской власти при Меровингах.

КОРОЛЬ КАК ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ И ВОЕНАЧАЛЬНИК

При завоевании франками Галлии военным предводителем их был Хлодвиг — король франков. Став королем франков, т. е. первым представителем государственной власти нового (раннефеодального) классового государства и обя-

¹ «Lex Salica», tit. XIII, 9.

² «Lex Salica», Capitul. I, 5.

³ «Lex Salica», Prologue, 1.

занный своим положением стоять на защите интересов господствующего класса, Хлодвиг, однако, по традиции, еще не может отрешиться, на первых порах, от пережитков, оставшихся от старой эпохи. В этом отношении ценные сведения поступают из хроники Григория Турского, который приводит некоторые подробности, характеризующие период завоевания франками Галлии и кое-какие черты их быта и взаимоотношений после поселения в Галлии. Случай с суассонской чашей, описанный Григорием Турским, показывает, несомненно, наличие пережитков от эпохи военной демократии у франков в момент их прихода в Галлию, хотя у них уже было создано государство. Хлодвиг хотел завладеть драгоценной чашей из суассонского храма, лежавшей в общей груде награбленного добра, предназначенного для дележа между воинами. Простой франкский воин не дал королю чаши, т. к. король (как вождь племени) не должен был иметь преимущества перед другими воинами в дележе добычи. Он разбил чашу на глазах у короля¹. Любопытно то, что Хлодвиг не посмел наказать тотчас же воина или отобрать силой у него добычу. Видимо, пережитки строя военной демократии были еще очень сильны в то время у франков. Но сильны уже были и быстро росли новые отношения в молодом франкском государстве, в котором король из вождя племени и полководца быстро превращался в грозного правителя и главу государства. Тот же Григорий Турский, продолжая повествование о суассонской чаше и войне, разбившем ее, рассказывает о том, что Хлодвиг позже смог найти повод отомстить дерзкому воину: придравшись к этому воину на смотре, он раскроил ему череп².

Пережитком эпохи военной демократии являлись во франкском государстве и так называемые «мартовские поля», т. е. военные смотры войск, происходившие при Меровингах ежегодно в марте. Являясь слабым отзвуком когда-то происходивших военных собраний вооруженных воинов у германцев, описанных еще Тацитом³, эти «мартовские поля» по своему назначению и содержанию в меровингское время отошли уже весьма далеко от прошлого. При Меровингах — это смотр войскам, который производит полководец (или сам король), но на котором уже не происходит никаких демократических выступлений со стороны масс. Наоборот, тут проявляется только единая воля правителя-полководца. Но следует отметить, что в меровингское время основу этого

¹ ...Unus Francus levis cum vociferatione elevata bipenne quod est francisca, percussit urceo illo, dicens: «Tu nihil hir accipies rex nisi quod tibi sors vera dederit» (Gr. Turonensi. Hron. Franc., II, 27, p. 252).

² Ibid.

³ Tacitus. Germania, V.

войска составляют свободные франки, свободные простые люди (*Gemeinfreie*), как их называет Энгельс¹.

Они еще не утратили своего права и свободно жить в государстве франков и защищать его от врагов². Доказательством того, что этот свободный франк-воин имеет в меровингское время большой удельный вес в обществе франков, является та повышенная сумма вергельда, которая назначена «Салической Правдой» за убийство простого воина в походе. Мы уже касались того, что убийство воина, состоявшего на королевской службе, т. е. привилегированного воина, оценивалось «Салической Правдой» самым высоким вергельдом — в 1800 солидов³. Но тот же титул «Салической Правды» содержит указание и на виру за убийство простого франкского воина в походе⁴.

Вергельд за простого франкского воина, не состоявшего на королевской службе, тоже по «Салической Правде» очень высок. Он равен 600 солидам (т. е. его сумма равна сумме вергельда, взимаемого за знатного человека в мирной обстановке). Это очень показательный момент в «Правде» для характеристики государства франков времен Меровингов и характеристики тех социальных слоев общества, которые живут в этом государстве, имея свой удельный вес в нем, отраженный в «Салической Правде». Энгельс отметил это особое положение свободных франков-воинов во франкском королевстве Меровингов в работе «Франкский период», указывая на то, что в раннем франкском государстве военная служба была в такой же степени правом, как и обязанностью всех свободных...⁵ Позже положение резко изменится. Но об этом у нас речь будет в другом месте. Важно то, что документ⁶ зафиксировал именно данное положение свободных воинов в государстве франков, установив за их убийство повышенный вергельд и тем показав специфику государства, вынужденного признать на этой стадии своего развития право свободных людей на участие в военном деле, в походе и в защите государства. Позже это право вместе со свободой от них будет отобрано растущей феодальной знатью.

Управление во франкском государстве осуществлялось из королевского двора при помощи сравнительно ограниченного круга лиц — королевских служилых людей или дворцовых служащих у него (их даже нельзя назвать еще и чиновниками, в полном смысле слова, — так своеобразны функции

¹ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 406.

² Там же.

³ См. в гл. III — об антрустионах.

⁴ «Lex Salica», tit. LXIII, 1.

⁵ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 409.

⁶ То есть «Салическая Правда».

этих мажордомов, маршалов, графов, сенешалей, референдариев, кубикюляриев, казначеев и т. д.). «Салическая Правда» больше всего останавливает внимание на графах и их помощниках — сацебаронах. Граф получает от короля грамоту на управление провинцией (графством), за что вознаграждается от короля земельным пожалованием (в будущем — бенефиций); функции графа на местах: административная¹, судебная², военная (по сбору людей в ополчение)³. Жизнь графа как королевского приближенного охраняется утроенным вергельдом (600 солидов)⁴. Тот же вергельд в 600 солидов охраняет и жизнь помощника графа — сацебарона («Zascebaro»), если он из свободных людей⁵. Если же сацебарон или вицеграф («obgrafionem») из состава королевских рабов, то вергельд понижается вдвое — до 300 солидов. Упоминание в «Правде» о королевском рабе свидетельствует о том, что короли направляли на эти должности и верных им рабов, может быть даже с целью осуществления через них контроля за деятельностью графа. «Салическая Правда» отражает деятельность сацебарона как помощника графа главным образом в суде⁶.

Пункт 4-й, tit. LIV «Lex Salica» ограничивает число сацебаронов в заседании (не более трех) и указывает, чтобы после этой процедуры данное дело графом вновь не пересматривалось⁷. Это обстоятельство указывает на некоторую самостоятельность функций сацебаронов. Причем в отношении исполнения этими лицами функций «Салическая Правда» не разграничивает их по происхождению (из свободных они или из рабов). Приближенные к королю лица, непосредственно помогающие ему в делах управления (мажордомы, маршалы и т. д.), тоже имеют большое своеобразие в функциях их деятельности при короле и его дворе.

Любопытна некоторая кажущаяся двойственность, которая характеризует государственную власть и ее функции во франкском королевстве при Меровингах (особенно в ранний период существования королевства). В ней сочетаются черты, характеризующие пережитки периода военной демократии, сохранившейся у варваров, с чертами, которые характеризуют короля как первого землевладельца в государстве и владельца большого двора, который вынужден все функции управления двором и домом возводить к функциям государственной власти.

¹ «Lex Salica», tit. XLV, XLVI.

² Там же, tit. I, X, XXXVII, XLIV, XLV, LI etc.

³ Там же, tit. LIV, LVI, LXIII.

⁴ Там же, tit. LIV.

⁵ Там же, tit. LIV, 3.

⁶ Там же, tit. LIV, 4.

⁷ Там же.

Кажущаяся¹ двойственность, характерная для государственной власти переходного периода, сказывается в функциях управления и в действиях должностных лиц, состоявших при короле. Ближайший к королю его помощник и доверенное лицо носил титул мажордома², что характеризовало его функции при особе короля и в его большом хозяйстве, дворе и доме. Но функции, возлагаемые на него растущим феодальным государством, как на первого сановника после короля, ставили его перед необходимостью управлять в этом государстве, ведать его земельными богатствами и награждать ими за военную и прочие службы приближенных короля, его сановников, вельмож, воинов и церковнослужителей, т. е. представителей господствующего класса. Забегая вперед, надо прямо сказать, что эта функция раздачи королевских земель на правах бенефиция и, следовательно, власть над этими землями и создает тот престиж мажордома, который впоследствии дает преимущества мажордомам перед «ленивыми королями» дома Меровингов.

Функции маршала как заведующего королевскими конюшнями усложняются новыми функциями по командованию конным войском франков. Эта функция, несомненно, имеет под собой практику войн, унаследованную франками еще от эпохи военной демократии, когда герцоги, т. е. военные предводители, командовали всеми военными силами племени или союза племен. Но в меровингском государстве эта функция завоевания усложняется функцией «держатъ подданных в узде», как во всяком классовом государстве. У короля есть дружина, которая не только помогает ему в завоеваниях, но которая укрепляет положение короля и внутри государства, обеспечивая функции государственной власти. Так, например, граф, производя судебную процедуру и требуя уплаты виры или штрафа в пользу короля, должен опираться на военную силу, иначе все его требования не имели бы никакого эффекта. Их просто никто не стал бы выполнять добровольно.

Сама «Салическая Правда» дает право предполагать наличие силы, на которую опирались король и его приближенные. Так, например, в титуле XIV пар. 4-й «Салической Правды» упомянуто о том, кто желает переселиться, имея грамоту от короля и «...если развернет ее в публичном собрании и кто-нибудь посмеет противиться приказанию...» (довольно грозное предупреждение, за которым чувствуется сила короля). Наказание, правда, ограничено суммой штрафа

¹ На самом деле превалируют интересы нового класса — феодальной знати.

² Дворецкого («Majordomus»).

(200 солидов), но сумма эта очень велика, если учесть, что на нее можно было купить 100 голов рогатого скота. Уплатить ее было не так-то просто, и величина суммы штрафа тоже свидетельствует о наличии грубой военной силы, на которую опирался король. В «Салической Правде» вообще превалирует тенденция денежных штрафов за все проступки. Большая часть этих штрафов поступала в королевскую казну, составляя значительную часть поступлений. Взимать штрафы тоже было необходимо при помощи военной силы. Недаром военная служба королю охраняла жизнь воина, и вергельд за его убийство был очень высок¹. Служба королю принималась во внимание и при прочих судебных процедурах². Но власть короля проходит свою эволюцию, укрепляясь не сразу. В этом отношении примером может быть сам король Хлодвиг — завоеватель Галлии³.

Суд и судебная власть короля ранней меровингской эпохи тоже имели большое своеобразие. Иск подавался в суд («mallus») частным лицом, которое могло подкрепить этот иск только клятвой с определенным числом соприсяжников (от 3 до 75, смотря по важности дела или положения истца и ответчика)⁴. Обвиняемый может прибегать к тем же средствам, чтобы доказать отсутствие преступления⁵.

Судебное разбирательство по существу дела отсутствует. Судья занимает позицию наблюдателя и следит за выполнением ритуала. Помимо клятвы с соприсяжниками, «Салическая Правда» упоминает о котелке с кипятком, в который опускалась рука обвиняемого для определения его виновности или невинности. Если рука в скором времени заживала, он считался оправданным. Но к этому, чисто народному приему суда, королевская власть Меровингов внесла версию о «выкупе руки от котелка»⁶, т. е. о замене этой мучительной операции штрафом. Штраф взимался (по соглашению сторон) дифференцированно — в зависимости от состава преступления (от 3 до 30 солидов)⁷. В случае выкупа руки от котелка обвиняемый должен был представить соприсяжников. Хотя пункт закона и говорит о «соглашении сторон», но, видимо, все же в этом случае решающее слово было за графом. На это указывают неоднократные предпри-

¹ 600 солидов за простого воина и 1800 за приближенного к королю.

² «Lex Salica», tit. XVI. Add. I. Если человек за поджог дома будет вызван в суд, то неявка его в суд может быть оправдана только королевской службой или болезнью (в противном случае он подлежит смертной казни).

³ Например, случай с суассонской чашей, описанный Григ. Турским (см. выше).

⁴ «Lex Salica», tit. II, XLII, XLVI, XLIX, LVI etc.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid, tit. LIII.

⁷ Ibid, tit. LIII, 1, 2, 3, 4, 5.

сания о том, что «если же даст больше для выкупа руки, должен уплатить графу *«fritus»*, как бы за проступок, в котором был уличен»¹. Заинтересованность графа в получении такого выкупа едва ли можно оспаривать. Применялись в суде и так называемые «судебные поединки», но они в «Салической Правде» не нашли отражения, видимо, как процедура наиболее архаичная и меньше применяемая. Власть (главным образом, судебную) на местах и в провинции осуществляют уполномоченные короля — графы. Но эти графы, состоявшие на службе у короля, не везде пользуются авторитетом. Есть в королевстве большие земельные территории — герцогства, принадлежавшие отдельным землевладельцам, чаще всего крупным военачальникам или сановникам короля — герцогам, которые графам не подчиняются, а судят население в своих герцогствах сами. Как видно, и в делах и в вопросах управления в меровингском государстве франков тоже существует двойственность. На одних землях творят суд над населением графы, другая часть земель, захваченных в свое время военачальниками — герцогами, принадлежала им. У них должно было искать и суда и защиты от разбоев то население, которое жило на их землях. А в сотнях творят суд пока по-прежнему еще тунгины или сотники. Высшей судебной властью для королевства является король, которому предназначалась и $\frac{1}{3}$ часть всех штрафов и вир. Судебная функция немало способствовала укреплению королевской власти при первых Меровингах.

Укреплению королевской власти способствовала и политика римско-католической церкви, поддерживавшей, Меровингов не без выгоды для себя.

СОЮЗ КОРОЛЯ С ЦЕРКОВЬЮ

Принятие христианства, предпринятое Хлодвигом из политических соображений и тоже отмеченное в хронике Григория Турского², было знаменательным актом в истории франков, т. к. оно закрепляло тесный союз франкских королей и римско-католической церкви.

Эти две надстройки — политическая и религиозная, тесно переплетаясь одна с другой, усердно выполняют свои функции по укреплению феодального базиса во франкском государстве Меровингов. О тесном содружестве короля и церкви во франкском королевстве Меровингов есть ряд свидетельств. Одно из них — свидетельство хроники, составленной Григо-

¹ «Lex Salica», tit. LIII, 2, 4, 6, Add. 2.

² Greg. Turon. Liber Historia Francorum, IV, M. G. H. Scriptorem rerum Merovingic, ed. Krusch, t. II.

рием Турским. Григорий Турский, изобличая короля франков Хлодвиг I (или Хлодовека по-франкски) в ряде жестоких, коварных поступков (убийстве братьев, измене своему слову, обмане и т. д.), неизменно все «прощает» своему любимцу за то, что тот крестил франков. «И все ему удавалось,— говорил Григорий Турский,— так как он ходил с сердцем правым перед господом»¹.

Есть сведения и о том, что Хлодвиг богато одаривал духовенство землями и обогащал его дарами. Некоторые буржуазные авторы называют Хлодвиг даже «отцом епископов». Он во всем с ними советовался и им покровительствовал. После войн с готами Хлодвиг шлет епископам послание, в котором берет под свое покровительство церковное имущество и людей церкви. В 511 г. он созывает собор в Орлеане. На нем присутствовали епископы Тура, Буржа, Оза, Руана, Бордо. Они обсуждают вопросы, поставленные королем; постановляют, что никто, кроме детей, внуков и правнуков духовного лица, не посвящается в клирики без разрешения короля и магистров².

Этим актом закреплялось наследственное право на церковные должности за родственниками духовных лиц³, т. е. устанавливалась и среди духовенства та же система, которая уже наблюдалась в среде светской знати (короли из дома Меровингов, например, имели узаконенное право наследования власти от отца к сыновьям). Хлодвиг добивается сильной единой власти, стремясь удалить со своей дороги всех соперников и родственников. Осуществлял Хлодвиг свою политику «единовластия» самыми жестокими и коварными методами. Об этом много и подробно рассказывает хроника Григория Турского⁴, но и эти преступления церковь «прощает» Хлодвигу, имея достаточно много оснований для этого «прощения». Церковь имела влияние на все дела в государстве и добилась больших земельных пожалований от короля и магнатов. Ее земли во франкском королевстве составляли к VIII в., по некоторым предположениям, не менее 1/3 всего земельного массива⁵.

Используя слова Хильпериха, записанные у Григория Турского об обеднении королевской казны за счет роста земельных богатств церкви⁶, Энгельс писал: «Короли соперничали между собой в том, кто из них сделает больше дарений

¹ Greg. Turon. Liber Historia Francorum, IV, M. G. H. Scriptorem rerum Merovingic, ed. Krusch, t. II.

² Байе. Христианство и германцы в Галлии («Общая история европейской культуры», под ред. И. М. Гревса, т. VII, СПб., 1913, стр. 339).

³ Тогда еще в римско-католической церкви не существовало целибата.

⁴ Greg. Turon. Указ. соч.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 396.

⁶ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394.

в пользу церкви — землею, деньгами, драгоценностями, церковной утварью и т. д.»¹

Многие грамоты франкских королей содержат указания на дарения, произведенные ими в пользу церкви². Но в этих указаниях нет ссылок на величину даримых участков. Используя указания о дарениях и те общие замечания о росте богатств церкви, которые приведены выше, мы можем отметить, что дарения и пожалования в пользу церкви со стороны королевской власти, видимо, были значительны, но «...за королями следовал и народ. Мелкие и крупные землевладельцы не знали меры в своих дарениях в пользу церкви»³.

Об этих дарениях церкви есть и совершенно конкретные указания в источниках. Взять, например, «Полиптик» аббата Ирминона и посмотреть, как в нем отражены дарения, сделанные светскими землевладельцами, «мелкими и крупными», в пользу Сен-Жерменского аббатства⁴. Судя хотя бы по «Brevium» XII «Полиптика», дарений было весьма много и они отражены конкретно⁵. Например, на территории французского департамента Орн показано около 50 дарений, сделанных разными лицами в пользу монастыря св. Германа. Тут и Идарка, которая пожертвовала монастырю 26 бунариев пахотной земли и 13 арпанов луга, и Альд, пожертвовавший тому же монастырю 44 бунария пахотной земли, 4 арпана луга и столько же леса, и Вальдкарий, отдавший монастырю 19 бунариев пахотной земли, 4 арпана луга и 1 арпан леса и т. д. Приведено свыше 50 имен «дарителей», отдавших церкви свои пахотные, луговые и лесные земли (только по одному XII «Brevia»). Размеры участков не равны. Они достигали до 50 бунариев и все конкретно названы и все вместе они составляют значительную земельную площадь монастыря, состоящую только из пожертвований «мелких и крупных землевладельцев» (и только по 1 департаменту, отраженному в одном «Brevia», 317 бунариев пахотной земли, 131 арпан луга и 40 бунариев леса)⁶.

Приняв во внимание все «Brevia» (и те, что до нас не дошли), можно представить себе, какую колоссальную площадь земли данный монастырь получил от «дарителей».

¹ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394.

² Pardessus. Diplomata, Chartae, epistolae, leges, Paris, 1845, tt. I—II.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394.

⁴ Хотя составление «Полиптика» относится к IX в., но собрание земель монастыря, основанного в 542 г. Хильдебертом, происходило в VI—VIII вв.

⁵ «Polyptyque de l'abbaye de Saint — Germain des Pres», Brevia XII. Paris, 1886.

⁶ Подсчет произведен нами по XII «Brevia».

В момент составления «Полиптика» на этих землях «сидят» уже совсем другие люди, которые получили эти земли от монастыря в прекарий за оброк и барщину.

Таким образом, «Brevia» «Полиптика» — прямые свидетели и накопления земельных богатств у церкви, и постепенной феодализации церковной или монастырской земли, производимой церковными феодалами при явном покровительстве государства. Факт многочисленных дарений от короны в пользу церкви, о чем говорили мы выше, установлен документально; пример, поданный этими дарениями другим землевладельцам, отмечен нами тоже выше¹. Явное попущительство в пользу церкви со стороны государства и его законов говорит об исключительном, привилегированном положении церковных феодалов, как крупных землевладельцев в феодализирующемся государстве Меровингов и феодальной политике меровингского государства, направленной на укрепление одной из основных групп господствующего класса — группы церковных землевладельцев.

Для характеристики господствующих групп и укрепления их положения в государстве Меровингов следует также отметить то, как «Салическая Правда» отражает положение духовенства в государстве.

Всем известен факт о крещении франков в 496 г., что предпринято было Хлодвигом с целью укрепления союза с церковью. «Салическая Правда»² нигде не отразила этот момент, т. к. сама «Правда», составленная в начале VI в., родилась почти в то же время. Но «Салическая Правда» в ее более поздних кодексах, составленных в VI—VII вв., не могла не отразить интересов этой новой группы франкской знати — духовенства.

Уже во II и III «семьях» рукописей «Lex Salica» появляются указания на особый штраф за убийство лиц духовного звания.

В титуле LV «Об ограблении трупов» в VI в. появляется Add. 5, которое гласило: «Если кто лишит жизни священника, присуждается к уплате 24 000 дин., что составляет 600 сол.»³. И это Add. 5 сохраняется потом во всех кодексах «Салической Правды».

Позднее, в III «семье» рукописей (в VII в.) появляется новое «прибавление», в котором уже упоминается о вергельде за убийство епископа, повышенном до 900 солидов⁴.

Закон исторически отразил и появление новой знати и увеличение вергельда за убийство более высокого духов-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 394—395.

² В ранних кодексах I «семьи».

³ «Lex Salica», II, III «семьи», «Emendata», tit. LV, Add. 5.

⁴ «Lex Salica», III «семья», «Emendata», tit. LV, Add. 6.

ного лица. В целом убийство духовного лица оценивается вирой в 600—900 солидов, т. е. как за убийство знатного, приближенного к королю человека. И это повышение виры за убийство духовного лица появляется в законе вопреки воле и желаниям народа, являясь в это время уже не записью обычного права народа, а чисто королевским постановлением, направленным на укрепление престижа и благополучия одного из союзников королевской власти — церкви. Народ ненавидит духовных лиц как крупных землевладельцев-эксплуататоров и стяжателей народных денег. Ненависть народа к духовным лицам отмечает сам источник («*Lex Salica*»), приводя повышенный вергельд за убийство духовных лиц. Видимо, случаи убийства духовных лиц и случаи покушения на их жизнь были так часты, что вызвали к жизни данные статьи закона. Ненависть народа к духовенству и церкви объясняется еще и тем, что франки в это время сохраняли еще привязанность к своим прежним (языческим) верованиям, которые в их памяти отождествлялись с их былой свободой и независимостью. Документы эпохи неоднократно сообщают о том, что франки (как и другие народы, обращенные насильственно в христианство), ломали церкви, изгоняли священников, устраивали в храмах «бесовские пляски» (как показывали духовные лица) и языческие песнопения¹. Духовенство, видя в этих народных актах своеобразную оппозицию церкви, всячески стремилось пресечь их постановлениями церковных соборов и насильственными административными мерами, в которых им помогала государственная власть, охранявшая жизнь духовных лиц своими законами.

Раз появившееся в законе данное положение остается во всех последующих кодексах «Правды», свидетельствуя о большом удельном весе духовенства во франкском обществе, о даинной группе знати. Только I «семья» рукописей нигде не упоминает о данной группе знати, явно показывая этим еще отсутствие ее в V в. у франков. Исторически все это совершенно закономерно и объяснимо. Капитулярии к «Салической Правде» показывают, что власть церкви распространилась и на франкское население. Ко времени правления Хлотаря I церковь добилась права церковного убежища (права неприкосновенности любого преступника, скрывающегося от казны в церкви или на ее земле)². Это давало церкви большие преимущества и власть над зависимым населением.

¹ Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, стр. 203—204.

² «*Lex Salica*», Capitul. IV, 14, 15.

Следует отметить, какими путями шла феодализация франкского государства, какие явления способствовали росту новых производственных отношений (новому господствующему классу). Как помогало новое — раннефеодальное государство эпохи Меровингов классовой борьбе за укрепление власти феодалов?

«Салическая Правда» как юридический памятник, хранящий еще многие черты от обычного права франков, отмеченные нами выше¹, является, однако, тоже надстройкой данной эпохи и была вызвана к жизни тем же меровингским государством.

Следовательно, в структуре и текстах «Салической Правды», наряду с титулами, отражающими архаику общества, что нами уже отмечено², надо искать и такие титулы, которые отражают интересы самого государства, создавшего «Правду», и того класса, интересы которого защищает это государство, т. е. растущего класса землевладельцев.

Выше мы на примерах анализа текстов «Правды» проследили за сменой одних взаимоотношений во франкском обществе другими, за ростом малой индивидуальной семьи и началом распада общины.

Мы не видим в этом обществе привилегий, получаемых по праву рождения (они отсутствуют), но тут налицо те привилегии, которые даются за службу в государстве и при дворе короля, за чины и земли, получаемые от высшей власти или приобретенные другим путем. Повышение суммы штрафа за убийство представителя привилегированной знати раннефеодального государства (феодальной знати) свидетельствует о пристрастии закона к этой знати, о соблюдении в законе классовых интересов именно этой феодальной знати или свидетельствует о классовой тенденции, отраженной в законе, который и здесь выражает свое стремление к укреплению своего базиса, феодального базиса³. Нам важно проследить по источнику, какими каналами идет феодализация простого франкского населения, какова жизнь людей.

Население живет в пагах⁴ и сотнях⁵. Последнее наименование связано с более ранним делением общества на сельские общины-марки. Сотенная марка — старинный округ, включавший в свой состав более мелкие (сельские) марки-общины. Сотня одновременно и судебный округ,

¹ См. I и II гл.

² Там же.

³ «Lex Salica», tit. LIV, 3 и другие титулы.

⁴ «Pagus» — административный округ. «Lex Salica», tit. I, 5.

⁵ «Centus» — территориальный округ. «Lex Salica», tit. XLIV.

в который входят до ста семейных старейшин. Председательствует на суде сотник или «centenarius» (он же — тунгин) ¹.

«Салическая Правда» неоднократно упоминает и то и другое наименование в своих титулах, как в ранних, так и в более поздних изданиях ².

Пагус — наименование округа более позднее. Он имеет чисто административный характер. В «Салической Правде» встречается всего два раза ³. Эти два наименования: сотня и пагус тоже являются отражением в королевстве Меровингов двух разных эпох (старой и новой). Причем во времена «Салической Правды» (при ранних Меровингах) должность сотника еще выборная от населения сотни.

В более позднее время на эту должность будет назначать граф. Выборность этой должности, хотя бы при первых Меровингах, показывает живучесть старых общинных порядков, старой надстройки, которая еще просачивается через растущую толщу новых производственных отношений в раннефеодальном государстве франков. К числу таких элементов отживающей, но еще не отжившей надстройки старого первобытно-общинного строя с его общинными порядками и учреждениями нужно отнести и институт рахинбургов, тоже отраженный в «Салической Правде» ⁴.

Рахинбурги — уполномоченные от народа, которые участвуют в разбирательстве дела на суде. Это «сведущие люди» ⁵, которые знают и людей и судебные порядки (знают, видимо, и франкские и римские общеупотребимые законы, если судить по тексту «Правды»).

Текст «Правды» гласит, что если рахинбурги откажутся «сказать» закон, то семеро из них присуждаются к уплате по 3 солида ⁶. В этом тексте можно отметить то, что упомянуто число рахинбургов (7) и то, что это не определяло всего их состава. Их было больше, т. к. сказано в «Правде» — 7 из них («Septem de illos rachinburgis») ⁷, а это ясно указывает на часть от целого. Уточнение общего числа рахинбургов нас в данном случае не особенно интересует. Важно то, что их было много, а одно это уже указывает на коллегиальность производимого у франков суда и на участие в нем самих франков, т. е. свидетельствует о том, о чем мы говорили выше, — об отражении в этом новом обществе известных черт старой надстройки.

¹ «Tunginus» — принуждающий. «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XLIV, 1.

² «Lex Salica», «Heroldina», «Emendata».

³ «Lex Salica», tit. XLIV, 1; LX.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVII.

⁵ В капитуляриях к «Салической Правде» они названы еще «дове-ренными». («Lex Salica», Capitul. V, 7).

⁶ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVII, 1.

⁷ Там же.

К явлениям, отражавшим в какой-то степени первобытно-общинный строй, но сохранившимся и во времена Меровингов, надо отнести и институт соприсяжников, ярко отраженный в «Салической Правде». Число соприсяжников, выступавших на отдельных судебных заседаниях, различно. Оно зависит от тяжести преступления и от лиц, на которых падает обвинение. Знатный их имеет меньше, рядовой свободный франк — больше. Число соприсяжников колеблется от 3 до 25 и 75¹.

Соприсяжников («iudicetur») обычно представляют собой односельчане или жители одной сотни, которые выступали в известной степени и как поручители обвиняемого. Весь институт соприсяжничества является известным отражением прежних свободных и равноправных отношений в обществе. Самое наименование соприсяжников («iudicetur») показывает их прямое отношение к процессу суда. Они выступали не простыми свидетелями, а определенными участниками судебного процесса, как было во времена господства общинных порядков. «Салическая Правда», составленная во времена Меровингов, о них упоминает довольно часто. Видимо, этот институт соприсяжников имеет еще широкое распространение во времена первых Меровингов. Но та же «Салическая Правда» в своих более поздних списках стремится заменить термин «соприсяжники» термином «свидетели». Это можно показать на ряде титулов «Правды». Так, например, в XXXIX титуле, в ранней его редакции, говорится про соприсяжников («iudicetur»), которых нужно представить на суд², а в более поздних прибавлениях (Additum) к тексту указывается только на свидетелей («de testibus») ³. Это явление можно подметить и на примере титула IX, где в Add. 2 упоминаются свидетели ⁴.

Та же картина выступает при сравнении двух текстов о вдове, которая хотела бы вторично выйти замуж ⁵. В первом, более раннем варианте, упомянуты 3 человека, под которыми надо подразумевать соприсяжников, а в более поздних Additum к «Lex Salica» в Capitularae I прямо говорится о 3-х свидетелях («testibus»), которые должны присутствовать при акте выдачи разрешения вдове на вторичное замужество и т. д.

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XLVI, 9. В тит. I число их не уточнено; в тит. XXX указано 12; в тит. XXXI число их не указано; в тит. XXXIX их указано 3 и 9; в тит. XLII, 5 их упомянуто 25, в Capitularia к «Lex Salica» — от 9 до 75.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. XXXIX, 2.

³ «Lex Salica», II, III «семьи», «Heroldina», «Emendata», tit. XXXIX, Add. 2.

⁴ «Lex Salica», tit. IX, «Heroldina», «Emendata», Add. 2.

⁵ «Lex Salica», tit. XLIV et Capitul. «Lex Salica», I, 7.

Нам кажется, что эта попытка замены одного термина другим (т. е. соприсяжников на свидетелей) в более поздних списках «Правды» — явление не случайное, и дело тут не в вине переписчиков. Скорее всего, это последовательно выраженное стремление меровингской знати, меровингского государства уменьшить значение соприсяжников, как представителей народа в суде, заменив их простыми свидетелями («testibus»). Но и на этом факте наличия соприсяжников в суде (так же как и на акте своеобразной борьбы с ними, отмеченной нами в «Правде») можно усмотреть черты той же борьбы, которой пронизано все государство франков времен Меровингов. Эта борьба идет, как нами уже было отмечено, за счет соприкосновения в государстве элементов двух надстроек: первобытно-общинной (отживающей, уходящей в прошлое) и феодальной в ее ранний период существования. Явно преобладает новая надстройка и, собственно, эта надстройка фактически осуществляет свое прямое назначение — помогает своему базису укрепиться. То, что сохранилось от старой надстройки, в виде пережитков ее, свидетельствует только о наличии в прошлом этой надстройки и о живучести некоторых ее черт. Франкское государство эпохи Меровингов в своей политике, как внутренней, так и внешней (о чем речь будет позже), всецело стремится осуществить социально-экономический заказ феодальной формации и всемерно помочь своему феодальному базису стать крепче на ноги. И в этом плане основной законодательный памятник — «Салическая Правда» отражает в ряде своих титулов эту основную тенденцию государства.

Довольно показательным фактом, отраженным в «Салической Правде», является постепенно изменяющееся положение графа в графстве и его участие в суде. Как мы отметили выше, в наиболее ранний период существования меровингского государства, в нем значительную роль играли органы первобытно-общинного строя — институт рахинбургов, соприсяжники, тунгины и т. д. Положение графа, как королевского представителя в суде, не было велико. Некоторые авторы склонны даже считать графа в меровингском государстве только надстройкой над местным общим собранием¹. С этим суждением, без должных оговорок, нам не позволяет согласиться произведенный нами анализ документов и, в первую очередь, «Салической Правды». Во-первых, там о народном собрании, как о таковом, упоминаний почти нет.

Есть упоминание только о судебном заседании («mallus»), на котором, видимо, в наиболее раннюю эпоху Меровингов, как мы это отметили выше, значительную роль

¹ Автореферат И. Ю. Перской «Раннефеодальное государство Каролингов», 1952 (и ее же кандидатская диссертация).

играли представители от населения (центенарии или тунгины, рахинбурги, соприсяжники и т. д.). Но значило ли это, что граф в этот ранний период не играет никакой роли как представитель королевской власти? Нам кажется, что так судить не следует и вот в силу каких соображений. Возьмем, например, титул XLV («*De migrantibus*»), отражающий наиболее архаичные пережитки еще сохранившихся следов общинных поселений у франков¹. Какова там роль графа? Именно к нему, а не к тунгину обращается тот, кто требует выселения чужака из общины². Именно графа, а не тунгина и не рахинбургов приглашают для конфискации чужой вещи³ и т. д. Поэтому нельзя ставить вопрос так, что в меровингском государстве граф только созерцатель того, что делают народные судебные органы, или говорить о том, что граф имел лишь исполнительную власть при Меровингах. Вопрос следует ставить так: как проявлялась роль графа в ранний меровингский период во взаимоотношениях графа, тунгина, рахинбургов и т. д. Ответ на этот вопрос дает исследование «Салической Правды».

В первый период существования меровингского государства функции этих людей в нем несколько разграничены. Граф возглавлял графство и судил в пределах графства. Тунгин (или центенарий), стоя во главе сотенной марки, там производил расследование дел. Пока тунгины, центенарии, рахинбурги и соприсяжники — выборные от народа, это создает очень яркую и характерную для времен меровингского государства картину некоторого разделения власти на местную и центральную (с креном в сторону последней). Но это разделение власти не остается без изменения даже в пределах меровингской эпохи. Граф, являясь представителем королевской власти у франков, следовательно, выразителем интересов господствующего класса, феодального класса, ведет от имени этого класса борьбу с представительством народных масс в суде и административном округе. Борьба эта длительная, интенсивная, но она имеется налицо, и «Салическая Правда» ее в какой-то степени отражает.

Отметим некоторые моменты этой борьбы.

Ранние кодексы «Салической Правды» устанавливают у франков 3 инстанции судебных заседаний и судебных разбирательств. Суд в сотенном собрании, в котором (во времена первых Меровингов) председательствует сотник⁴ (он же центенарий или тунгин), избираемый в то время населением сотни; суд графа — в более высокой инстанции —

¹ «*Lex Salica*», «*Paris 4404*», tit. XLV, 1, 2.

² Там же, tit. XLV, 2.

³ «*Lex Salica*», «*Paris 4404*», tit. LI, 1.

⁴ «*Lex Salica*», «*Paris 4404*», tit. I, XLVIII, 1; XLIX, XXXIX, XXIV etc.

в округе или графстве¹, и, наконец, суд короля, назначаемый в особо важных случаях².

Первый из упомянутых — сотенный суд — превалирует в ранних титулах и кодексах «Правды». Но судебное разбирательство и решения, принимаемые этими первичными судебными собраниями, находятся все же в компетенции графа. Последний может своим вмешательством (как высшей инстанции) ускорить выполнение приговора³ или укрепить решение суда сотни⁴.

Таким образом, власть народа в судебном производстве франкского государства, отмеченная нами выше, выступая в данных функциях его, имеет все же определенную ограниченность. Мало-помалу нарушается дальнейшее функционирование чисто народных учреждений, отражавших пережитую эпоху первобытно-общинных отношений у франков. Наоборот, функции графа и его помощников — сацебаронов, как представителей раннефеодального государства, неизменно укрепляются. Это отразила «Салическая Правда» в своих изменяющихся титулах. Так, например, если в ранних кодексах «Правды» под именем судьи иногда можно было подразумевать тунгина или центенариуса⁵, то в более поздних титулах, особенно в капитуляриях «Салической Правды», роль графа как судьи упоминается все чаще, а имя тунгина или центенариуса — в этом смысле, все реже.

В тех же капитуляриях к «Салической Правде» слова «граф» и «судья» употребляются уже как синонимы⁶.

В эдикте Хильпериха⁷, например, рахинбурги названы только доверенными в суде⁸, а решение суда должно было зависеть от графа.

Помимо этого, в различных «прибавлениях» к «Салической Правде» все чаще упоминается имя графа как ответственного за исход судебного дела и за получение композиции в пользу короля и за наказание преступника⁹.

Есть основания говорить о том, что по мере роста франк-

¹ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LIV, L, 3.

² «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVI, Capitul. «Lex Salica», I, 8.

³ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. L, 3.

⁴ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. LVI, 1 (XXXVII, XLIV, XLVI etc.).

⁵ «Lex Salica», «Paris 4404», tit. I, XXXVII, XLIV, XLVI etc.

⁶ «Lex Salica», Capitul. I, 7, 9. «...Et si isti non fuerint tunc in mallo iudici, hoc est Comite aut grafione roget de eam». Capitul. I, 9. «Sic debet iudex hoc est comis aut grafio».

⁷ II половина VI в.

⁸ «Lex Salica», Capitul. V, 7. «...tunc in proximo mallo ante... Rachynburgi sedentes et dicentes quod ipsi illum ante (audierint), sic invitetur graphio».

⁹ «Lex Salica», tit. LIII, Add. 2. (II «семья», «Heroldina», «Emendata». «Quod si amplius dederit, fretus graphioni solvatur tamquam si de causa illa fuisset adprobat». «Lex Salica», tit. XXXII, Add. 3: «Si quis ligatum per superbiam aut per virtutem ad graphionem tulerit de vita sua redimat».

ского государства выборные когда-то от народа, от населения лица (тунгин или сотник) стали назначаться графами и превратились в должностных лиц — помощников графа на местах. В декрете Хлотаря I есть два интересных для нас места. В п. 9 говорится об образовании сотен для более успешной борьбы с ворами во имя выполнения правосудия¹. Эти «centenas» установлены властями. В их функции входит ловить воров и возмещать стоимость потерпевшему. Вторая функция предполагает значительную компетенцию данной сотни.

Так как установление сотни декретировано королевской властью, то ее можно считать установлением сверху (может быть, взамен исконной народной выборной сотенной организации).

Но, видимо, установление этой новой организации — сотни не обошлось без недовольства со стороны населения, и это вызывало необходимость компромисса между властью и народом на первое время.

В п. 16 того же декрета есть разъяснение о том, что во имя соблюдения мира во главе сотенных отрядов ставились выборные сотники². Но эти выборные «с верностью и тщанием» должны были подчиняться и королю и графу (судье), которому целиком должны были предоставлять «fretus»³.

Этот компромисс, к которому вынуждалась королевская власть, был тоже характерным проявлением, свойственным меровингской эпохе.

Однако заметим, что на этом этапе (VI в.) компромисс проявляется уже с явным креном (уклоном) в сторону интересов королевской власти, феодальной власти.

Дальнейшая феодализация должностей не замедлила себя показать. Мы уже заметили выше со ссылками на документ, что власть и компетенция графа в провинции неизменно росли за счет ослабления роли первичных, когда-то народных (сотенных) организаций.

В капитулярии к «Салической Правде», например, прямо приводятся случаи, при которых граф, подменяя сотника, созывает «mallus» для решения дела об убийстве человека, совершенном между двумя деревнями⁴.

¹ *Decretus Chlotario*. 9. «*Decretum est ut quia (ad) vigilias constitutas nocturnas furis non caperent, eo quod per diversa intercedente conludio scelera sua praetermissa custodias, exercerent, contenas fueri.*»

² *Decretus Chlotario*. 16. «*...Pro (tenore) pacis, iubemus ut in truste electi centenarii ponantur per quorum fide atque sollicitudine pax praedicta servetur...*»

³ Там же. «*...fretus tamen iudici in cuius provinta latro est requiratur.*»

⁴ «*Lex Salica*», Capitul. I, 9. «*...De hominem inter duas villas ocoisum.*» — «*...Ut homicida illa non appareat sic debet iudex, hoc est comis aut graphio, ad loco accedere et ibi cornu sonare debet.*»

В этом капитулярии граф не только назван именем судьи, но он выполняет и функции когда-то только выборных людей — людей сотни, созывая собрание (трубя в рог). Надо отметить, что и сама должность графа не оставалась без изменений, подвергаясь той же феодализации. Граф — крупный землевладелец, получающий от короля земли за свою службу. Граф как представитель землевладельческой знати стремится укрепить и свое положение в провинции, которой управляет. Это укрепление его положения последовало в эдикте короля Хлотаря II (614 г.), который был вынужден сделать уступки землевладельческой знати для укрепления своего положения, получая власть из рук этой знати. В эдикте Хлотаря II должность графа закрепляется за землевладельцами тех провинций, в которых они имели свои земли¹.

С этого времени (с I половины VII в.) наблюдается усиление власти крупных землевладельцев в государстве и постепенное падение, а потом и исчезновение народного представительства в судебных делах и администрации.

Старые формы политической жизни меровингского государства начинают уступать место феодализации в управлении, господству поземельной феодальной знати. Об этом новом делении общества есть прямое указание в источниках эпохи. Уже в капитуляриях к «Салической Правде» есть деление людей на лучших («*meliores*») и худших («*minoflidis*»)². Это деление людей в документе отражает растущее классовое расслоение в обществе франков эпохи Меровингов. Это общественное разделение людей, вызванное ростом имущественного неравенства, еще более усугубляется в государстве Меровингов теми формами взаимоотношений, в которые вступают владельцы земель с разоряющимися аллодистами. Во франкском обществе уже в период Меровингов широко распространенными явлениями были коммендации, прекарии, бенефиции. Буржуазные историки подчеркивают лишь политическую природу данных институтов, игнорируя их экономическую основу. А между тем, корни прекария, коммендации, бенефиция и связанных с ними вассалитета и даже иммунитета лежат глубоко в экономике общества и восходят, таким образом, к базису феодального общества. Оформление этих институтов, их рост и влияние на взаимоотношение людей сказываются и в политической надстройке данного общества, т. е. в государстве, вызывая и в последнем явления, которые можно считать типичными именно для

¹ «*Ut nullus iudex de aliis, provinciis aut regionibus in alia loca ordinatur: ut, si aliqui de quibuslibet condicionibus perpetraverit, de suis propriis rebus exinde quod male abstulerit iuxta legis ordine debeat restaurares*» (M. G. H. Capitul. reg. fr. t. I, ed. Balus. Ed. Chlotari II).

² «*Lex Salica*». Capitul. I, 9.

государства феодального. Анализ феодального государства и феодальных институтов, однако, сейчас не входит в задачу нашего исследования.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МЕРОВИНГОВ

Внешняя политика франкских королей, являясь, как и всегда в государстве отражением внутренней политики, выражала те же интересы растущей феодальной знати и церкви к расширению и захвату новых земель и приобретению новых «подданных».

Хлодвиг, устремившись на территорию римского наместничества, в котором был наместником Сиагрий, захватил в 486 г., после битвы при Суассоне, Северную Галлию, которую и сделал местом своего пребывания. Хлодвиг привлекал к себе и территория Южной Галлии, принадлежавшая вестготам, но, опасаясь силы и военной доблести вестготского народа, Хлодвиг не решался сразу напасть на него и выжидал удобного случая для нападения, довольствуясь пока присоединением территорий более мелких племен: рипуарских франков (на Рейне), тюрингов, саксов. Саксы, правда, не были подчинены франкам полностью. Их территория не вошла в состав франкского государства. Но они вынуждены были платить франкам дань.

В 509—511 гг. начинается продвижение франков в Южную Галлию и Аквитанию — на территории вестготского государства. Двухлетняя борьба с вестготами закончилась победой франков. Таким образом, Хлодвиг I стал обладателем большой территории бывшей Римской империи, которая охватывала почти всю Галлию (за исключением полуострова Арморика, получившего после переселения туда бриттов название Бретани, и Септимании). Завоевания Хлодвиг I продолжили его сыновья, захватившие богатые плодородные земли Бургундии (534 г.), а через два года после завоевания Бургундии к франкскому государству был присоединен Прованс (536 г.). Все эти завоевания и приобретения делали франкское государство очень крупным по его территории. Фактически почти вся Галлия входила в состав франкского государства, за исключением Бретани и некоторых небольших территорий на юго-западе, сохранившихся у вестготов.

Этот рост территории франкского государства способствовал и росту феодальной собственности на землю у франков. Земля захватывалась военачальниками и знатью, жаловалась и дарилась королями своим магнатам и церкви и все больше концентрировалась в руках светских и церковных землевладельцев.

Историков интересовал вопрос о том, почему завоевания франками новых территорий были такими быстрыми и оказались относительно прочными. Н. П. Грацианский приводит тут несколько причин, заслуживающих внимания. Первая причина та, что франки, совершая далекие походы, не порывали связи со своими германскими сородичами и черпали с родины свежие силы людских резервов (с Рейна и из-за Рейна), что были не в состоянии делать ни вестготы, ни бургунды). Вторую причину он видит в том, что франки, расселяясь на новых местах, не трогали земель и угодий местной знати, которая продолжала владеть земельной собственностью. Поэтому последняя не особенно и протестовала против вторжения франков. Третьей причиной прочного поселения франков в Галлии Грацианский считал их расселение большими компактными массами (общинами)¹. Можно еще уточнить, что большую помощь франкским завоевателям оказывала римско-католическая церковь — верная союзница франкских королей после крещения франков (при Хлодвиге) по римско-католическому обряду (496 г.). Епископы городов Аквитании и Бургундии открыто были на стороне франкских завоевателей, предпочитая их господство владычеству ариан².

МЕЖДОУСОБНЫЕ ВОЙНЫ МЕРОВИНГОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФЕОДАЛИЗАЦИИ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Укрупнение земельных владений и усиление вместе с тем власти отдельных представителей из дома Меровингов и их магнатов рано приводит франкское государство к междоусобным войнам, которые начинаются уже в VI в. внутри королевства и продолжаются в течение всего периода правления Меровингов. Те знаменитые рассказы из времен Меровингов, которые написал О. Тьерри, используя хронику Григория Турского, ярко иллюстрируют кровавые схватки между франкской высшей знатью и королями или королей и королев между собой. Междоусобная борьба происходит из-за земель и богатств, а также из-за дележа добычи. Используя те же источники³, отметим некоторые моменты этой вражды и борьбы.

Григорий Турский, кроме случая с суассонской чашей при дележе добычи у франков⁴, еще описывает несколько случаев: то наделения королями франков своей дружины золо-

¹ Н. П. Грацианский. Средние века. Изд. МГПИ им. Ленина, М., 1939, стр. 55—57.

² Там же.

³ «Lex Salica» et «Historia Francorum».

⁴ Отмечено нами выше.

том и драгоценностями, то вражды между королями или королей и воинов из-за добычи.

Так поступил, например, внук Хлодвиг — Хильперих, вскрывший после смерти отца (Хлотаря) его драгоценности и одаривший ими «начальников дружины и воинов», чтобы они были ему верными¹. Но этот же поступок Хильпериха немедленно имел резонанс в его отношениях с братьями, которые не могли ему простить его обогащения за счет их общего достояния.

Один из главных стимулов борьбы между правителями франков — стимул сохранения или приобретения власти.

Можно проследить по хронике Григория Турского, как Хлодвиг всеми путями стремился к сосредоточению земель в своих руках и единовластию, для чего расправлялся так бесцеремонно со всеми своими родственниками².

Та же политика продолжается после его смерти Хлотарем I. До того как он расправился с сыном и его семьей, Хлотарь добывается других земель, когда-то принадлежавших Хлодвигу. Для этого он борется со своими братьями и их сыновьями³.

В книге IV своей «*Historia Francorum*» Григорий Турский рассказывает о расправе Хлотаря I (сына Хлодвиг) со своим восставшим против него сыном Храмном, которого приказал сжечь с его женой и детьми⁴. В этом «эпическом» повествовании отразилась жуткая действительность, которая была характерна для этой обстановки постоянных феодальных распр в королевском доме и стремление королей-соперников любыми средствами удержать власть в своих руках. Все это является следствием определенной погони за земельной феодальной собственностью и связанной с ее обладанием властью.

Хлотарь, получив, наконец, земли Хлодвиг после смерти братьев, резиденцией своей делает Бренн, где содержит королевский двор, дружину, антрустионов и свозит туда все свои драгоценности, награбленные в разных городах и поместьях (золотые монеты, сосуды и драгоценные камни)⁵.

После смерти Хлотаря начинаются новые распри из-за земель и богатств между его сыновьями, а богатства Хлотаря похищает из Бренна его сын Хильперих⁶, который, раздавая эти награбленные ценности, приобретает себе слуг и сторонников в лице начальников дружин и воинов,

¹ Greg. Turon. *Historia Francorum*, t. I, IV.

² Там же.

³ Там же, р. 214.

⁴ Там же.

⁵ О. Тьерри. Рассказы из времен Меровингов. (Избр. произв.) М., 1937, стр. 336.

⁶ Greg. Turon. *Historia Francorum*, t. I, IV, p. 214.

проживавших в Брэнне и его окрестностях¹. Они клялись ему в верности, как королю, а он повел их сразу же на взятие Парижа, в котором некогда жил Хлодвиг².

Хильперих без труда вступил в Париж, но остальные три брата, узнав об этом, объединились против Хильпериха. Быстрыми переходами они двинулись на Париж³. Хильперих не посмел вступить в борьбу с превосходными силами братьев и, вступив с ними в переговоры, согласился на раздел земли франков по жребию. Раздел дал деление на 4 части: королевство Парижское, королевство Орлеанское, Нейстрию и Австразию (аналогично тому, как была разделена земля франков после смерти Хлодвига между его сыновьями).

Григорий Турский подробно останавливается на перечислении того, кому из братьев что досталось при новом разделе. Это позволяет проследить по названиям за протяженностью территории франкских земель в то время.

Хариберту достался удел его дяди Хильдеберта (т. е. королевство Парижское, куда входили: Санлис, Мелен, Шартр, Тур, Пуатье, Сент, Бордо и Пиренейские города).

Гунтрамну досталось королевство Орлеанское (удел его дяди Хлодомира) и вся территория бургундов, присоединенная франками при Хлотаре (от Сены и Вогез до Альп и морского берега Прованса).

Хильперих получил удел его отца — королевство Суассонское, которое франки называли Неостер-рике (Нейстрия), — т. е. Западное королевство. Границей его на севере была река Шельда, а на юге — Луара. Сигеберт получил королевство Остер-рике (восточное)⁴ с центром в г. Реймсе, которое соединяло в своем владении Овернь, всю северо-восточную Галлию и зарейнские земли до границ поселений саксов и славян⁵.

Наиболее крупные города, находившиеся в разных частях королевства, были поделены по жребию дополнительно, что создало невероятную «чересполосицу» владений: Руан и Нант были включены в королевство Хильпериха, а Авранш — в королевство Хариберта, так же как и Марсель; Арль достался Гунтрамну, а Авиньон — Сигеберту⁶.

Описание некоторых городов и борьба за них между братьями показывали, что в городах еще уцелели следы римской торговли и римской культуры в VI в., что делало их лакомой добычей для борющихся между собой феодалов.

¹ Greg. Turon. *Historia Francorum*, t. I, IV, p. 214.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Австразия.

⁵ Greg. Turon. *Historia Francorum*, t. I, IV, p. 291.

⁶ Там же.

Григорий Турский нигде специально не раскрывает роли и значения этих галло-римских городов, но некоторые его фразы, брошенные попутно, позволяют говорить о них как об уцелевших осколках галло-римского общества.

Так, например, говоря о Париже, Григорий Турский упоминает о находившемся там императорском дворце, который со своими строениями и садами занимал значительное место на левом берегу реки Сены¹. Он указывает такие башни Парижа, в которых можно было разместить воинов, а также сообщает о мостах через Сену, защищавшихся этими башнями².

Кроме того, Париж уже в то время был так велик и имел такое значение, что после смерти Хариберта братья поделили его на 3 части между собой³.

При описании брачного пиршества на свадьбе Сигеберта и Брунгильды, которое происходило в городе Меце, принадлежавшем Сигеберту, Григорий Турский дает некоторые сведения о самом городе Меце. Он пишет, что в нем был столь огромный дворец, что он вместил множество людей (всех магнатов королевства Австрии, всех графов, их людей и лошадей северных провинций Галлии с представителями городов, вождей старых франкских племен, которые жили еще по ту сторону Рейна, и, кроме того, герцогов аламанных, баварских и т. д.)⁴.

Пиршество происходило в дворце, в залах которого громко раздавались тосты пирующих, а всем прибывшим были в нем обеспечены квартиры и продовольствие.

Города Тур и Пуатье (по сравнению с Беарном и Бигорром) Григорий Турский называет богатыми и большими городами, которые вызвали у Хильпериха настойчивое стремление овладеть ими⁵.

Говоря о городе Туре, в котором он сам был епископом, Григорий отмечает его большие крепкие стены и наличие в нем во времена Сигеберта и Хильпериха, по преимуществу, галльского населения. То же он говорит и о Пуатье⁶. Относительно города Бордо, который тоже незаконно хотел отнять Хильперих у Сигеберта, Григорий Турский прямо указывает на его большие размеры, старинное происхождение и огромные здания, некогда принадлежавшие императорам

¹ Greg. Turon. Historia Francorum, t. I, IV, p. 214.

² Там же, p. 291.

³ Там же, p. 295.

⁴ Там же, т. IV, p. 216—217.

⁵ Там же, p. 227.

⁶ Там же.

и перешедшие вместе с прочим наследием в руки франкских королей¹.

Все эти описания перечисленных городов не оставляют сомнений в том, что некогда они были галло-римскими городами и уцелели ко времени прихода франков. Правда, Григорий Турский ничего не сообщает о торговле этих городов, но говорит об уцелевших зданиях и дворцах в них. Многие из городов позже, при господстве эпохи натурального хозяйства при франках, заглохли и потеряли свое бывшее значение. Но упорная война за них между франкскими королями Сигебертом и Хильперихом говорит о том, что в то время они были еще достаточно богаты и значительны и служили большой приманкой для грабежа и разбоя франкских правителей и их дружин. А все их войны и междоусобицы, красноречиво описанные Григорием Турским, служат яркой иллюстрацией переходной эпохи, в которой варварство, вступив в борьбу с цивилизацией, в конце концов подчиняется цивилизации, но эта цивилизация уже сама приобретает многие черты варварства. Соприкосновение черт старой и новой надстроек, свойственное этой переходной эпохе, эпохе генезиса феодальных отношений у франков, проскальзывает и во внешней политике франкского государства, и во взаимных отношениях между меровингскими королями-братьями. Жажда грабежа и наживы сталкивает их между собой в борьбе за земли и города, но уже усвоенное ими от новой эпохи стремление к единству государства, к единой власти заставляет обоих королей добиваться этого единства, опираясь на военную силу масс в борьбе с другими братьями. Так было с Хлотарем, который, всеми путями действуя, добился, наконец, объединения земель франков под его властью. Такая же борьба началась после смерти Хлотаря. Но эта борьба усложнилась и затянулась тем, что она включила в свою орбиту и жен, и детей, и внуков Хильпериха и Сигеберта, которые продолжали драться и тогда, когда уже инициаторов войны Сигеберта и Хильпериха давно не было в живых. Григорий Турский отмечает многие подробности борьбы. Он рассказывает, что в ответ на грабежи и злодеяния Хильпериха Сигеберт принужден был, действуя в Австразии, привлечь к себе на помощь зарейнские племена, среди которых многие были еще язычниками, как говорится в хронике. Григорий Турский и другие хронисты явно неодобрительно относились к этой затее Сигеберта. Они иронически говорили о том, что эти «союзники» Сигеберта были варварами и такими христианами, что соблюдали многие обряды своего

¹ Greg. Turon. *Historia Francorum*, t. I, IV, p. 228.

прежнего язычества, принося в жертву богам и людей и совершая другие жертвоприношения¹.

Эта затея Сигеберта, опиравшегося на варварские племена, оттолкнула от него христианских хронистов (и в первую очередь Григория Турского, который с этого времени становится на сторону его противников, т. е. Хильпериха и Гунтрамна). Он с сочувствием описывает встречу братьев и их клятву сражаться против Сигеберта и его варварских полчищ², но в войне удачнее был Сигеберт, и Хильпериху пришлось просить мира. Григорий Турский описывает противоречия, возникшие между варварами, которых вызвал Сигеберт, и им самим. Они требовали войны и возможности грабить. Он им отказывал, предпочитая мир с Хильперихом³.

В этих препирательствах Сигеберта с варварскими воинами, вызванными им из-за Рейна, еще ярче выступает борьба старого варварского строя военной демократии с зачатками государственности, которые проявляет Сигеберт. Он заставил этих воинов уйти обратно за Рейн, но не смог уберечь от их ярости население, жившее в окрестностях Парижа. Григорий Турский писал: «Деревни, окружавшие Париж, они жгли, грабили дома, забирали людей в плен. Король заклинал их, чтобы они этого не делали, но не мог преодолеть ярости племен, пришедших из-за рейнских областей»⁴.

Любопытно то, что Григорий Турский, при всей антипатии к Сигеберту, отмечает его попытку воздействия на варварские племена с целью предотвратить грабеж и насилия, которые они производили. Но попытки эти оказались безуспешными, т. к. варварские племена, прибывшие из-за Рейна, не привыкли ни к послушанию, ни к дисциплине в строю, а представляли собой типичные варварские орды, жаждущие грабежа и добычи. И франкские короли прекрасно понимали, что вызванные ими на помощь против своих собственных братьев варвары из-за Рейна будут грабить и убивать франкское население, ни с чем не считаясь. Тем не менее они (короли) их все-таки вызывали, когда им это казалось нужным для сохранения или приобретения власти. Грабеж и насилие — вот те методы, которыми пользуются все франкские короли эпохи Меровингов, начиная с самого Хлодвига, с именем которого было связано завоевание франками Галлии и создание «большого франкского королевства».

Тот же Григорий Турский вынужден отметить, что к тем же методам грабежа и насилия прибегает и Хильперих,

¹ Прокопий Кесарийский. Война с готами, кн. II, М., 1950, гл. XXV.

² Greg. Turon. Historia Francorum, t. I, IV, p. 229.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

когда ему понадобилось снова идти войной против Сигеберта в Австразию. Вступив на территорию Реймса, он, как говорит Григорий Турский, «...двинул свое войско и дошел до Реймса, все сжигая и разрушая»¹.

Погромы и пожары сопровождались страшными грабежами. Отсюда трудно поставить грань между тем, где в эту эпоху кончается варварство и начинается цивилизация. В войнах явно превалирует варварство. Такие необузданные натуры, как натура Хильпериха (или его брата Сигеберта), еще стоят по существу в том варварском мире, в котором война и грабеж были главными средствами к жизни.

Григорий Турский пишет: «...узнав об этом, Сигеберт снова призвал те племена, о которых мы упоминаем выше, и двинул их против брата, решив с ним покончить»².

В погоне за Хильперихом Сигеберт нарушает им же скрепленный договор о невступлении в Париж и входит в него. Военные действия между братьями и их отрядами принимают все более напряженный характер. Сигеберт все более теснит Хильпериха, которому приходится защищаться и отступать. Был убит его сын Теодеберт, стоявший во главе больших вооруженных сил франков. Силы эти были частично разбиты войсками Сигеберта, частично разбежались³. Хильпериху приходилось плохо. Но его жена Фредегонда подослала к Сигеберту наемных убийц, которые изрезали его отравленными ножами, и он умер⁴.

Братоубийственная война и борьба за земли на этом не прекращаются. В борьбе оказался убитым и сам Хильперих (убитый, правда, во время охоты, но народная молва называла и здесь имя его жены — Фредегонды).

Дальнейшее течение борьбы связано с именами королей: Брунгильды и Фредегонды. Закончилась борьба на этом этапе уже при сыне Хильпериха и Фредегонды Хлотаре II (613 г.), снова получившем власть над всей землей франков. Но за время войн меровингских королей и королей в VI—VII вв. чрезвычайно выросла земельная собственность отдельных магнатов и военачальников в королевстве, а с ней и их стремление ограничить королевскую власть в своих интересах. Особенно на этом фоне выделяется нейстрийская знать, которая предъявила Хлотарю II ряд ультимативных требований и вынудила у него знаменитый эдикт 614 г., представляющий, по мнению некоторых буржуазных историков, самую раннюю «феодальную конституцию» в Западной Европе.

¹ Greg. Turon. *Historia Francorum*, t. I, IV, p. 229.

² Ibid.

³ Ibid, t. II, VII, p. 229—230.

⁴ Ibid.

В целом эдикт Хлотаря II¹ является значительной уступкой в пользу церковных и светских крупных землевладельцев. Этот эдикт, как видно из его текста, еще более укреплял положение землевладельцев, закреплял за ними все те административные и судебные привилегии, которые они уже получили при прежних Меровингах (или захватили сами)².

Эдикт Хлотаря II утверждал также давно уже требуемое местными феодалами право ставить графов на местах из числа земельных собственников данной земельной территории, а не из центра. Данный пункт эдикта укреплял положение местной землевладельческой знати, представители которой, по эдикту, должны были получить и власть графов на местах, и приращение к своей земельной территории в виде бенефиция, получаемого за службу графа от короля.

Особенные льготы и привилегии получили церковные феодалы. Они добились утверждения завещаний в пользу церкви от светских землевладельцев, утверждения компетенции церковных судов и обращения к этим судам клириков, что выделяло их на особое место в государстве. Епископы по эдикту могли свободно избираться клиром без вмешательства королевской власти (всё это, конечно, не свидетельствовало об ее укреплении). За магнатами закреплялись в наследственное пользование полученные ими когда-то от короны земли, чрезвычайно усилилась власть мажордомов, признавалась самостоятельность Австразии, Нейстрии, Бургундии. Предложения, выдвинутые нейстрийской знатью, в эдикте, получили значение для всего королевства Меровингов.

Эдикт как королевская грамота, имеющая силу закона, явно укреплял положение крупной землевладельческой знати на местах, служил делу укрепления растущего феодального класса.

Наряду с этим можно отметить, что наиболее ярко эдикт Хлотаря II отражает влияние духовенства в земле франков. В громадном большинстве пунктов эдикта не обходится без упоминаний о духовных лицах.

В 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 14, 15, 18, 19, 20, 21, 22 и 24-м пунктах эдикта упоминается о церкви или ее служителях (в 16 пунктах из 24).

Конечно, это указывает на высокий удельный вес церковной землевладельческой знати у франков. Значительное отражение имеет и светская знать, как мы указывали выше. Больше того, светская и духовная власть претендуют в эдикте

¹ См. приложение (стр. 248—250).

² Chlotarii II. Edictus 614 An. Oct. 18 (M. G. H. Capitul. Reg. Fr. Boretius, t. 1).

на первенство перед королевской властью или, во всяком случае, на равенство с королевской властью. Это, например, отражает пункт 24-й эдикта, в котором указывается в едином плане на тех, кто имеет право отпуска рабов на волю. Сначала упомянуты «отцы церкви», потом светские правители — «благородные сановники»¹, а потом уже только названо (им самим) имя короля, который отпускает на волю «своих верных»². Это последнее звучит в эдикте значительно скромнее, чем упоминание о двух первых категориях знати.

Следует также отметить, что в эдикте уже несколько иначе, чем в «Салической Правде» говорится о положении непосредственных производителей.

Пункт 8-й эдикта упоминает, например, о чинше или цензе новом³, который должен был взиматься со всех, и рекомендовалось об этом широко оповещать народ. Такое прямое упоминание в эдикте о цензе, который должен был платить народ, встречается впервые в документах меровингской эпохи и свидетельствует о том, что для народа наступили тяжелые времена надвигающегося закрепощения. Для феодальной знати, наоборот, эдикт, созданный по требованию этой знати, открывал широкие возможности роста и усиления, санкционировал то, что уже фактически делалось на местах, где усиливалась феодальная знать и происходило закрепощение свободных когда-то франков.

Таким образом, эдикт Хлотаря II явно показывал рост земельных магнатов во франкском государстве первой половины VII в. и упадок королевской власти, которая во времена последних Меровингов имела некоторое усиление лишь при Дагоберте I, а потом совсем сошла на нет в политике «ленивых королей». Да, собственно, такая королевская власть, какой была власть последних Меровингов, вполне отвечала интересам господствующего класса, класса феодалов, т. к. не ставила препятствий к дальнейшему укрупнению земель в руках светских магнатов и церкви, захвату ими общинных и аллодиальных земель, закрепощению свободных общинников, укреплению феодализма в целом. Такая власть на данном этапе развития франкского государства тоже, как надстройка, помогала феодальному базису укрепиться, выполняя и в этом случае свою функцию.

¹ «...magnis viris optematibus...» (Ed. Chloth. II, указ. изд. XXIV, p. 23).

² «...fidelibus nostris...»

³ «...census novis...» (Ed. Chloth. II, 8, указ. изд.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подходя к обобщению всего исследования, мы понимаем, что оно представляет собой значительную сложность, так как в данной работе затронуто несколько вопросов, по преимуществу социально-экономической истории раннего периода средневековья у франков.

Задача, которую ставил перед собой автор, состояла в том, чтобы раскрыть на конкретном материале источников те черты, которые характеризуют зарождение феодальных отношений у франков в борьбе с пережитками первобытно-общинного строя, возникновение нового общества франков VI—VII вв. и его борьбу со старым укладом.

Мы стремились показать зарождение новых черт в экономике франкского общества, в характере землевладения и землепользования у франков, в социальных отношениях франкского общества VI—VII вв., раскрывая положение отдельных социальных групп (свободных, знати, литов, рабов) и их эволюцию за данный период.

Наконец, мы стремились раскрыть характер и типичные черты нового государства у франков, раннефеодального государства Меровингов и показать те черты, которые характеризуют его как государство переходного типа, в котором переплетаются черты новой и старой надстроек, а также показать моменты борьбы новой, растущей формации со старым укладом общества. В процессе работы мы делали наблюдения и выводы.

Отдельные наши наблюдения можно свести к следующему.

На основании данных «Салической Правды» вскрывается у франков в прошлом наличие пережитков рода, большой семьи и сельской общины, со всеми типичными чертами этих людских сообществ, что свидетельствует о существовании у франков в прошлом первобытно-общинного строя (об этом

говорят титулы «Lex Salica» о «Reipus», об аллодах, о рахин-бургах и т. д.)¹.

В момент записи и функционирования «Салической Правды» этот первобытно-общинный строй уже начал разлагаться под влиянием новых производственных отношений, раннефеодальных отношений на самой ранней стадии развития. Это разложение первобытно-общинных отношений ярче всего можно проследить на процессе борьбы малой и большой семьи и борьбы общины-марки за свои земли и права против наступления на нее аллодиальной, а затем и феодальной собственности на земли и феодальных земельных собственников как духовных, так и светских (борьба за пахотные земли и угодья, за лес и выпас, за право наследования и т. п.). Причем источники неизменно отражают в этой борьбе победу нового, более прогрессивного феодального строя и феодальной собственности на земли.

Рост новых производственных отношений (феодальных отношений) создает условия для роста у франков новых производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле, а также сопровождается ростом феодальной собственности на землю в VI—VII вв.

Вся экономика франков VI—VII вв. испытывает на себе влияние римской (античной) системы хозяйства, сложившейся в рабовладельческом обществе. «Салическая Правда», упоминая о некоторых объектах сельского хозяйства, приводит данные о плуге, о больших размерах запашки, об амбарах и зернохранилищах, о собственности на посевы и жатву, о хлебных культурах, овощеводстве, льноводстве, пчеловодстве у франков и весьма разнообразных породах скота (во всем этом чувствуется влияние Рима и его агрокультуры на варваров). В этом влиянии на варваров римской рабовладельческой хозяйственной традиции можно подметить одно из проявлений «синтеза двух миров», который лег в основу генезиса феодализма у народов, его испытавших. Но «синтез двух миров» предполагает двустороннее влияние (не только Рима на варваров, но и обратное влияние варваров). Это влияние отражено в жизни варварской общины-марки, коллективном землепользовании, наличии альменды и т. д.

Ремесло у франков тоже во многом испытало на себе влияние римской действительности. Новые исследования² обогащают наши данные о ремесле франков этой эпохи.

Социальный строй франкского общества, отраженный Салической и Рипуарской «Правдами», показывает, по наиболее ранним кодексам «Правд», преобладание в обществе

¹ «Lex Salica», tit. LVII, LIX etc.

² Salin, Grand и др.

свободных общинников (*iniqueni*) и свободной общины-марки, которая сама распоряжается землями и угодьями, входящими в ее территорию. Сравнение более ранних списков «Салической Правды» с более поздними ее списками, анализ «добавлений» к «Правде»¹, сделанных позднее, а особенно анализ капитуляриев к «Салической Правде»², позволяют отметить значительные изменения, происшедшие в обществе франков за VI—VII вв. в сторону генезиса феодальных отношений у них. Например, наследование земли (аллода) в ранних списках «Lex Salica», происходившее в пользу родственников (до шестого поколения включительно), в поздних списках «Lex Salica» и «добавлениях» к ней сменяется наследованием по прямой линии с явным выделением малой, индивидуальной семьи.

Термин «villa», обозначающий в ранних кодексах «Салической Правды» только деревню, эволюционирует. В более поздних кодексах «Правды» этот термин может относиться к хутору и к отдельному дому, а в капитуляриях к «Салической Правде»³ он уже обозначает «поместье». Эволюция термина отражает эволюцию в обществе: свободная деревня, отраженная в титуле XLV «Lex Salica», подвергается закрепощению, что отражает и «Extravagantia B.», II к «Lex Salica».

Значительным изменениям подвергаются отдельные социальные группы франкского общества VI—VII вв.: свободные, знать (светская, военная и духовная), литы и рабы. Дифференцированное изучение по источникам положения отдельных групп общества франков указанного периода позволило проследить за эволюцией в положении каждой группы, за повышением всех групп знати и постепенным ущемлением свободы рядового франка. К VII в. положение свободных, литов и рабов во франкском обществе значительно сближается. Все эти группы эволюционируют в сторону закрепощения их.

Во франкском раннем государстве эпохи Меровингов своеобразно переплетаются и перекрещиваются черты, характеризующие и наследие прошлой эпохи (первобытно-общинного уклада, эпохи военной демократии) с чертами нового феодального общества. Эта действительность отражена в документах эпохи, ощущается в характере судебных и административных учреждений, функциях придворных, в народном суде, в котором еще многое сохраняется от предшествующей эпохи. Тунгин или центенарий — выборные от народа лица, основные дела общины решает «mallus» — народный суд, большое место играют рахинбурги, соприсяжники и т. д. Но новая

¹ Add. I к тит. XIV и др.

² «Lex Salica», Capitul. I—VII.

³ «Lex Salica», tit. XIV, LXII, Capitul. VII, 9.

эпоха властно дает о себе знать в лице графа и его помощников (сацебаронов, викариев), которые все больше и больше вторгаются в сферу народного суда и, наконец, начинают в нем играть доминирующую роль.

Конкретные данные, которые известны по Салической и Рипуарской «Правдам» и по другим документам о жизни, быте, семейных отношениях и занятиях у франков, дают нам право, обобщая наши наблюдения, прийти к некоторым выводам теоретического характера.

Подмечая различие (по сравнению с другими народами) в характере развития производительных сил у франков (в частности, в сельском хозяйстве и ремесле), обусловленное некоторой спецификой этого развития, мы в то же время отмечаем то общее, что дало основу для всестороннего развития этих материальных производительных сил в новом обществе и создало условия для возникновения нового способа производства — феодального способа производства, который создали люди, массы, творя свою историю.

Переходя непосредственно к экономической истории этих народных масс — франков, мы подметили при помощи документов, что у них можно было обнаружить в той или иной стадии существования или разложения сельскую общину-марку, которая обладала определенными чертами взрывающего ее изнутри дуализма, отмеченного еще Марксом в его известном письме к Вере Засулич¹.

У франков мы могли проследить за внутренней прогрессирующей борьбой, которая происходила в данном обществе между растущей частной (аллодиальной и феодальной) собственностью и отступающей перед ними общинной собственностью, обреченной самим ходом истории на уничтожение в борьбе с ростом феодальной собственности на землю. Различные стадии этой борьбы, отраженные в документах в разное время, дали возможность говорить о степени феодализации на данное время у франков, о стадии развития феодальных отношений в данном обществе.

Детальное изучение документального материала о франках, об их социальных группировках и социальных отношениях между группами франкского общества помогло нам вскрыть картину зарождающихся или развивающихся внутри общины и за ее пределами разнообразных форм зависимости крестьян от растущего класса феодалов, что дало повод судить о стадии развития в данном обществе новых (феодальных) производственных отношений, феодальной эксплуатации.

Подмечая по документам влияние на франков «синтеза двух миров», а следовательно, несомненное влияние на вар-

¹ См. в I гл. работы.

варов римского рабовладельческого мира и его материальной культуры, мы можем отметить, что это влияние римлян создавало у франков несравненно более быстрые темпы развития производительных сил, чем у соседних народов, не подвергшихся «синтезу». С другой стороны, подчеркивая важное значение римского влияния на эволюцию общественного строя франков, мы имеем все же в виду, что основные черты феодализирующегося франкского общества своим исходным моментом имели варварское германское родовое общество. «Свободный франк» произошел от древних германцев, он же и составил основу нового формирующегося феодально-зависимого крестьянства.

Созданное в VI—VII вв. франками молодое феодальное государство представляет собой ту политическую надстройку, которая соответствует интересам нового господствующего класса. При всем своем примитивном облике государство Меровингов имеет ярко выраженный классовый характер, хотя в нем и проступают еще (на первых порах) некоторые черты, характеризующие пережитую франками эпоху военной демократии. Классовый характер государства сказывается в функциях правителей, в постепенном уничтожении народного представительства в суде, в законодательстве («Салическая Правда», «Рипуарская Правда», декреты и эдикты королей, капитулярии к «Lex Salica» и т. д.), во внутренней и внешней политике государства. Государство Меровингов сыграло громадную роль в расширении и правовом оформлении крупной феодальной собственности. В дальнейшем процесс феодализации достигает полного завершения уже при государстве Каролингов.

Germ. Hist. Capitul. Regum Francorum
ed. Alf. Borelius, t. I.
Hannover, 1883.

CHLOTARII II. Edictus 614 An. Oct. 18

Incipit actuum vel constitutionem incltyti principis Chlotarii regis super omnem plebem in conventu episcoporum in sinodo Parisius adunata, sub die quintodecimo Kal. Novembris anno trecesimo primo supra scripti regis imperium. Felicitatem regni nostri in hoc magisque divinum intercedente fuffragium succrescere non dubium est, si qua in regno. Dec propicio nostro bene cecta statute atque decreta sunt, in violabiliter nostro studierimus tempore custodire, et quod contra rationis ordinem acta vel ordinata sunt, neinantea quod avertat divinitas, contingat disposuimus Christo praesole per huius edicti nostri tenorem generaliter emendare.

1. Ideoque definitonis nostrae est, ut canonum statuta in omnibus conserventur, et quod per tempore ex hoc praetermissum est vel dehaec perpetualiter conservetur ita ut episcopa decedente in loco ipsius, qui a metropolitano ordinare debeat cum provincialibus, a clero et populo eligatur; si persona condigna fuerit, per ordinationem principis ordinetur; certe si de palatio eligitur, per meritum personae et doctrinae ordinetur.

2. Ut nullus episcoporum se vievente eligat successorem, sed tunc alius et substituat, cum taliter afficiretur, ut ecclesiam suam nec clerum regere possit. Idemque ut nullus vivente episcopo adoptare locum eius praesumat; quod si petierit, ei menime tribuatur.

3. Si quis clerecus, quolibet honore monitus, in contimtu episcopo suo vel praetermisso, ad principem aut ad potentioris quasque personas ambulare vel sibi patrocinia elegerit expetendum, non recipiatur, praeter si pro veniam vedetur expetere. Et si pro qualebit causa ad principem expetierit et cum ipsius principis epistola ad episcopo suo fuerit reversus, excusatus recipiatur. His qui ipsum post admonitionem pontefici suo retinere praesupsemrit, a sancto communio privetur.

4. Ut nullum iudicum de qualebit ordine clerecus de civilibus causis, praeter criminale negucia, per se distingere aut damnare praesumat, nisi conviditur manifestus expecto presbytero aut diacono. Qui convicti fuerint

de crimine capitali, iuxta canones distringantur et cum ponteficibus examinentur.

5. Quod si causa inter personam publicam et hominibus ecclesiae steterit, pariter ab utraque partem praepositi ecclesiarum et iudex publicus in audientia publica positi eos debeant iudicare.

6. Cuiuscumque defunctu, si intestatibus decesserit, propinqui absque contrarietate iudicum in eius facultatem iuxta legem succedant.

7. Libertus cuiuscumque ingenuorum a sacerdotibus, iuxta textum cartarum ingenuetatis suae continet defensandus nec absque praesentia episcopi aut praepositi aeclesiae esse iudicandus vel ad publicum revocundus.

8. Ut ubicumque Censur novus impia additus est et a populo reclamatur, iuxta in quaestione misericorditer emendetur.

9. De Toloneo ea loca debeat exegi vel de speciebus ipsis quae praecedentium principum, id est usque transitum bone memoriae domnorum parentum nostrorum Guntramni, Chilperici, Sigeberti regum est exactum.

10. Iudaei super Christianus actionis publicus agere non debeant. Quicumque se tuos dine sociare praesumpserit, se veris simam legem ex canonica incurrat sententia.

11. Ut pex et disciplina in regno nostro sit. Christo precipiente, perpetus et ut revellus vel insufficientia melorum hominum severissime reprimatur.

12. Et nullus iudex de aliis porvinciis aut regionibus in alia loca ordinetur; ut si aliquid mali de quibuslibet conditionibus perpetraverit de suis propriis rebus exinde quod male abstulerit iuxta legis ordine debeat restaurare.

13. Praeceptionis nostrae per omnia impleantur. Et quod per easdem fuerit ordinatum per subsequencia praecepti nullatenus a nullatur nec de palatio nostro tales praeceptionis aquirantur et sicuti ...p. ...audientia violatus statutum fuit.

14. Usque transitum bonae memoriae domnorum parentum nostrorum Guntramni, Chilperici, Sigeberti regum... si quis vero... die ingredi ille qui ingredi voluerit ubi domus possedit pontificium habeat usque audientiam defensare. Ecclesiarum res sacerdotum et pauperum qui se defensare non possunt a iudicibus publicis usque audientiam per iustitiam defensentur, salva emunitate praecedentium domnorum quod ecclesiae aut potentum vel cuicumque visi sunt indulsisse pro pace, atque disciplina facienda.

15. Si homines ecclesiarum aut potentum de causis criminalibus fuerint accusati, agentes eorum ab agentibus publicis requisiti si ipsos in audientia pu ... foris domus ipsorum ad instintiam reddenda praesentare noluerint, et distringantur, quatenus eosdem debeant praesentare. Si tamen ab ipsis agentibus antea non fuerit emendatum ita ut se auctoritatem ... qui debeant ... perte proficiat.

16. Quidquid parentis nostri anterioris principis vel nos per iustitia visi fuemus coscessisse et confirmasse, in omnibus debeat confirmari.

17. Et quae unus fidelibus ae leodebus, sua fide servandum domino legitimo, interringna faciente visus est perdedisse, generaliter absque alico incommodo de rebus sibi iuste debetis praecepimus revestire.

18. De puellas et viduas religioras aut sanctae munalis qui se Deo voverant tam que in proprias demus resedent quam qui in monestyrria posete sunt, nullus nec per praeceptum nostrum competat nec tragere, nec sibi in conjugio

sociare paenitus praesumat. Et si quis exinde praeceptum eleguerit, nullum sorciatur effectum. Et si quicumque aut per virtute, aut per quolibet ordino ipsas detrahare, aut sibi in conjugium praesumpserit sociare, capitale sententia ferietur. Et si in ecclesia conjugium fecerint et illa rapta aut rapienda in hoc consentire videbitur. Sequestrati ab invicam in exilio deportentur, et facultas ipsorum propria quis heredibus sociatur.

19. Episcopi vero vel parentes, qui in alias possedent regionia, iudicis vel missus discursoris de alias provincias non instituant, nisi de loco, qui institia percipiant et aliis reddant.

20. Agentes igitur episcoporum aut potentum per potestatem nullus res collecta colacia nec auferant, nec cuiusquam contemptum per se facere non praesumant.

21. Porcarii fescalis in silvas ecclesiarum aut privatorum absque voluntate possessoris in silvas eorum ingredi non praesumant.

22. Neque ingenuos neque servus, qui cum furto non depraeiatur, ad iudicibus aut ad quemcumque interfici non debeat inauditus.

23. Et quandoquidem passio non fuerit, unde porci debeant sagmare, cellarinsis in publice non exegatur.

24. Quicumque vero haec deliberationem, quem cum pontificibus vel tam magnis viris optematibus aut fidelibus nostris in synodale conclusio instruemus, temerare praesumpserit, in ipso Capitale sententia iudicetur, qualiter alii non debeant similia perpetrare.

Quam auctoritatem vel edictum perpetuis temporibus valeturum manus nostrae subscriptionibus decrevimus rovo randum, Hamnigus, Chlotarius in Christi nomine rex hanc definitione subscripsi.

Data sui die 15. Kalendas Novembris, Anno XXXI, regni nostri. Parisius.

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс. Капитал, тт. I и III. М., 1953.
- К. Маркс. Классовая борьба во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII.
- К. Маркс. К критике политической экономии (предисловие).
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I.
- К. Маркс. Из немецко-французских летописей. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I.
- К. Маркс. Письмо к Вере Засулич от 8 марта 1881 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. I.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., тт. XXI—XXIV. (Переписка 1844—1883 гг.)
- К. Маркс. Философский манифест исторической школы права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I.
- К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ, Госполитиздат. 1940.
- К. Маркс. Хронологические выписки. К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. V.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV.
- Ф. Энгельс. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.
- Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Архив, т. X.
- Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII.
- Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
- Ф. Энгельс. Письмо к Бебелю. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XVI.
- Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.
- Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
- Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.
- Ф. Энгельс. Франкский диалект. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I.

В. И. Ленин. Борьба за марксизм. Соч., т. 19.

В. И. Ленин. Великий почин. Соч., т. 29.

В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., т. 25.

В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса. Соч., т. 18.

В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29.

В. И. Ленин. О некоторых особенностях исторического развития марксизма. Соч., т. 17.

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, III гл. Соч., т. 3.

В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. Соч., т. 2.

II. ИСТОЧНИКИ

Annales S. Amandi M. C. SS. 1.

Annales Alamannici. M. C. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Eginhardi. M. G. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Fuldenses. M. G. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Laurehamenses. M. G. SS. 1.

Annales Laurissenses. M. G. SS. 1.

Annales Mosellani. M. G. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Mettenses. M. G. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Pataviani. M. G. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Tiliari. M. G. (ed. Pertz). SS. 1.

Annales Xantenses. M. G. (ed. Pertz). SS. 2.

Alcuini, Epistol. M. G. Epist. t. 1.

Beda e. Historia ecclesiastice gent. Ang. Corum (I—V).

Brunetti. Codex diploma. M. G. H. SS. 1.

Eginhardi. Vita Caroli Magni. M. G. SS. 2.

Eidili. Vita Sturmi. M. G. SS. 2.

Epistolae, M. G. Epistol. Meroving. et Karoling. zz. 1—5.

Edictum Rothari—Corpus Juris Germanici Antiqui.

Capitularis Regum Francorum. M. G. H. L. S. I. Ed. St. Balusius. Paris, 1677.

Capitulatio de Partibus Saxoniae. M. G. H. S. 1. Paris, 1677.

Formulae Andecavenses (в том же издании).

Huckbaldi. Vita Libuini. M. G. H. SS. 2.

«*Leges Alamannorum*». M. G. H. Legum Sectio — in quarto t. V pars 1. G. I. Lehmann, 1888.

«*Lex Alamannorum*». Corpus juris Germanici Antiqui.

«*Leges Aistulfi*». Ed. F. Walter, Berlin, 1824.

«*Lex Burgundionum*» (в том же издании).

«*Leges Burgundionum*» M. G. H. Legum Sectio I. Hannover, 1892.

«Салическая Правда» (русские издания)

Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права, под ред. Виноградова П. Г. и Владимирского-Буданова В. Ф., вып. 1. Подготовил к печати Егоров Д. Н. (его же примечания и комментарии.) Киев, 1906.

«Салическая Правда», перевод Грацианского Н. П. и Муравьева А. Г. Введение Грацианского Н. П. Казань, 1913.

«Салическая Правда», перевод Грацианского Н. П. Под редакцией Семенова В. Ф. М., 1950. (Полное издание с приложением латинского текста и капитуляриев к «Правде».)

«Салическая Правда» (иностранные издания) и другие источники

Pardessus J. M. Loi salique eu Recueil contenant les anciennes redactions de cette loi et du texte connu sous le nom de Lex Emendata avec des notes et des dissertations. Paris, 1843.

Waitz G. Das alte Recht der Salischen Franken. Eine Beilage zur deutschen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1844.

«Lex Salica», hrsg. von Merkel I, mit Vorrede von Grimm J. Berlin, 1850.

«Lex Salica», hrsg. von Behrend I., nebst den Capitularien zur Lex Salica, bearb. von Boretius, A. Weimar, 1897.

«Lex Salica». The ten tests with the glosses and the Lex Emendata; Synoptically ed. by Hessels J. H., With notes on the Frankish words in the Lex Salica by Kern, H. London, 1880.

«Lex Salica». Zum akademischen Gebrauche, hrsg. von Geffken. H. Leipzig, 1898.

«Lex Salica». 100-Titel Text. hrsg. von Eckhardt. K. A. Weimar, 1953.

«Leges Langobardorum». M. G. H. Legum Sectio I in folio, t. IV, ed. Bluhme, F. Hannover, 1886.

«Lex Baiuvariorum». M. G. H. Legum Sectio I in folio, t. III, ed. Merkel, Hannover, 1867.

«Lex Ribuaria». M. G. H. Legum Sectio I in folio, t. V, ed. Sohm, T. Hannover, 1875.

В том же издании — «Lex Francorum Hamavorum» — ibid («Lex Saxorum»).

«Lex Saxorum». M. G. H. Legum Sectio I in folio, t. V. ed. Von Richthofen, K. Hannover, 1875.

Кроме того, по изданию:

«Lex Frisorum». Corpus Juris Germanici Antiqui.

«Leges Crimwaldi». Ed. F. Walter, Berlin. 1824.

«Lex Hamavorum» (в том же издании).

«Leges Liutprandi» (в том же издании).

«Lex Ribuaria» (в том же издании).

«Lex Salica» (в том же издании).

«Lex Saxorum» (в том же издании).

Leges Wisigotorum» (в том же издании).

Monumenta Carolina. Ed. Ph. Haffe, Berlin, 1867.

Bibl. rerum Germanicarum. Ed. Jaffe, t. 4. Monum. Carolini.

Monum. Germ. Hist. Capit. reg. fr.

Monum. Germ. Hist., t. I. Ed. Boretius, 1881. t. II. Ed. Krause, 1890.

M. G. H. Legum Sectio V. Formulae Merov. et Karol. Ed. Zeumer, t. I—2. Hannover, 1884.

Marius Aventicensis. Chronicon ed. Mommsen, Ph. M. G. H. Antiqui, t. II.

Paulus Diaconus. Historia Langobardorum, ed. Bethmann et Waitz. M. G. H. Ser. rerum Lang. Hannover, 1878.

Recueil general des formules usees dan l'Empire des francs de V au X siecles par Eugene de Rosiere. Deuxieme partie. Paris, 1859.

Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum es M. G. H. recus. Annales fuldenses. Hannover, 1891.

Troya. Codice diplomatica langobardo, t. V (Storia d'Italia, Napoli, 1852—1856).

Widukind. Res Cestae Saxonicae. M. G. H. Scriptorus in folio, t. III.
Greg. Turonensi. Liber Historia Francorum. M. G. H. Script.
rerum Merov. Ed. Br. Krusch. t. II. Hannover, 1889.

Nithardi. Historiarum libri quattuor. M. G. H. Scriptores, in folio,
t. II.

Polyptique de l'abbaye de Saint-Germain des Pres. Publie par Guerdard,
t. I—II, Paris, 1843.

Polyptique de l'abbaye de Saint-Germain des Pres. redige au tamps de
l'abbe Irminon et publie par Longnon, Aug. Vol. I—II. Paris, 1885—1886.

Codex Laureshamensis, hrsg. von Glöckner, K. Bd. I—III. Darmstadt,
1929—1936 (Arbeiten der historischen Kommission für Hessen).

III. РАБОТА СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Алпатов М. А. Фюстель де Куланж и русская либеральная
историография. Изв. Акад. наук СССР, т. VI, № 2, М., 1949.

Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной
историографии. М., 1950.

Беркут Л. Н. Зачатки местной историографии по ранним варвар-
ским государствам. Труды Киев. гос. ун-та, т. I, 1939.

Бирюкович В. В. Образование феодального общества. Л., 1937.

Вайнштейн О. П. Историография средних веков. М.—Л., 1940.

Вайнштейн О. Л. Энгельс как историк средневековья. Уч. зап.
ЛГУ, № 3, вып. 12, Л., 1941.

Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собствен-
ность. М., 1949.

Граменицкий Д. С. О происхождении и содержании франкского
иммунитета. Сб. «Средние века», 1946, т. II.

Грацианский Н. П. Бургундская деревня X—XII столетия.
М., 1935.

Грацианский Н. П. Крепостное крестьянство на поместьях
аббатства св. Германа. Сб. статей в честь В. П. Бузескула. Харь-
ков, 1913.

Грацианский Н. П. О материальных взысканиях в варварских
«Правдах». «Историк-марксист», 1940, № 7.

Грацианский Н. П. К толкованию термина «villa» в «Саличе-
ской Правде». Сб. «Средние века», 1946, вып. 2.

Грацианский Н. П. О разделах земель у бургундов и вестготов.
Сб. «Средние века», 1942, вып. 1.

Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам
землемеров. «Вестник древней истории», 1946, № 1.

Грацианский Н. П. Из истории сельскохозяйственной техники
во Франции. В кн. «Из истории западноевропейского феодализма».
М., 1934.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1957.

Гутнова Е. В. Упразднение «Салической Правды» в реакцион-
ной буржуазной историографии. Сб. «Средние века», 1951, вып. 3.

Данилов А. И. К вопросу эволюции фоггства как одной из форм
права феодальной собственности. Труды Томск. гос. ун-та им. В. В. Куй-
бышева, т. 103. Томск, 1948.

Данилов А. И. К вопросу о характере марковой теории Мауре-
ра и ее месте в историографии аграрных отношений средневековья.
Труды Томск. гос. ун-та, т. 112. Томск, 1955.

Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья
в немецкой историографии. М., 1958.

Данилова Г. М. Франкское государство. «История в средней
школе», М., 1935, № 1.

Данилова Г. М. О списках и редакциях «Салической Правды» и описание рукописи «*Leninopolitanus*». Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена, т. 68. Л., 1948.

Данилова Г. М. Об основном экономическом законе феодализма. «Вопросы истории», 1954, № 7.

Данилова Г. М. Сельское хозяйство у салических и рипуарских франков по их «Правдам». Уч. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена, т. 68, Л., 1948.

Данилова Г. М. К вопросу о возникновении народности (на примере франкской). Уч. зап. КФ гос. ун-та, т. V, Петрозаводск, 1955.

Данилова Г. М. К проблеме рабства в раннефеодальном обществе (на примере франков). Уч. зап. КФ. гос. ун-та, т. IV, вып. 1. Петрозаводск, 1954.

Данилова Г. М. К вопросу о генезисе феодализма у франков. Уч. зап. Петрозаводского ун-та, т. VI, вып. 1. Петрозаводск, 1956.

Дейбо Л. И. Юридическая природа феодальной земельной собственности. Уч. зап. ЛГУ, вып. 1, Л., 1948.

Колесницкий Н. И. К вопросу о периодизации истории феодального государства. «Вопросы истории», 1950, № 7.

Корсунский А. Р. Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве VI—VII вв. Сб. «Средние века», 1953, т. 4.

Корхов Ю. А. Догородское ремесло средневековой Германии. Уч. зап. МГУ, т. XXVI, вып. 1, М., 1940.

Косвен М. О. Патронимия у древних германцев. Изв. АН СССР, т. VI, кн. 4, М., 1949.

Косвен М. О. Матриархат. Изв. АН СССР, М., 1949.

Косминский Е. А. Феодализм в Западной Европе. М., 1932.

Левандовский А. П. Об этническом составе империи Каролингов. «Вопросы истории», 1952, № 7.

Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Изд. ЛГУ, 1955.

Люблинская А. Д. К вопросу о развитии французской народности (IX—XV вв.). «Вопросы истории», 1953, № 9.

Макаров И. С. К вопросу об организации ремесла во французских поместьях эпохи Каролингов. Уч. зап. РАНИОН. М., 1929.

X Международный конгресс историков. «Вопросы истории», 1955, № 1 и 4.

Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет. Сб. «Средние века», 1946, т. 2.

Неусыхин А. И. Общественный строй лангобардов в VI—VII вв. Сб. «Средние века», 1946, т. 2.

Неусыхин А. И. Свобода и собственность в варварском обществе по «Салической Правде». Изв. АН СССР, т. II, кн. 4. М., 1945.

Неусыхин А. И. Эволюция собственности и свободы в родоплеменном и варварском обществе. «Вопросы истории», 1946, № 4.

Неусыхин А. И. К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса. Сб. «Средние века», 1955, вып. VI.

Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. Изд. АН СССР, М., 1956.

Очерки исторической науки. М., 1955.

Полянский Ф. Я. Проблема основного экономического закона феодализма. «Вопросы истории», 1954, № 10.

Поршнев Б. Ф. Сущность феодального государства. Изв. АН СССР, кн. 5. М., 1950.

Рыбаков Б. А. О происхождении древнерусской народности. «Вопросы истории», 1952, № 9.

Семенов В. Ф. Введение к советскому изданию «Lex Salica». МГПИ им. Ленина, М., 1950.

Сергеенко М. Е. Пахота в древней Италии. «Советская археология», 1941, т. VII.

Терешкович В. В. Рост частной власти по капитуляциям франкских королей. Журн. МНП, 1912, март.

Удальцов А. Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии. Журн. МНП, 1912, апрель.

Удальцов А. Д. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М., 1935.

Юшков С. В. К вопросу о феодальном варварском государстве. «Вопросы истории», 1946, № 7.

IV. РУССКАЯ И ИНОСТРАННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беляев Н. И. Фюстель де Куланж о древнегреческом землевладении. «Юрид. вестн.» М., 1882, № 2.

Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России. М., 1929.

Бюхер К. Возникновение народного хозяйства (перевод и ред. Кулишера), М., 1912.

Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880.

Виноградов П. Г. Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его учебной работы. «Русская мысль», 1890, кн. 1.

Грановский Т. Н. О родовом быте у древних германцев. М., 1856.

Гревс И. М. Очерки римского землевладения. СПб., 1889.

Егоров Д. Н. Как писал Эйнгарт «Из далекого и близкого прошлого». М., 1928.

Егоров Д. Н. Lex Salica. Изв. Киев. ун-та 1904—1905.

Егоров Д. Н. Новый взгляд на социально-экономическое развитие Запада в средние века. Анналы, № 2, Пг., 1922.

История европейской культуры, т. VII, СПб., 1913. «История Галлии при Меровингах и Каролингах». Под ред. Гревса И. М.

Ковалевский М. М. Очерки происхождения семьи и собственности. М., 1890.

Ковалевский М. М. Очерки истории разложения общинного землевладения в кантоне Ваадт (Швейцария). М., 1893.

Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем и отдаленном прошлом. М., 1906.

Морган Льюис. Древнее общество. Л., 1935.

Мэн, Генри Сомнер. Деревенские общины на Востоке и Западе (русс. перевод), М., 1874.

Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1908.

Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории Европы. М., 1928.

Пяскорский В. Л. Крепостное право в Каталонии в средние века. Казань, 1901.

Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1911.

Фюстель де Куланж. История учреждений древней Франции, тт. I—VI. СПб. 1901—1916.

Шпилевский С. М. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.

Шпилевский С. М. Союз родственной защиты у древних германцев и славян. Казань, 1866.

Amira. Grundriss der germanisch. Philolog. Berlin, 1897.

Vachofen. Mutterrecht. Berlin, 1861.

Barrieres-Flavy. Des Arts industriels des peuples barbares de la Gaule du V au VII siecles. Paris, 1901.

Behrend. Die Textentwicklung des «Lex Salica». Berlin, 1897.

Bethmann-Hollweg. Der Civilprocess der gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwicklung. Bonn, 1867.

Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris, 1931.

Boretius. Beiträge zur Capitularienkritik. Leipzig, 1874.

Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906.

Brunner H. Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechts. Stuttgart, 1894.

Caro G. Beiträge zur älteren deutschen Wirtschafts- und Verfassungsgeschichte. Zürich, 1905.

Clement. Forschungen über des Recht der Galisch. Franken. Berlin, 1876.

Dippe. Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merovinger. Wendsbeck, 1889.

Dopsch Al. Die freien Marken in Deutschland. Wien, 1933.

Dopsch Al. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Wien, 1923.

Eichhorn G. Deutsche und Rechtsgeschichte. Berlin, 1808—1815.

Ewig E. Die frankischen Teilungen und Teilreiche. Wiesbaden, 1953.

Fisch. Les origines de l'ancienne France. Paris, 1886.

Fustel de Coulange. Les origines de système féodal. Paris, 1890.

Fustel de Coulange. Recherches sur quelques problèmes historiques. Paris, 1888.

Fustel de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1892.

Geffken R. Lex Salica. Berlin, 1898.

Gessels et Kern. Lex Salica. London, 1880.

Giraud. Essai sur l'histoire du droit français au Moyen Age. Paris, 1846.

Grand R. et Delatrusche R. L'agriculture au Moyen Age de la fin de l'Empire. Paris, 1950.

Glasson E. Histoire du droit et des institutions de la France. Paris, 1887.

Glasson E. Les communautés et le domaine rural à l'époque franque. Paris, 1890, p. 2.

Grenier A. Aux origines de l'économie rurale dans les Annales d'Histoire économique. Paris, 1930.

Grimm I. Deutsche Rechtsalterthümer. Berlin, 1828.

Grundmann H. Handbuch der deutschen Geschichte. Stutthart, 1954.

Guizot. Histoire de la civilisation en France. Paris, 1832.

Guisot. Histoire de la civilisation en Europe. Paris, 1828.

Halban-Blumenstock A. Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums, Bd. I. Innsbruck, 1894.

Halphen L. A travers l'histoire du Moyen Age. Paris, 1950.

Heck Ph. Die Handelsgliederung des Sachsen... Berlin, 1927.

Hessels. Lex Salica. L., 1880.

Heusler. Deutsche Verfassungsgeschichte. Berlin, 1905.

Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1879.

- Kern. Die Glossen in der Lex Salica und die Sprache der Salischen Franken. Berlin, 1869.
- Knoell. L'immunité franque. Paris, 1910.
- Lacomblet. Geschichte des Niederreihns. Berlin, 1896.
- Lavissee. Histoire de la France. Paris, 1900.
- Lesne E. Histoire de la propriété ecclésiastique en France. Lille, 1928.
- Longnon A. Les noms des lieux de la France. Paris, 1920.
- Lot Ferd. La fin du monde antique et le début du Moyen Age. Paris, 1951.
- Löwe H. Von Teoderich dem Grossen zu Karl dem Grossen. Münster—Köln, 1952.
- Maurer G. Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadt Verfassung. Berlin, 1854.
- Maurer G. Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Berlin, 1856.
- Mayer T. Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters. Leipzig, 1945.
- Mitteis. Der Staat des hohen Mittelalters. Berlin, 1948.
- Mühlenhoff I. Das alte Recht. Berlin, 1870.
- Roth P. Geschichte des Beneficialwesens. Berlin, 1850.
- Rübel K. Die Franken, ihre Eroberung und Siedlungssysteme im deutschen Volkslande. Berlin, 1904.
- Salin Ed. La civilisation Mérovingienne. Paris, 1950—1957.
- Sohm. Die frankische Rechts und Gerichtsverfassung. Weimar, 1871.
- Sohm. Über die Entstehung der Lex Ribuaria. Weimar, 1875.
- Schröder. Die Franken und ihr Recht. Berlin, 1885.
- Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1820.
- Verlinden Charles. L'esclavage dans l'Europe Médiévale. Brugge, 1955.
- Viollet F. Caractère collectif des premières propriétés immobilières. Paris, 1872.
- Viollet F. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris, 1903.
- Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Berlin, 1844.
- Waitz G. Das alte Recht der Salischen Franken. Berlin, 1844.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Характеристика источников	6
«Народное право» франков	—
Законы франкских королей	22
Дипломы	23
Хроника Григория Турского	—
Формулы	24
Историография вопроса	25
Французская историография начала XIX в.	26
Немецкая историография первой половины XIX в.	28
Историография второй половины XIX в.	37
Русская дореволюционная историография	46
Советские историки о франках	51
Зарубежная историография XX в. о франках	55

Глава I

Черты первобытно-общинного строя у франков VI—VII вв. и борьба новых отношений со старыми	65
Пережитки родовой общины по «Салической Правде»	67
Аллод	83
Община-марка у салических франков	91
Титул о переселенцах («De migrantibus»)	92
Наличие альменды по «Салической Правде»	110
Титул о лесе	—
Титул о водоемах	113
Титул о праве пользования дорогой по «Салической Правде»	114
О собственности на скот по «Салической Правде»	116
«Рипуарская Правда» об общине у рипуарских франков	119
Пережитки ранней общины по «Рипуарской Правде»	—
«Правда» хамавов об общине и ее пережитках	130

Глава II

Хозяйство у франков VI—VII вв. и зарождение у них феодальной собственности на землю	135
Земледелие и скотоводство у франков	136
Ремесло	142
Торговля	154
Ранние формы земельной собственности	155

Глава III

Франкское общество VI—VII вв.	165
Свободный человек «Саллической Правды»	166
Знатные	169
Антрустии и рядовые франкские воины	173
О римлянах	182
Литы	186
Рабы и вольноотпущенники	197
Франкское общество по «Рипуарской Правде» к VII в.	200

Глава IV

Франкское раннефеодальное государство Меровингов и его переходный характер	213
Королевская власть и ее функции	214
Король как вождь племени и военачальник	—
Служба при дворе	218
Союз короля с церковью	220
Пути феодализации франкского государства	225
Внешняя политика Меровингов	233
Междоусобные войны Меровингов и их значение в процессе феодализации франкского государства	234
Эдикт Хлотаря II	241
Заключение	243
Приложение к главе IV	248
Библиография и источники	251

Галина Михайловна Данилова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ФРАНКОВ VI—VII вв.

Редактор *И. М. Ньюин*
Оформление художника *З. Е. Львовича*
Технический редактор *К. М. Подбельская*
Корректор *Г. А. Проводина*

Сдано в набор 31/VII 1959 г. Подписано к печати 12/XI 1959 г. Е—07548. Бумага 60×92 ¹/₁₆.
16,25 печ. л. 17,51 уч.-изд. листа. Госиздат № 171. Тираж 1000. Заказ № 930.
Цена 13 руб. 25 коп.

Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

Сортавальская книжная типография Министерства культуры Карельской АССР
Сортвала, Карельская. 32